ПИОНЕР 8

1983

Вперед, тимуровцы!

Гайдар геройски погиб в 37 лет. Каждый день его сознательной жизни — яркая и неповторимая строка в героической летописи советского народа.

После себя, когда фашистская пуля ударила в его сердце, он оставил тебе и твоим сверстникам свои замечательные книги. Каждая книга Гайдара — это учебник жизни, который учит любить людей, страну, в которой ты живешь, учит мечтать и побеждать любые трудности, свято хранить веру в наше непобедимое дело.

Гайдар прожил на земле всего 37 лет. Но этих лет хватило для того, чтобы шагнуть в бессмертие и стать одним из любимейших писателей нашего времени. Книги Гайдара сегодня читают не только в Советском Союзе, они изданы миллионными тиражами за рубежом.

Повести и рассказы Гайдара воодушевляли юных патриотов Вьетнама на бесстрашные подвиги в борьбе с американскими агрессорами.

Книги Гайдара помогают ребятам Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Монголии, Афганистана, Анголы любить свою родину, вместе со старшими товарищами строить новую жизнь.

22 января 1984 года исполняется 80 лет со дня рождения Аркадия Петровича Гайдара.

Это знаменательная дата в истории советской детской литературы, детского коммунистического движения в нашей стране: вся жизнь, вся работа и борьба этого человека — писателя-воина, писателя-вожатого — были неразрывно связаны с партией, Ленинским комсомолом, пионерской организацией.

Тимуровское движение, рожденное повестью «Тимур и его команда», стало неповторимой частицей нашего советского образа жизни, боевым делом пионерских коллективов.

Салют Гайдару!

ПРИКАЗ ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА

Всесоюзный штаб Тимура дает тебе, тимуровец, всем тимуровским отрядам и командам страны очередное важное задание:

1. В связи с 80-летием со дня рождения Аркадия Петровича Гайдара (22 января 1984 года) провести торжественные линейки и сборы, читательские конференции, литературные вечера, встречи с писателями, ветеранами гражданской и Великой Отечественной войн, с тимуровцами разных поколений, делегатами I и II Всесоюзных слетов тимуровцев, разучить песни и стихи о Гайдаре и тимуровцах.

Организовать среди ребят викторину по книгам А. П. Гайдара, конкурсы на лучший рисунок по его произведениям, сочинение на тему «Чему я учусь у Гайдара и героев его книг», просмотр кинофильмов по произведениям Аркадия Петровича Гайдара, о жизни и героическом подвиге писателя.

В день рождения писателя выставить почетные караулы у памятников и мемориальных досок А. П. Гайдару, в музеях писателя-воина. В Льгове, на родине писателя, и Лепляве, где погиб Аркадий Петрович, зажечь пионерские костры, провести сборы тимуровского актива.

2. Во всех городах, поселках и деревнях, где действуют тимуровские команды и отряды, продолжить традиционные тимуровские акции и операции («Красные звезды Тимура», «Ветеран живет рядом», «Детский дом — наш общий дом», «Милосердие», «Здравствуй, солдат!», «Малышок», «Дым в лесу» и другие), трудовые десанты, вручить старшим товарищам рапорты о проделанной работе.

О ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАНИЯ ДОЛОЖИТЬ ВО ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА ДО 20 ДЕКАБРЯ 1983 ГОДА И К 10 ФЕВРАЛЯ 1984 ГОДА.

«БОЕВОЙ ЛИСТОК» ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА БУДЕТ РЕГУЛЯРНО РАССКАЗЫВАТЬ О САМЫХ ИНТЕРЕСНЫХ НАЧИНАНИЯХ ТИМУРОВСКИХ КОМАНД И ОТРЯДОВ К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ГАЙДАРА.

Всесоюзный штаб Тимура сообщает:

летом 1984 года по решению XIX съезда ВЛКСМ состоится III Всесоюзный слет тимуровцев. В связи с подготовкой к слету при Всесоюзном штабе Тимура и редколлегии журнала «Пионер» создано оргбюро, которое приступает к работе. Оргбюро обращается ко всем читателям «Пионера», ко всем друзьям тимуровцев, ко всем тимуровским командам и отрядам страны с просьбой высказать свои предложения по программе III Всесоюзного слета тимуровцев, какие вопросы обсудить на нем, где его провести — в Арзамасе, Каневе, «Артеке» или другом каком-либо месте, каких почетных гостей пригласить на слет, какие объявить новые тимуровские операции, кого избирать делегатом слета, за какие дела и поступки.

Всесоюзный штаб Тимура предлагает:

всем тимуровцам, тимуровским командам и отрядам начать активную подготовку к III слету тимуровцев, по-гайдаровски бороться за право стать делегатом Всесоюзного слета, продолжить все традиционные операции, придумать новые, организовать встречи с делегатами I и II слетов тимуровцев, которые проходили в «Артеке» и Черкассах, узнать, кем стали тимуровцы последних лет, как делегаты слетов выполняли наказы слетов, приказы Всесоюзного штаба Тимура. Запишите воспоминания тимуровцев разных поколений, завяжите дружбу и переписку с лауреатами Знака ЦК ВЛКСМ имени А. П. Гайдара, постоянно докладывайте Всесоюзному штабу Тимура о ходе подготовки к районным, городским и республиканским слетам тимуровцев, к очередному Всесоюзному слету.

Всесоюзный штаб Тимура обращается с просьбой:

ко всем пионерским дружинам, отрядам, клубам, пионерским лагерям, Домам и Дворцам пионеров, носящим имя А. П. Гайдара, ко

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
АВГУСТ 8
Москва 1983 г.
Издательство «Правда»

всем музеям писателя (в том числе и школьным) сообщить свой точный почтовый адрес, рассказать об истории присвоения имени Гайдара, о памятных гайдаровских местах. Эти адреса будут опубликованы в «Пионере», составлена новая тимуровская карта, чтобы началась заочная переписка тимуровцев страны, состоялся обмен опытом работы.

Журнал «Пионер» продолжит публикацию материалов о Гайдаре, тимуровцах разных поколений, о подготовке к III Всесоюзному слету тимуровцев.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА ЖДЕТ ВАШИХ ПИСЕМ С ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ, ПОЖЕЛАНИЯМИ, РАЗДУМЬЯМИ, ДОНЕСЕНИЯМИ ПО АДРЕСУ:

101459, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Редакция журнала «Пионер». Телефон для справок: 212-14-17.

На конверте напишите наш традиционный девиз: **«Салют Гайдару!»**

Всесоюзный штаб Тимура.

г. Москва.

БОЕВОЙ ЛИСТОК

Говорят тимуровцы Стерлитамака

Историческая справка

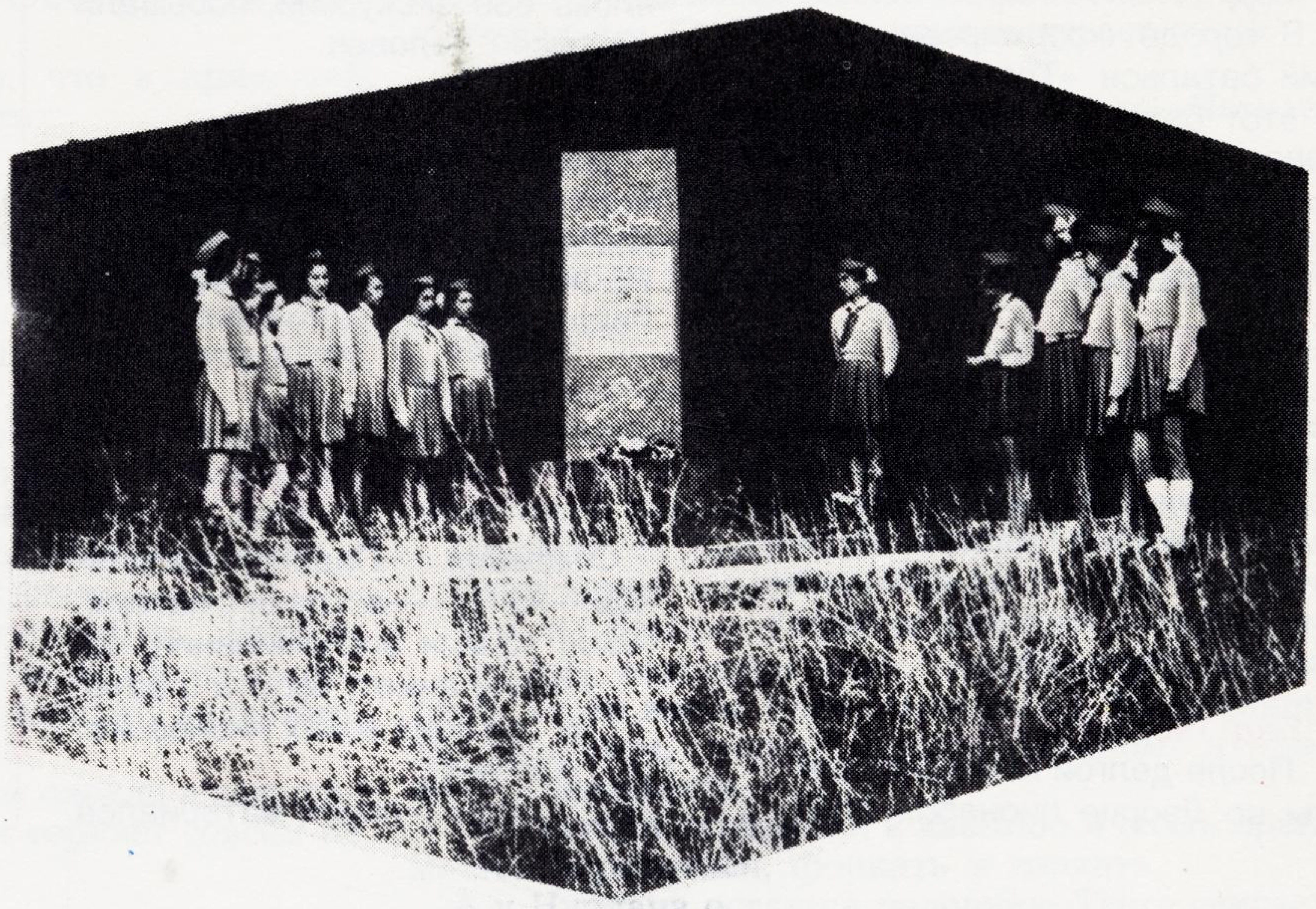
«Прибывший из штаба ЧОН республики бывший командующий войсками 5-го боевого участка армии по подавлению восстания в Тамбовской губернии тов. Голиков Аркадий Петрович назначается командиром отдельного батальона особого назначения Башкирской республики с 10 сентября» (из приказа № 11 штаба войск Приуральского военного округа).

Военная судьба бросала Аркадия Петровича Гайдара в разные уголки страны. Он сражался на Украине, на Кавказе, а в 1921 году принял командование 3-м коммунистическим батальоном частей особого назначения Башкирской республики. В то время положение в Башкирии было тревожное: по лесам и заимкам бродили бандиты, которые нападали на деревни, убивали коммунистов, милиционеров. На борьбу с бандитами и был направлен Аркадий Голиков, который действовал смело и решительно, используя свой немалый опыт командира. Ведь еще совсем недавно он боролся с бандами Антонова на Тамбовщине. Обо всем этом узнали тимуровцы города Стерлитамака более десяти лет тому назад. И начался тимуровский поиск. Ребята встретились с журналистом газеты «Стерлитамакский рабочий» Евгением Фроловичем Ледневым. Вместе с ним и писателем Гольдиным ребята по крупи-

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

цам собирали все факты, связанные с пребыванием Гайдара в их родном городе. Они узнали, где воевал Гайдар в Башкирии, собрали интересные сведения о борьбе с бандитизмом, прошли гайдаровскими дорогами в Башкирии.

И вот какая интересная хроника появилась за эти годы.



Хроника интересных тимуровских дел

Год 1972.

Городской пионерский штаб получил новое наименование — «Гайдаровец». Активисты штаба — запевалы всех интересных пионерских дел Стерлитамака.

Год 1973. Июнь.

На доме № 88 по улице Карла Маркса, где в 1921 году, как узнали следопыты, бывал командир 3-го особого коммунистического батальона по борьбе с белыми бандами Аркадий Голиков, открыта мемориальная доска. В гости к ребятам приехали сын писателя Тимур Аркадьевич Гайдар, школьный товарищ Гайдара Адольф Моисеевич Гольдин и бывший начальник ЧОНа Никита Степанович Опарин. Состоялись незабываемые встречи с интересными людьми.

Год 1974.

По предложению тимуровцев Стерлитамака улица Школьная была переименована в улицу комбата Голикова.

Год 1977. Декабрь.

В первый рейс отправился тепловоз «Аркадий Гайдар». На

о наших погибших земляках, забота о семьях погибших.

«Герои-земляки» — поиск материалов о двадцати четырех Героях Советского Союза, наших земляках (у каждой школы конкретное задание).

«Памятник» — забота о памятниках, поисковая работа.

«Третий особый» — соревнование пионерских отрядов за право войти в состав ребячьего батальона «Третий особый».

«Парки и скверы города — в тимуровские руки!»

его изготовление ребята собрали 120 тонн металлического лома.

Год 1978. Январь.

В городе сформирован ребячий батальон «Третий особый». В этот батальон вошли лучшие правофланговые отряды, которые живут и работают, как завещал Гайдар. В составе батальона 32 отряда.

Год 1979. Май.

По улицам Стерлитамака совершил свой первый рейс автобус «Аркадий Гайдар», а через год на линию вышел троллейбус имени Аркадия Гайдара. Металлический лом на их изготовление собрали пионеры и комсомольцы школы № 3.

Год 1981. Январь.

После долгой поисковой раб[illegible] ты во Дворце пионеров откр[illegible] музей писателя. В нем собраны интереснейшие экспонаты о его жизни и творчестве. Только за первые два года в музее состоялось 630 экскурсий, побывали 17 тысяч человек.

Год 1983. 8 февраля.

Дворцу пионеров и школьников города Стерлитамака постановлением Совета Министров РСФСР присвоено имя Аркадия Гайдара.

Наши операции

Операция «Подвигу земляков — жить!» — встречи с ветеранами, записи воспоминаний, со[illegible]вление анкет, забота о вете[illegible]х (в своих зонах пионерско[illegible]ействия).

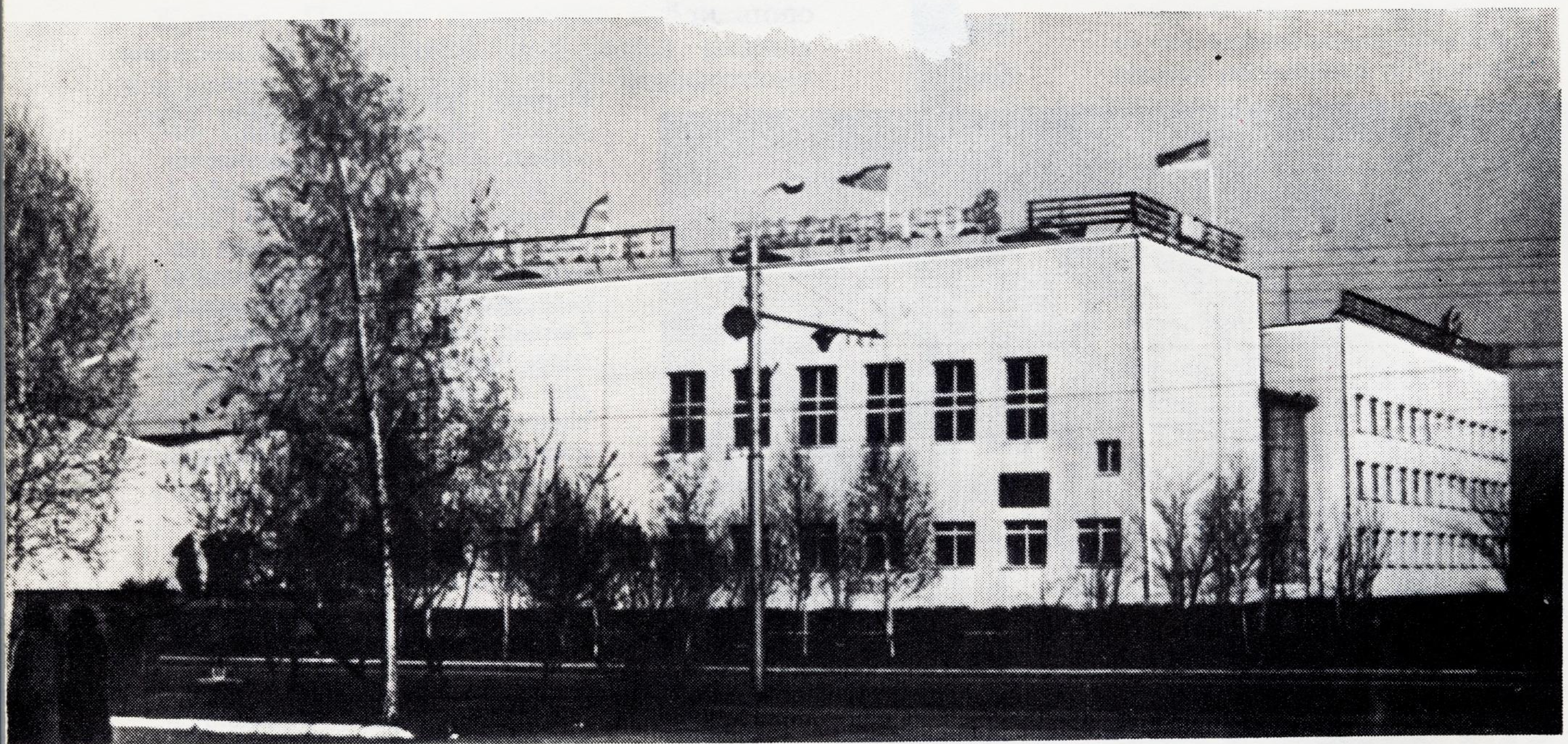
[illegible]мять» — поиск материалов

Наши путешествия

Мы побывали на Украине, где сражался и погиб Гайдар, в Арзамасе, где прошла комсомольская юность Гайдара, в Москве встретились с близкими и родными писателя; в Воскресенске, где живет боевой командир Опарин, в Льгове, на родине Гайдара, у ребят Соколовки Казахстана, у тимуровцев города Светлограда и во многих других местах нашей Родины.

ОТ ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА

За интересную тимуровскую работу штаб «Гайдаровец» города Стерлитамака награждается почетной грамотой журнала «Пионер».



Станислав **РОМАНОВСКИЙ**,
лауреат премии А. П. Гайдара журнала «Пионер»

СЕМЕЙНЫЙ ЭКИПАЖ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 6, 7.

Рисунки В. ДУДКИНА.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Пшеничное Солнышко

Нурлан просыпается оттого, что в прихожей кто-то тяжко вздыхает и пыхтит:

— О-оох!.. Пых!.. Брр!..

«Брр» — не страшно: это холодильник, похожий на белого медведя. Он задумается, застынет, а потом его ознобом передернет. Холодильник затрясется, скажет, да не по разу, «брр» и успокоится, чтобы через некоторое время опять озябнуть и тут же согреться.

А вот кто пыхтит и вздыхает так горестно?

Это, наверное, в гости к родителям старый человек пришел, странник, дальняя родня. Сидит в кухне, пьет чай, отдувается, вздыхает и рассказывает про свой век, долгий, как степь.

Лежа под одеялом и прислушиваясь, Нурлан представляет странника с посохом, в сапогах, сморщенных гармошкой от странствий, и ему не терпится взглянуть на гостя.

Мальчик высовывается из-под одеяла и замирает: за дверью кто-то форкает и торкает совсем не по-стариковски:

— Форк!.. Торк!.. Ооо...

Похоже, что маленький ягненок прибежал, все обнюхивает, и все ему тут в диковинку.

Только как он в квартиру-то попал?

— Ох! — вздыхает гость за дверью.

Так умеет только один Богдан, когда разучивает роль:

— Ох! Тяжела ты, шапка Мономаха!

Все понятно: на кухне сидит сам Богдан. Почетный гость, самый сильный человек в детсаду.

Вот визит, всем визитам визит. Визитище!

— Я сейчас! — обрадованно кричит Нурлан, сбрасывает одеяло, натягивает брюки и рубашку. Застегнуться на все пуговки у него не хватает терпения, и, путаясь в одежде, мальчик выбегает на кухню.

Богдана там нет. А кто шумел-то?

Пыхтит. Кряхтит.

Вверх ползет.

Недосмотришь — упадет.

Но не больно ему.

Почему?

Вот оно что: на столе стоит корчага, а в ней пучится белое, как сметана, тесто.

Закрыть его чем-нибудь, чтобы поутихло!

Нурлан оглядывает сложное кухонное хозяйство, выбирает доску, на которой стряпают пельмени, и нахлобучивает ее на корчагу.

Тесто не дышит, словно и нет его.

Порядок! Где наша не пропадала?

Нурлан потягивается, зевает и собирается пойти полежать, как доска-хлебница начинает крениться и из-под нее белой кудриной вылезает тесто.

Упрямое!

— Куда ты? — чуть не плачет Нурлан.— Чего тебе в квашне-то не сидится?

Тесто не слушается — ползет во все стороны. А доска-хлебница — набекрень.

Может, его отбавить, чтобы в корчаге просторней стало?

Вокруг корчаги, как цыплят вокруг наседки, Нурлан собирает кастрюли и кастрюльки — белые, синие, коричневые. Половником мальчик зачерпывает тесто. Оно берется податно, густое, вязкое, затягивает половник к себе и не отпускает.

Ни туда ни сюда.

Один черен торчит из теста.

Что ты будешь с ним делать, а?

Нурлан подвигает стул, взбирается на него и тянет черен вверх, пока хватает сил. Тесто тянется за черпаком, встает белым столбом и — надо же! — обрывается.

Оно звучно шлепается в квашню и опять принимается ворочаться, форкать и торкать.

А у Нурлана остается половник. Тесто свисает с него, и сколько ни тряси — не стряхивается.

Пристало, как пристыло.

Нурлан запрокидывает голову, ртом ловит тесто, свисающее с половника, с наслаждением ест его — сырое, кислое и немыслимо вкусное.

Пока человек наслаждается жизнью, тесто перевалило через край корчаги и подбирается к столу. Замешкавшись, оно опускается на столешницу и ползет по ней, куда ему вздумается.

Не сводя глаз с теста, Нурлан чисто-начисто облизывает половник, слезает со стула, не брякнув, кладет половник на стол, пятится к выходу, спиной открывает дверь и зовет:

— Мама!

Никто не откликается.

Мальчик вбегает в комнату родителей. Там никого нет. Тахта и кровать заправлены. Судя по всему, родители встали много раньше его и ушли.

Где их искать?

А тесто ползет по столу, подползает к краю и свешивается с него.

Ой, что теперь будет?

— Мама-а-а!..

Нет ее.

Народ надо звать на помощь. Народ!

Нурлан выбегает на крыльцо и видит маму. Она несет картошку из огорода — светлую, пахнущую

легкой рассыпчатой землей. Мальчик кубарем скатывается под ноги маме и от переживаний не может выговорить ни слова.

Мама берется за сердце.

— Что опять стряслось?

— Там! Там!

— Что там, сынок?

Наконец-то Нурлан выговаривает:

— Тесто!..

Мама бледнеет.

— Так я и знала,— говорит она, спешит за сыном, на ходу перевязывая косынку, чтобы волосы были спрятаны.

На кухне мама быстрым взглядом оценивает обстановку.

— Так, так,— говорит она.— Тут, я вижу, без меня похозяйничали? Да ты погоди реветь, сынок. Сейчас будем печь хлебы!

Рассказать вам, как пекут деревенский хлеб? Не на хлебозаводах, а в русской печи в глубинных деревнях? Хозяйка на стол с вечера рассыпает сушиться муку, отчего в доме светлеет, как от первого снега. Утром она чисто-начисто умывается, смотрит на свет руки, можно ли ими делать хлеб, повязывает волосы косынкой, просеивает муку через бабушкино сито, у которого светится лубяной обод. Хозяйка закатывает рукава, месит тесто в глиняной квашне, тоже бабушкиной, трижды уроненной с лавки, с отбитыми краями, но внутри чистой, глянцевой и насквозь звонкой. Тесто не поддается, липнет к пальцам, но хозяйка мнет его с сосредоточенным — не подступись — лицом. Когда тесто перестает приставать к ладоням, хозяйка ставит квашню в теплое место.

С этого времени в доме поселяется еще одно живое существо — Хлеб. В корчаге ему тесно, он пучится, дышит, и, когда он дышит особенно слышно, ребенок перестает капризничать и прислушивается, кот на лежанке просыпается, а хозяйка идет обмять тесто.

Мнет хозяйка тесто и, случалось слышать, поет:

Вымету, вымету чистое поле.
Нагоню, нагоню белых лебедей.
Посажу, посажу во красное окошко,
Во красное окошко да рядышком к ряду.
Вылетят лебеди из красного окна,
Да сядут белые на четыре столба[1].

И одна хозяйка знает, когда вылепить каравай, на деревянной лопате посадить его в печь, закрыть ее железным листом и вынуть из печи горячее, прихотливо разрисованное трещинками, золотисто-карее чудо, которое дети зовут Солнышком. Я слышал не раз, как дети, дожидаясь хлеба из печи, тихонько звали его:

Солнышко! Солнышко!
Выгляни на бревнышко.

Я замечал: если хозяйка печет хлеб, в семье забываются обиды и надолго устанавливаются мир и лад.

После маминых хлопот, когда тесто усмирено и усажено в духовку, Нурлан осмеливается спросить:

— Папа скоро придет?

— Не знаю,— отвечает мама.— Его к директору совхоза вызвали.

— По делу?

— По очень серьезному делу, сынок.

— По какому?

— Человека привезти.

— О!

После молчания Нурлан спрашивает:

— А Иван Пантелеевич не поехал?..

— Он не думал, что так скоро. Его на той неделе в Кваркено услали хлеб убирать.

— О!

Входит отец.

— Все хорошо? — спрашивает мать.

Отец кивает, раздевается до пояса, моется под краном, подставляя воде шею и плечи. Он такой озабоченный и молчаливый, что Нурлан не решается подступиться к нему, а только глядит на него и радуется его присутствию.

Мать открывает духовку, пробует печево на звон — ножиком стучит по корочке. Хлеб отвечает добрым отчетливым звуком: «Я поспел!»

Отец с сыном садятся за стол, а мать на противне вынимает из духовки хлеб, как Пшеничное Солнышко, и ставит остывать перед мужчинами.

— Когда же он остынет? — будто бы про себя ворчит Нурлан.— Сколько еще сидеть? Я на улицу пойду...

— Сынок,— говорит мать,— ты чего такой нетерпеливый? Раньше ты таким не был.

Отец ничего не говорит, но Нурлан чувствует, как около Пшеничного Солнышка мягчеет его душа.

А хлеб остывает медленно-медленно, и от него по комнатам идет пшеничный дух солнца, отцеженных соков земли и ярой силы и радости, крестьянского здоровья, что сберегли люди от самой старины и до наших дней.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Иван Иванович

После столования мать объявляет Нурлану, что всей семьей сейчас они пойдут в гости к Наталье Николаевне.

Мгновенно мальчик вспоминает королеву, ее смерть и воскрешение:

Шелка на дорогу: идет королева.
Victoria mea!

И требует, чтобы ему помыли голову, да как следует.

Мать осматривает волосы сына, больно перебирая их у корней, и говорит:

— Голова у тебя чистая.

Мать надевает на Нурлана свежую рубашку.

Отец говорит матери негромким голосом:

— Ложечку подарим «на зубок».

Из заветного уголка буфета мать достает серебряную ложечку — по черенку пущен узорчик, а сам черпачок белый, без отметины. Ложечка играет светом, словно купается в воде, и мальчику становится жаль ее — самую красивую вещь в доме. Он собирается слезно попросить родителей оставить ложечку в покое, но тут же постигает всю чудовищность своей просьбы и — ладонь на ладонь — зажимает себе рот, чтобы просьба ненароком не сорвалась с языка.

— Зубы?! — вскрикивает мать.

— Меньше ешь сладкого,— наставляет отец.—

---

[1] Эта песня — загадка. И разгадка — само сотворение хлеба. Чистое поле — под печи, который хозяйка обметает гусиным крылышком, прежде чем сажать хлебы. Белые лебеди — сами хлебы. Красное окошко — чело печи, красное от жара. Четыре столба — обеденный стол.

То-то же, сладкоежка! Сейчас к зубному врачу пойдем. Или прошло?

Глазами Нурлан дает понять, что проходит. Он отнимает ладони от рта и сообщает:

— Отпустило.

Все трое, нарядные, выходят из дома.

Прохожих на улице нет, и Нурлан с надеждой ворочает головой: не смотрит ли кто-нибудь на них из окна?

Нет, не смотрит.

Эта часть поселка молодежная. Люди в ней старятся не скоро, по домам не сидят, и стариков домоседов здесь нет, кроме Нурланова дедушки. Да и тот живет на краю, на отшибе.

Как ты там, дедушка?..

Нурлан идет между отцом и матерью, взяв родителей за руки, и иногда от избытка радости мальчик поджимает ноги и повисает на родительских руках, как на качелях. При мысли о дедушке Нурлан невольно тянет родителей в ту сторону, где дедушкин сад, и отец недоумевает:

— Куда ты нас тащишь, сынок?

— Да сила-то какая! — удивляется мать, на что отец отзывается:

— Есть в кого.

— Что? — спрашивает Нурлан и забывает обо всем на свете. Навстречу бежит большая каштановая собака. Она, по-видимому, бездомовица, и хозяина у нее нет. Это видно по тому, какая она нечесаная, в репьях, как она машет опущенным хвостом. Да и бежит собака как-то боком, словно невзначай поглядывая на людей. Взгляд у нее уступчиво вежливый, умный, и, стало быть, хозяин у собаки был, и знавала она жизнь счастливую.

Нурлан выпячивает грудь и восторженно глядит на нее.

А собака принимает его взгляд за обещание дать хлеба и бочком, словно невзначай, приближается к мальчику, но, испугавшись кого-то, шарахается в сторону и убегает с проворством, неожиданным для ее крупного телосложения.

Дом, где живет Наталья Николаевна, такой же, как у многих жителей поселка, из белого кирпича; сад-огород с карагачем, яблонями и картошкой; телевизионная антенна крестом. Только куда больше, чем у соседей, цветов в палисаднике, и от их запаха у Нурлана сильнее стучит сердце.

Он плюет на ладошки, приглаживает волосы и первым вступает в дом. Его обдают парные запахи и таинственно приглушенные звуки. Их, по-видимому, много, но в отдельности не разобрать, и, сплетаясь, звуки образуют гул, как пчелы на цветах, собирающие мед июльского взятка.

Издалека Нурлан видит Наталью Николаевну, и его поражают ее запавшие глаза, омытые болью и полные тихого счастливого света.

Мать и Наталья Николаевна целуются. А отец с поклоном подает хозяйке серебряную ложечку.

— Ой, что вы! — говорит Наталья Николаевна слабым шепотом.— Зачем?

— На зубок! — громогласно напоминает Нурлан и осекается, оттого что мать дергает его за рукав.

— Человека разбудишь,— шепчет она.

Взглядом Нурлан ведет за взглядами взрослых и видит посреди комнаты на кровати, огороженной деревянными перилами, ребенка в пеленах — такого маленького, какого Нурлан еще не видел ни разу в жизни.

Он и не предполагал, что дети бывают такие маленькие. У ребенка закрыты ручки и ножки; он весь запеленут; но зато хорошо видно личико — розовое, с крепко-накрепко зажмуренными глазами, с крутым лобиком и редкими темными волосами.

В душе Нурлана пробуждается и крепнет чувство покровительства слабому. Он шевелит лопатками, дышит глубоко и слышит, как по всему телу переливается сила.

Затуманенными глазами Наталья Николаевна глядит на сына и на Нурлана, и в приливе нежности к младенцу Нурлан советует ей:

— Его надо назвать Ольмэз!

— Почему? — шепотом спрашивает Наталья Николаевна.

— Потому что «Ольмэз» по-русски будет «Вечный человек».

— Вечный? — Наталья Николаевна нагибается и, обдав молочным дыханием, целует Нурлана в макушку.

— Назвали уже,— шепчет она.

— Как?..— не без ревности спрашивает Нурлан.

— Иваном,— отвечает женщина и беззвучно смеется, так что у нее на глазах выступают слезы.

— Иваном. Ваней,— повторяет она.

— Ой, как хорошо! — хвалит мать. А отец произносит раздумчиво:

— Иван Иванович.

— Мы так и задумали,— улыбается Наталья Николаевна.— Ой ты, Ваня-Ванистый, какой же ты приманистый... У мужа в роду много Иванов. А у меня и того больше.

«Такой маленький, а уже Иван Иванович,— со взрослым умилением думает Нурлан.— Надо же!»

Он приклоняет лицо к деревянной ограде, чтобы ближе видеть новорожденного, и, затаив дыхание, рассматривает выпуклый лобик, толстые щеки, крепко, даже мучительно зажмуренные глаза, по черточкам перебирает взглядом всего младенца и думает о том, что с Иваном Ивановичем они будут друзьями — водой не разлить.

Нурлан всегда будет заступаться за маленького.

Наталья Николаевна склоняется над сыном, и волосы ее — злато-рыжие — рассыпаны по плечам. Она королева, что минувшей весной пленяла весь мир и Нурлана тоже, и это он, а не кто другой освободил ее шлейф, зацепившийся за сучок в полу!..

В мгновение ока Нурлан вспоминает забытый сон, в котором ему снится песня. Во сне он идет по гриве между двумя оврагами, и в оврагах, в отрогах их, как синие птицы, лежат синие тени. Песня стелется откуда-то с овражьих приверхов. Женские голоса струятся, жарко обнимают душу и уводят высоко-высоко. Мальчик торопится навстречу голосам, и такая чистота, упование на счастье и милосердие живут в песне, что Нурлан весь в светлом потрясении. Сейчас наяву он шевелит губами, подпевая Великой Тайне, хотя ни мотива, ни слов он не знает.

Украдкой, так, что никто не видит, Нурлан дотрагивается до золотых волос королевы, вздыхает, отходит в сторону и забывает про сон и песню.

Иван Иванович чмокает во сне и, не просыпаясь, плачет, открыв ротик, в котором нет ни единого зуба.

— Аа-аа-ааа! — поет Наталья Николаевна, берет его на руки, дает ему грудь, и ребенок сосет молоко, все так же не открывая глаз и не просыпаясь.

— Аппетит у него хороший,— говорит отец.— Богатырем вырастет.

— Да?..— Наталья Николаевна слабо улыбается и наклоняет голову, чтобы солнце не било в лицо ребенка.

Иван Иванович насытился, спит на коленях у матери, и тени, еле различимые, бродят по нему — то ли от гостей, то ли от занавесок, то ли от облаков, которые опять собираются над степью.

— Дай-ка я его подержу! — не выдерживает мать и с неутоленной ласковостью умело принимает младенца на руки, любуется им, и лицо ее от света лица Ивана Ивановича такое преображенно прекрасное, что Нурлан потрясенно смотрит на маму.

— Век бы держала,— признается мать, передавая младенца Наталье Николаевне.— Теперь мне радости хватит на неделю.

— А мне на месяц,— говорит Нурлан.— А то и на три месяца...

Но он говорит это так тихо, что его никто не слышит. Да вдобавок Ивану Ивановичу приходится менять пеленки, и опять он лежит посреди деревянной кровати, как посреди мироздания.

Самое время прощаться.

— Дерево-то посадили? — спрашивает отец у хозяйки.

— Посадили. Идемте — покажу,— шепчет Наталья Николаевна и, прислушиваясь к дыханию сына, ведет гостей в сад-огород, где в лунке растет дубок: листья резные, большенькие, а сам маленький, так что и не сразу приметишь его.

— А полить толком не полила,— вспоминает Наталья Николаевна.— Не до этого было...

— Мы на что? — говорит отец. А Нурлан вызывается:

— Я!

Из бочки, пахнущей болотом, мальчик приносит в ковшике дождевую воду и поливает деревце.

— Больше не лей. Одного ковша хватит,— говорит отец Нурлану и с улыбкой обращается к хозяйке:

— Наталья Николаевна, почему бы вам еще дубочков не посадить?

— Сколько? — спрашивает она.

— Три по крайней мере,— советует отец. А мать поддакивает:

— Да уж не меньше!

— Ой, много,— слабо улыбается Наталья Николаевна.— Что вы...

Нурлан оглядывает сад-огород, думает, что дубкам в нем места хватит. А вслух с неожиданным для него самого отчаянием спрашивает:

— Наталья Николаевна! Вы меня... На будущий год... в школе учить будете?

— Обязательно буду,— обещает женщина.— Я не только буду...

Она не договаривает — уходит на плач ребенка. Некоторое время гости ждут кого-то, стоят во саду ли, в огороде и смотрят на дубок, крепенький, во влажной лунке.

Домой идут не торопясь.

Отец и мать переговариваются, а Нурлан молчит, вслушивается в себя и всю дорогу постигает, что в его жизни произошло великое событие.

В мир пришел Человек.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Гулистан[1]

В бабье лето, в воскресенье, дедушка и Нурлан прибираются в саду. Груши и яблоки давно собраны, розданы жителям поселка, но в этом году уродилось так много яблок, что оказался большой остаток, и, чтобы сохранить яблоки на зиму, дедушка готовит зимовальную яму.

Острой лопатой он снимает пластины дерна, а Нурлан складывает их в сторонке и слышит, как кряхтит и стонет дедушка, углубляясь в красную землю.

— Дедушка,— спрашивает Нурлан,— чего ты стонешь?

— Червей много перерезал,— винится дедушка.— Очень много перерезал дождевых червей. Почему они попадают под лопату?

— Они срастутся,— утешает Нурлан.

— Ты так думаешь? — оживляется дедушка.— Ты думаешь, они будут жить?

— Я знаю,— уверяет Нурлан.— Я видел коротких червей. Вот таких.

— И они живут? — удивляется дедушка.— Они шевелятся?

— Еще как!

— Если они все время шевелятся, значит, они все время живут,— рассуждает старик.

Он стоит по пояс в яме, платком вытирает пот с бритой головы и смотрит на мир.

Кругом благодать.

Осеннее солнышко набрало силу. Разбуженные его теплом, порхают бабочки. По закрайке сада по второму разу зацветают цветы: нежно-лиловый астрагал, желтый козлобородник, золотая розга, белая звездчатка, малиновый или красно-фиолетовый воитель — татарник, восковой репяшок, дымчато-белый тысячелистник — деревей-трава, огненный зверобой... Они расточают знойный запах лета, которое все еще здесь, но вот-вот отойдет в жаркие страны. Гудит шмель. По цветам ползают пчелы. Их ворчанье и движения деловиты, и, судя по всему, меда на посошок они находят немало. Лоснятся стволы деревьев.

А одна яблоня позабыла, что она в свой срок принесла урожай плодов, окончательно перепутала осень с весною и накануне зимы зацвела по второму разу — вся, как есть, убралась бело-розовыми цветами и нежится под солнышком.

Дедушка говорит с веселой укоризной:

— Ай, яй, яй! Старая яблоня на зиму нарядилась невестой. О чем она думает?

Он качает головой, берется за черен лопаты и вонзает лезвие в красную землю.

Из ямы остро пахнет глубинной сырой землей, и запах этот, доселе неизвестный Нурлану, тревожит и немного страшит мальчика. Чтобы было веселее, он тянется к разговору:

— Дедушка, а дедушка!

— А?

— Я говорю: «Дедушка»...

— Что ты говоришь?

— Я говорю: «Де-душ-ка-аа!»

— Никогда не кричи под руку,— сердится дед.— Если все будут кричать под руку, то кто будет работать?

Обиженный Нурлан поднимает последнюю дернину и несет ее подальше от ямы. Дернина, прошнурованная корнями, тяжела. Мальчик с облегчением опускает ее на землю и недалеко от себя видит кладбище комбайнов.

Вон куда он зашел!

Некогда могучие машины не походят на себя: они вросли в землю; спины у них или сгорблены, или продавлены; на боках, как кровь, запеклась рыжая ржавчина; от них тянет горьким железным тленом. Комбайн, на котором звезды в три ряда, глядит на Нурлана единственной фарой в трещинах, и во взгляде его мальчику чудится мольба.

Мальчик отводит глаза, снова глядит в око комбайна, опять отводит и бежит обратно в сад.

— Дедушка-аа!..

Из ямы торчит одна спина старика. Лезвием лопаты, белым от работы, он разравнивает днище ямы, отесывает стены ее, и они блестят, как смазанные маслом.

— Дедушка...

Старик распрямляется и спрашивает:

— Где ты?

— Я здесь!

Дедушка поворачивается на голос и говорит:

— Ты никак плакал, сынок?

— Я?..

Нурлан глядит на коричневое, как из терракоты, лицо, на жилу, набухшую на лбу, на руки, похожие на ветви старой яблони, и великая жалость к старику поднимается в душе мальчика.

— Дедушка, а почему ты не пошел к нам жить?

— А?

Дедушка садится на край ямы, счастливо улыбается всем распаренным красно-коричневым лицом и вдруг хмурится:

— Что ты сказал?

— Почему ты не пошел к нам жить?

Дедушка убирает паутину с лица и говорит:

— Меня хорошенько не звали.

В порыве любви к старику мальчик дотрагивается до его коричневой руки, до пальца со сбитым ногтем, вросшим в мясо.

— Я зову тебя хорошенько! — восклицает он.

— Нет.

— Почему?

[1] Гулистан — сад *(персидское)*.

— Там пахнет газом.
— Я буду проветривать комнаты!
Дедушка задумывается и говорит мягко и непреклонно:
— Тут мне лучше.
— Но я зову тебя хорошенько!
Дедушка не отвечает. Прищурившись, он смотрит в глубину сада, где цветет взбалмошная яблоня, и рассеянно улыбается.
— Вот так они всегда,—говорит он.
— Кто?—спрашивает Нурлан.
— Женщины. Они вроде все понимают. А живут не по временам года. Разве я неправду говорю, сынок?
Надув губы, Нурлан долго сопит и, чуть не плача, спрашивает:
— Дедушка, а комбайны, как слоны в Африке, на одно поле приходят умирать?
Пальцем со сбитым ногтем дедушка манит Нурлана к себе: нагнись, мол, скажу большую тайну,—и, когда мальчик нагибается, то, щекоча дыханием, старик шепчет с радостью:
— Разве они умирают? Их расплавляют и сплавляют в большой слиток. Вот в такой! Когда слиток остывает, из него делают новые машины.
— Откуда знаешь?—спрашивает Нурлан.
— Начальник научил.
— Большой начальник?
— Очень большой.
Нурлан свешивает голову с края ямы и произносит:
— Что там глубже, дедушка?

В яме голос его звучит глухо, как чужой. Нурлан быстро распрямляется и чувствует, как кровь отлила от головы и кругом разлита сухая теплынь.

— Как бы это тебе сказать, сынок? Там купола из соли. Соляные купола! — вспоминает дедушка.— Есть купола из стекла. Стеклянные купола... Сынок, к нам гости.

Нурлан видит Богдана и Светлану.

Богдан с корзиночкой, он вышагивает хотя и важно, да не так, как обычно, и в движениях его много уважения к саду, к дедушке да и к Нурлану тоже. А Светлана такая, как всегда: тихонькая, в очках.

Гости эти столь редкие и почетные, что Нурлан не выдерживает и первый здоровается издалека:

— Здравствуй, Богдан!

Богдан подходит и сообщает:

— Мы с вами уже поздоровались. Оттуда.

— Здорово! — радуется Нурлан.— За яблоками?

— За яблоками,— подтверждает Богдан.— Можно и за грушами.

— Груши все раздали. Одни яблоки остались,— ликует Нурлан.— До чего сла-аадкие!

От радости он прыгает на месте, ведет гостей к сверкающей груде яблок и прыгает на новом месте.

— Вам набрать? Или вы сами? — шумит Нурлан и помогает гостям отобрать самые лучшие яблоки.

Перед уходом Богдан со значением замечает про корзинку с яблоками:

— Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

«Роль учит»,— с почтением думает о нем Нурлан и спрашивает товарища:

— Все еще вживаешься?
— Хорошего понемножку. Вжились давно,— ответствует Богдан и, потеряв интерес к Нурлану, шествует домой вместе со Светланой.
Нурлан бредет к яме.
Навстречу дедушка несет холщовую сумку, ту самую, на которой вышиты три зеленые птицы, как лепестки тюльпана.
Сумка набита яблоками.
— Сынок,— наказывает дедушка,— ты догони гостью и отдай ей это.
— Вместе с сумкой?— холодеет Нурлан.
— Да.
— Без отдачи?
— Да.
— Почему?.. Почему без отдачи?
Дедушка жует губами, прежде чем ответить:
— Видишь ли, сынок, у нее нет корзины, и она ушла с пустыми руками. Хорошо, если она не шибко обиделась. А если шибко? О, я разбираюсь в людях! Это очень красивая и умная гостья. В очках! Если ей не подарить, она ничего не попросит. В голодное время такие стеснялись спросить глоток воды, а свой хлеб отдавали детям. Чего ты стоишь?
— Я пошел...
— Такую гостью надо догонять!— сердится дедушка.
Сначала Нурлан еле двигает ногами, надеясь все-таки не догнать гостей и сохранить сумку с тремя зелеными птицами. Дедушка что-то гневно кричит, и ноги сами собой несут Нурлана все быстрее и быстрее!..
Мальчик нагоняет гостей у такыра, забегает вперед, становится поперек дороги и, задохнувшись, протягивает подарок девочке:
— На!
— Ой!— ойкает Светлана.
Под стеклами очков Нурлан видит ее взгляд, несколько испуганный и очень внимательный, словно она все время слушает некую мудрую учительницу, которая ведет урок. Подчиняясь вдумчивости этого взгляда, Нурлан так же вдумчиво объясняет:
— Это от нас с дедушкой. У вас же нет корзины, и вы ушли с пустыми руками.
Девочка снимает очки, протирает стекла носовым платком, и глаза ее без очков — большие, в пушистых ресницах — с некоторым удивлением и радостью рассматривают дарителя.
— Нурлан,— говорит она.— Я всегда знала, что ты благородный человек.
— А почему ты мне никогда не говорила об этом?— недоумевает Нурлан.
— Почему?..
Девочка надевает очки, принимает подарок и обещает:
— Сумку я верну. Спасибо, Нурлан.
— Не за что!
Гости уходят, и Богдан произносит, как со сцены:
— Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!
«Вживается,— думает Нурлан.— А вживается ли? Может, нет ничего?»
И мальчику становится жаль Богдана, оттого что тот числится знаменитым артистом, а за всю жизнь не сыграл ни одной, даже самой короткой роли и всем говорит, что он вживается или вжился.
Они уходят. Светлана оборачивается, и Нурлан машет ей рукой.
Еле заметно девочка кивает ему.
Нурлан вприпрыжку возвращается к дедушке. Тот копается в яме и разговаривает сам с собой:
— ...Что было раньше!
— А что было раньше?— звонко спрашивает Нурлан.
Дедушка вздрагивает, распрямляется в яме и, опираясь на черен лопаты, смотрит в небо, откуда, взыскуя, падают клики.
Журавли летят!
Они летят высоко-высоко, еле уследить взглядом, и, стало быть, зима нынче будет ранняя и холодная.
Их уже не видно и почти не слышно, а дедушка все глядит в небо и, вдруг ни с того ни с сего подрожав всем телом, произносит:
— На крыльях снег понесли. Брр!..
— Дедушка,— не отступает Нурлан,— а что было раньше?
— Раньше?..
Старик утаптывает пол у ямы, кряхтя, пытается и никак не может вылезти из нее и просит:
— Сынок, ты меня вытащи!
Он протягивает мальчику лопату — череном вперед, и Нурлан берется за него, за твердое, как кость, отполированное дерево. Старый и малый тянут-потянут, а вытянуть не могут.
— Погоди, погоди!.. Не надрывайся,— просит дедушка.
Он стоит в яме, запыхавшийся, красноликий, и выражение лица у него беспомощное и покорное.
А день кругом — загляденье!
В теплом воздухе летают бабочки: белые, желтые, красные, лиловые. А одна — черная, бархатистая да такая большая, что Нурлан изо всех сил преодолевает искушение погнаться за ней, поймать и рассмотреть поближе. Прибыло цветов по закрайке сада. Белая яблоня, что перепутала осень с весной, а старость с молодостью, гонит в цвет все бутоны, распускает лепестки все до единого и хмелеет от тепла и воздуха. Яблоня окутана пчелами, переливается розовым светом и, роняя лепестки на сухую траву, благодарно вздрагивает. Она такая доверчивая, дивная, кроткая, и, думается, солнце не выдержит, воскликнет: «Была — не была!»— и повернет на лето.
Небо синеет, как ранней весной. В нем бесшумно плавает орел-могильщик, и стариковский голос его похож на тявканье собаки:
— Тьяф! Тьяф!
Нурлан приносит пустое ведро, опускает на дно ямы донышком вверх и объявляет:
— Это тебе ступенька, дедушка!
Старик становится на ведро, неожиданно легко выходит из ямы и отходит от нее подальше.
— Пока яма сохнет,— рассуждает он,— дел нам хватит.
Дедушка и мальчик собирают в саду сухие ветки, листья, стебли, складывают в сторонке. Спичкой, не с первого раза, дедушка зажигает все это. Костер потрескивает, шипит, пахнет карагачем и яблоками. В безветрии дым молочным столбом поднимается в небо и, не найдя облаков, тает.
— Дедушка!— вспоминает Нурлан.— А что было раньше?
Палкой старик ворочает в костре и говорит:
— Раньше? Раньше я любил девушку...
— Красивую?
— Ооо! Это было очень давно. Тогда не было самолетов и автомашин. Все ездили верхом на лошадях: старики и молодые люди.
— Все умели ездить верхом?
— Еще как! Лучше всех ездила девушка, которую я любил. Шибко любил! Она была очень легкая, и лошадь несла ее быстрее, чем ветер несет листочек карагача. Сколько женихов догоняли ее и

не могли догнать. Если жених не догнал невесту, свадьбы не видать.

— А ты?..

— Я догнал.

— Ты был самый лучший джигит, дедушка! — радуется Нурлан.

— Я был никудышный джигит, сынок.— Старик улыбается от воспоминаний, от беседы, оттого что день сегодня — истинное загляденье.— Резвых скакунов я боялся, как огня, и ездил на смирной кобыле. Девушка это знала и поехала очень тихо, чтобы я догнал ее, поцеловал и взял в жены. После она сама мне сказала: «Я насилу удержала лошадь, чтобы ты догнал меня. Лошадь не поймет, что случилось с хозяйкой. Случилось то, что я полюбила тебя, джигит. Только и всего». Очень красивая и умная девушка!

— Где она сейчас? — загорается Нурлан.— Вот бы посмотреть на нее!

Старик не отвечает, палкой сгребает жар в середку кострища и в жарнике, как в золотом зеркале, видит свое, далекое.

— Ты очень многого хочешь, сынок,— выговаривает он без укора.

Налетает ветер, несильный, теплый, волчком раскручивает костер и тут же успокаивается.

Нурлан бежит проверять яму, высохла ли, и, вернувшись, приносит весть:

— Сухая совсем!

Вдоль стен дедушка втыкает таловые прутья, оплетает их осокой. Дно ямы Нурлан выстилает смородинным листом.

— Толще, толще стели,— советует дедушка.— Яблоки любят спать на перине.

Яма мелеет и становится похожей на гнездо, где живет большая и вещая птица. Птицу эту никто не видит; известно только: на кого упадет тень ее крыльев, тот навеки становится счастливым.

Бережно перестилая соломой, старик и мальчик укладывают яблоки: шафрановые, бордовые, а то и совсем красные.

Дедушка застилает яму соломой, закрывает досками, глиной, легонько трамбует ее и оглаживает, а по краям роет водоотводные канавки. Теперь хранилище смотрится добрым домом с двухскатной крышей. Мороз не доберется, дождь не промочит, град не просечет.

— Перезимуют яблоки,— обещает дедушка.— Под Новый год мы их непременно отведаем и гостей позовем.

В степи быстро смеркается.

Звезд еще нет, а в небесных сумерках, высекая искры, летит самолет или спутник. Старик отзывается о нем с одобрением:

— Гагарин полетел.

Из степи наплывают голоса тракторов, и в их разговоре Нурлан выделяет трактор отца и трактор матери. Родители поднимают последний клин зяби и завтра-послезавтра круглые сутки будут дома.

Благословенно это время — погожая осень!..

Урожай убран. Можно отдышаться, оглядеться и, дрогнув сердцем, обнаружить: пока ты был в поле, сын вытянулся, а жена стала еще красивее.

Правда, и сын, и жена всю страду были около тебя, но отдохнувшими глазами ты их увидел только сейчас, когда страда позади и земля отдыхает.

Дыхание земли чистое, ровное. В ее облике та несмертельная кроткая усталость, которая манит подойти к ней на цыпочках, близко заглянуть в лицо и, не потревожив сон, сказать:

— Это я, мама. Отдохни.

КОНЕЦ.

Сегодня мы публикуем два письма об «Артеке». Одно написано артековкой 1927 года. Второе — твоей ровесницей.

Может, и ты, дорогой читатель, отдыхал в «Артеке» или твои родители? Расскажи нам об этом. Чему ты научился в пионерской республике страны? Кто стал твоим новым другом? Какие встречи тебе запомнились больше всего?

В 1985 году «Артеку» исполняется 60 лет. Лучшие письма мы опубликуем в нашем журнале, а все ваши воспоминания передадим в музей истории «Артека».

«Артек» — это радость и счастье

«Я — артековка 1927 года. Послала меня в «Артек» пионерская организация Дома ученых города Ленинграда.

Я не представляла, что такое «Артек», где находится, и родители мои не знали. Только дядя, проводник дальних поездов, внес ясность.

Из Ленинграда в «Артек» ехала группа ребят из шести человек. Сейчас пионеры летят туда самолетами, а мы в 1927 году ехали в общем вагоне, спали по два человека на полке — больше мест нам не дали. Ехали долго-долго, в Симферополь прибыли очень усталые. Но потом было чудо.

Посадили нас в открытую машину. И вот впервые мы увидели Черное море. Оно стояло перед нами стеной. Мы кричали от восторга, вскакивали с мест, а потом доехали до Алушты, и море простиралось перед нами далеко-далеко.

Прибыли в «Артек». На берегу моря было несколько домов, деревянных. В них и жили пионеры.

Мы радовались солнцу, морю, кипарисам, от всего были в восторге. А сколько фруктов нам давали во второй завтрак!

В лагерь приехал на отдых негритенок, мальчик лет одиннадцати. Сейчас это было бы в порядке вещей, но тогда мы гурьбой бегали за Джимом и только после увещеваний со стороны вожатых прекратили свои «преследования».

Отдыхала я в «Артеке» сорок дней и пережила там самые счастливые дни своего детства. Мне сейчас шестьдесят восемь, но до сего времени я с любовью вспоминаю «Артек» — лагерь здоровья, радости и счастья».

Клавдия Степановна ЕРШОВА,
г. Таллин.

«Даже не верится — я еду в «Артек». Давно мечтала, как о несбыточном, и вот...

Голубой автобус весело мчится по извилистой дороге. Мы с ребятами шумим, смеемся.

Наконец, автобус останавливается у одной из десяти дружин «Артека» — «Хрустальной». Перед нами большое и красивое, словно плывущий корабль, здание. В стеклах отражаются солнечные зайчики. Мы бежим в комнаты. Смена началась...

Ходили на море. Оно такое ласковое, живое. На полднике было необычайно тихо. Иногда поглядываем в окна — ждем гостей. И вот они приехали! Как их много! Мы радостно приветствуем наших новых друзей. Приехали они из Греции, Финляндии, Венгрии, Намибии, Бенина...

Многие дни в «Артеке» носят свое название — это тоже необычно, по-артековски. Расскажу об одном.

День Мира. Утром в дружине была линейка, посвященная Дню Мира. Был поднят флаг, сшитый из галстуков пионеров разных стран. А вечером мы пошли на Главный стадион. Весь «Артек», все ребята собрались здесь. Два огромных надувных шара висели в воздухе. Лозунг «Нет войне!» освещался прожекторами. В тот вечер по волнам Черного моря поплыли бутылки с письмами, обращенными к людям Земли: «Сохраните мир!», «Пусть всегда будет солнце!» А потом был большой концерт. Надолго нам запомнился этот день.

...Сегодня мы уезжаем. Как жалко! До свидания, милый «Артек». До свидания, милый Аю-Даг! Мы уезжаем, но дружба бесконечна!»

Маша БАРАБАШ,
пос. Нагорный, Магаданская область.

ПРОСИМ ОТВЕТИТЬ ВСЕХ!

В разгаре пионерское лето — прекрасная пора для купания, прогулок в лес, дальних экскурсий, рыбалки и, конечно, для чтения и раздумий над любимой книгой. Добрая и умная книга — ваш спутник. И где бы вы ни были в эти летние дни — всюду с вами книга. Вам повезло: за 50 лет только издательство «Детская литература» выпустило для вас целое море книг — 5 миллиардов экземпляров. Плывите по этому удивительному морю, юные книголюбы-книгочеи!

Накануне создания детского книжного издательства Алексей Максимович Горький, который часто встречался с пионерами, обратился к ребятам через «Пионерскую правду» вот с таким письмом:

«...Решено организовать специальное издательство книг для детей. Нужно знать: что вы читаете? Какие книги нравятся вам? Какие книжки вы желали бы прочитать?

Последний вопрос поймите так: что именно вы особенно хотели бы знать, какие вопросы интересуют вас?

Отвечайте просто, искренно, ничего не выдумывая, не притворяясь умнее, чем вы есть на самом деле. Вы и так достаточно умненькие...

...Мы соберем все ваши письма, прочитаем их и будем знать, что и как надобно делать, какие и о чем написать новые книжки, какие старые снова напечатать. Привет!»

М. ГОРЬКИЙ

Жизнь не стоит на месте. В мире происходят самые разнообразные события. Рождаются в борьбе новые независимые государства. Ученые делают новые открытия в науке и технике. Обживается космос. Заканчивается строительство магистрали века — БАМа. По-прежнему спорят о дружбе мальчишки и девчонки. По-прежнему идут споры об активе и пассиве в пионерском отряде. Да мало ли что волнует, тревожит, беспокоит, интересует тебя и твоих друзей. И вот «Пионер» накануне юбилея издательства «Детская литература», который будет отмечаться в сентябре, решил обратиться ко всем читателям журнала с просьбой ответить на несколько вопросов.

1. **Назовите вашу любимую книгу, вашего любимого героя.**

Кратко расскажите, почему именно эта книга больше всего нравится вам и почему именно этому герою вам хочется подражать.

2. **Какая из прочитанных книг вам не понравилась и почему?**

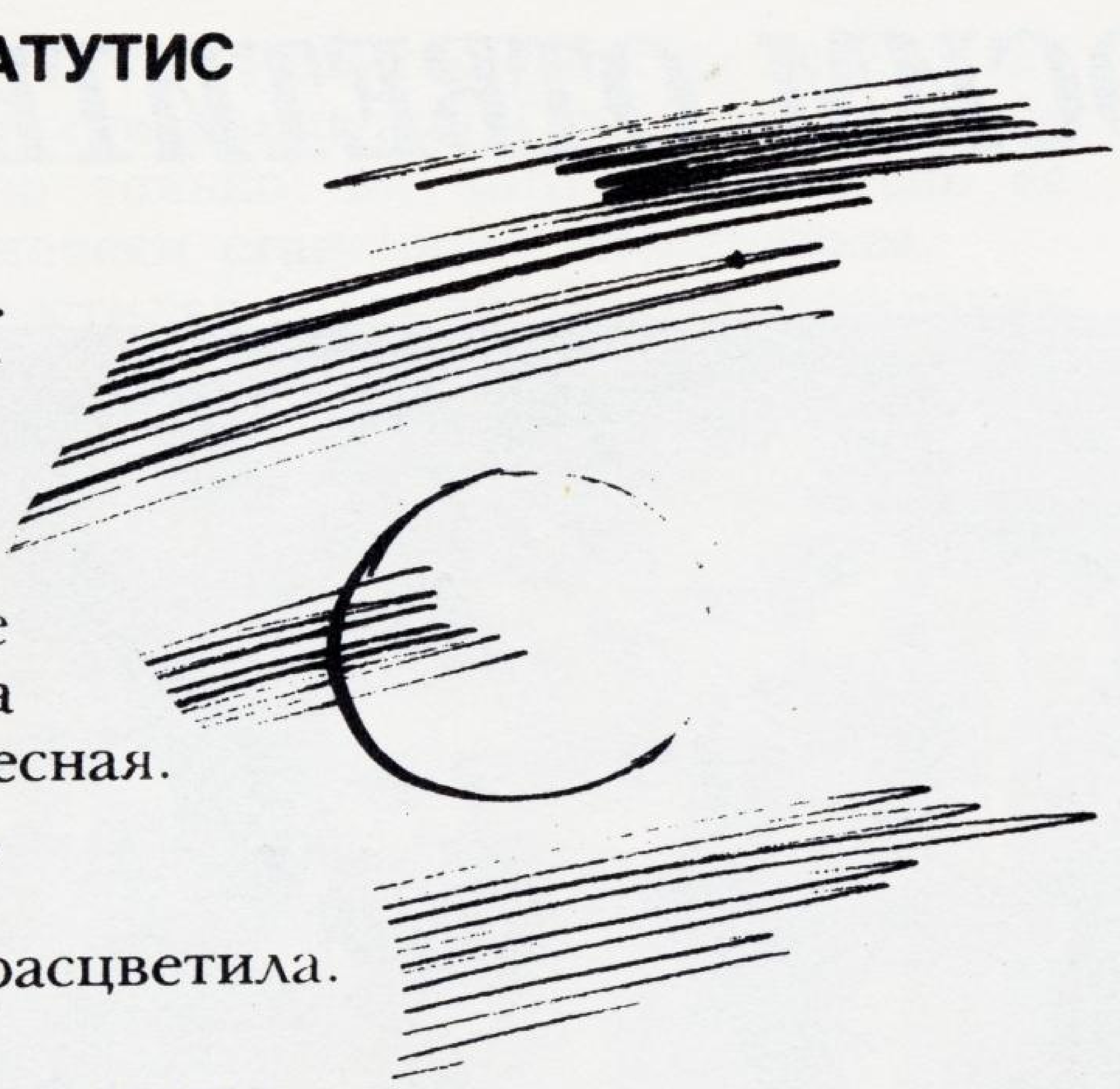
3. **Какую новую тему вы можете предложить писателям и издательству?**

Авторы самых интересных отзывов о любимой книге и любимых героях, самых оригинальных предложений по новой теме будут отмечены книгами с автографами детских писателей.

Ждем ваших писем по адресу: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, журнал «Пионер». На конверте напишите «Книга».

Анзельмас МАТУТИС

Подарок соловью



Перья цветные
Птицам дарила
Зеленая фея лесная.
По лесу гуляя,
Она попугая
Во все цвета расцветила.

Перья небесного цвета
Она зимородку дала.
Желто-зеленым, как лето,
Сделала фея щегла.
Для юркого сизоворонка
Перья раскрашены тонко
В синий и голубой...
Скромные серые перья
Остались у феи лесной.

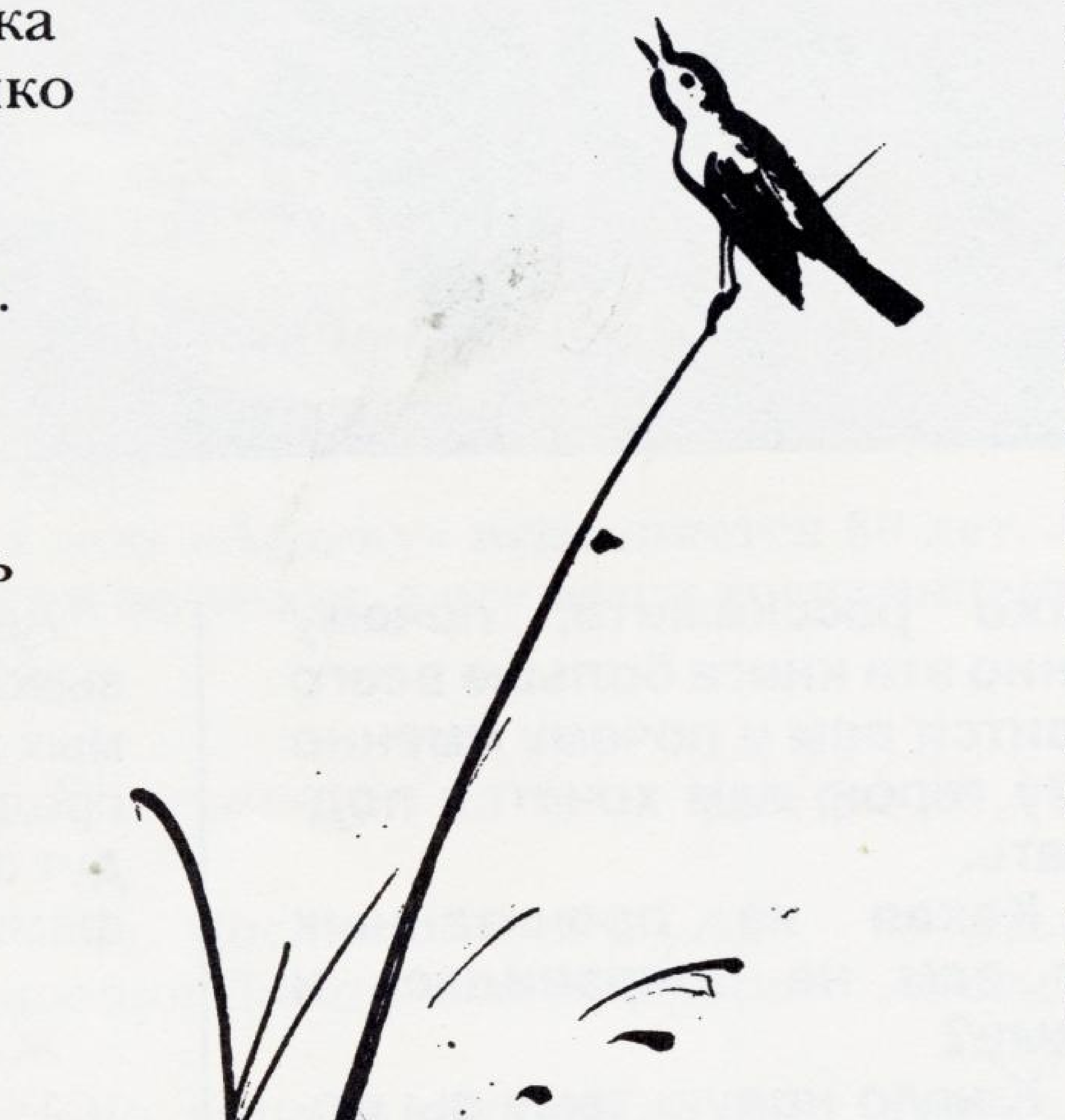
И тут подлетает
К ней соловей
И просит его нарядить
Поскорей.

Лишь серые перья
У феи остались.
Они соловью
И достались.

И фея сказала
Тогда соловью:
— Я песни цветные
Тебе отдаю.
Все лучшие песни
Полей и лесов,
Все переливы
Цветных голосов.

С тех пор от зари
До зари соловьи
Нам дарят цветные
Песни свои:

— Тью-ти, тью-ти!
Цвети, цвети!
Тюрли, тюрли!
Гори, гори!
Тьюви-ти,
тьюви-ти,
тьюви-ти!
Свети,
Свети,
Свети!



Папоротник

Родился конь—
Зеленогривый!
Все зашумели:
«Ишь, игривый!
Что ж не саврасый ты,
Не сивый,
Один такой—
Зеленогривый!»
Конек молчал, лишь поутру
Трепалась грива на ветру.
Потом
Кругом
И смех, и толк—
Над ним все кони потешались,
Они, озлобившись, кусались,
Зеленой гривы рвали шелк.
Как раз летела мимо фея.
Зеленогривого жалея,
От злой толпы собой закрыла
И... в папоротник превратила!
«Не плачь, малыш, с тобой мы вместе!
Дарю тебе волшебный перстень,
Чтоб стало меньше в мире зла,
Верши чудесные дела!
В тиши
Ночной,
В глуши
Лесной
Сомкнутся тучи под луной—
Тот, кто увидит перстень твой,
Пусть прямо сквозь туман идет:
Он счастие свое найдет!»

Великан и Гном

На озере Гномик рыбу ловил,
Знатную удочку он смастерил:
Удилище—из полевички,
Пушинка знакомой синички
Ему—поплавок-маячок,
Шип розы—отличный крючок.
Сидел он, и ждал он,
И выжидал он.
Устал он, совсем продрог,
Но вот—долгожданный
рывок!
Гномик доволен рыбачьей судьбой:
Рыбы-то! Рыбы! Одна за другой!
До самого верха корзина полна,
Накормит семью и соседей она...

Что такое—лес гудёт?
Это Великан идет:
Трах-бах, трах-бах—поскорее!
Трах-бах, трах-бах—по деревьям!

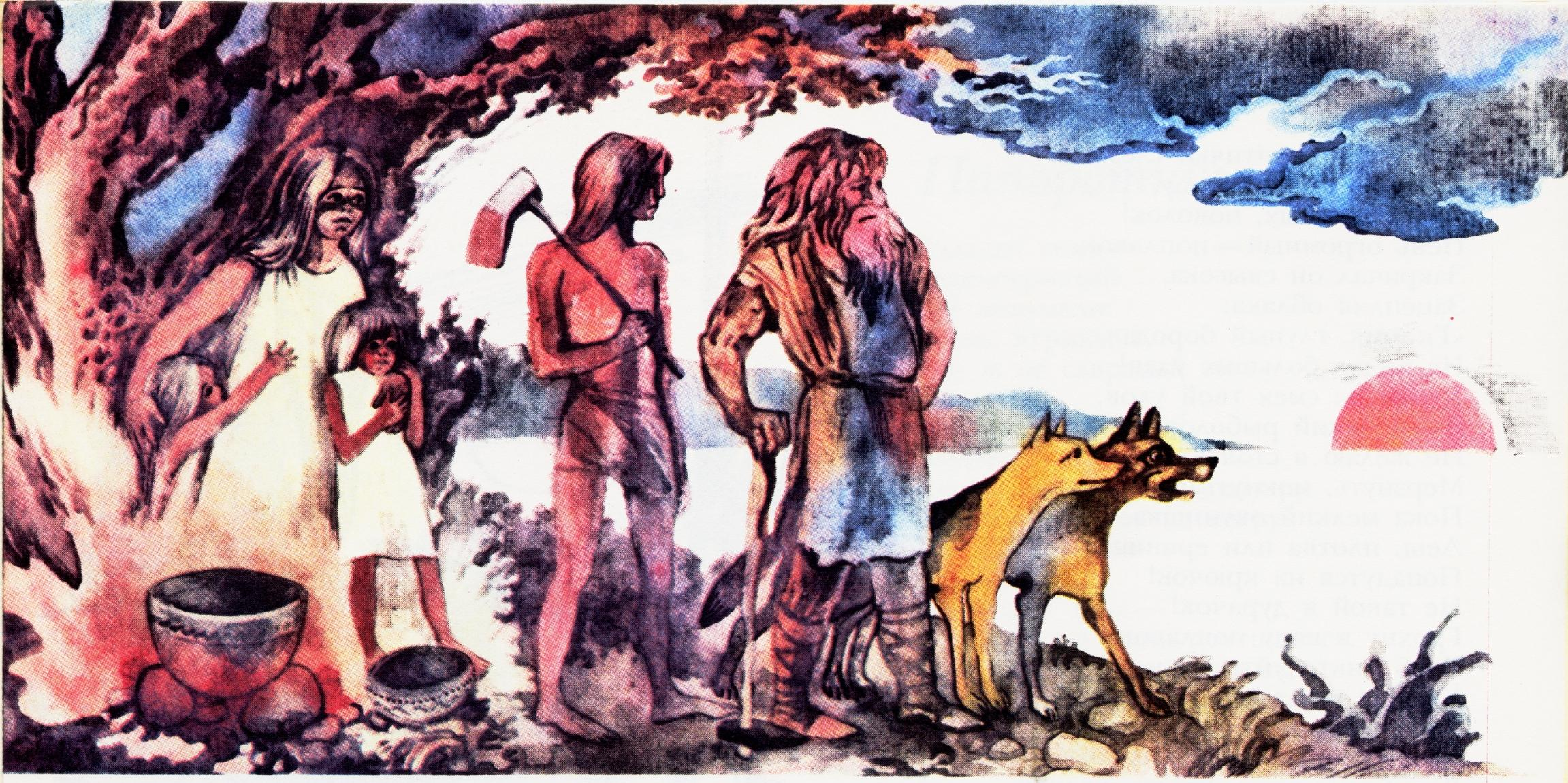
Перевел с литовского
Леонид Яхнин.

Несмотря на птичьи слезы,
Вместо удочки березу,
Дом пернатых, поволок!
Пень огромный — поплавок.
Закричал он свысока,
Зацепляя облака:
«Гномик, глупый бородач,
Не видал больших удач!
Курам на смех твой улов,
Я — великий рыболов!
Не желаю я стоять,
Мерзнуть, мокнуть, выжидать,
Пока мелкий окунишка,
Лещ, плотва или ершишко
Попадутся на крючок!
Не такой я дурачок!
Грохну в воду поплавок,
Чтоб никто уйти не мог,
Хлынет вся вода на берег,
Рыба вся — ко мне в мешок!»
Бросил поплавок, довольный,
Вздыбясь, выплеснулись волны
И тотчас пошли на спад,
Схлынув с рыбою назад...

Разозлился Великан:
«В чем секрет? Иль тут обман?
Голова моя большая,
Шляпа есть на ней цветная,
Поплавок мой, видишь, — глыба!
Что же не попалась рыба?»
«Видишь ли, загвоздка в том,
Дяденька, — ответил Гном, —
Голове б твоей и шляпе
Чуть ума —
И дело в шляпе!»

Перевела Д. Михайлова.

Рисунок А. ДУГИНА.



На западе узкой полоской блестит озеро Неро. К нему спускается болотистая луговина, разрезанная двумя быстрыми речушками. Кругом холмы, высокая трава да кое-где кустарник. Если на минуту представить, что нет куполов кремля, горящих в закатном солнце на другом берегу озера, нет деревенской церквушки с маковками на тонких шейках, нет машин мелиораторов на дальнем поле, нет и самого распаханного поля, то увидишь эту землю так, как видел ее древний человек тысячи лет назад. Луга, озеро, речушки, небо. Здесь он жил. Это был его дом. А теперь на месяц этот холм, луга, речушки, небо станут нашим домом. Здесь, недалеко от города Ростова в Ярославской области, мы ведем археологические раскопки. Нас восемь человек: четверо взрослых и четверо мальчиков, интересующихся археологией. Возглавляет наш отряд сотрудник Института археологии АН СССР Владимир Владимирович Сидоров.

На раскопе

Когда-то в детстве я мечтала стать археологом. Но дальше двух-трех книжек про археологию да туманных намерений раскопать неизвестный доселе город древних греков дело у меня не пошло. Но вот через много лет я, взрослый человек, в свой отпуск еду в экспедицию. Первая работа, которую мне приходится выполнять,— это копать.

Сначала мы снимали дерн. Подрезали лопатой длинные полоски, накручивали их на ручку и оттаскивали на край раскопа. Длиннющие гусеницы дерна извивались, срывались... А солнце палило нещадно, и воздух был вязкий, как вазелин,— ни ветерка, ни тучки. И только мухи облепляли наши потные тела.

Потом мы точили лопаты и боролись с верхним слоем земли, переплетенным корнями трав. Потом мы копали «на штык». Вонзали лопату отвесно в землю, выбрасывали тонкий пласт и мяли, перебирали его руками, откладывая осколки глиняных горшков, камни, железки — ржавые, истлевшие.

Вырыв за несколько дней гигантскую квадратную яму примерно в метр глубиной, мы дошли до «материка». Обнажился желтый безжизненный песок. Черная земля с остатками корней, перегнивших растений, костей, археологических находок кончилась, кончился «культурный слой». Мы опять наточили лопаты и стали делать зачистку — срезали тонюсенький слой земли. Дно раскопа стало гладким, как стол, и светло-желтым. Лишь кое-где темнели неровные круги. То ли старые кротовые норы, то ли ямы от врытых древними людьми столбов, то ли помойки древнего поселения — желанные находки археологов? Столовыми ложками мы выскребали темные пятна земли и зарисовывали, фотографировали углубления. Одна яма оказалась помойкой, куда был выброшен разбитый глиняный горшок, и ям восемь — от столбов.

Находки

Холодная речушка в пять минут смывала пот, грязь, снимала усталость. Казалось, придя с раскопа, ты рухнешь в палатке и не встанешь до утра. Но вот, отмывшись, ты в состоянии вечером поиграть в бадминтон, погонять мячик или заняться находками, ради которых было перенесено столько страданий.

Мы моем черепки, камни, железки, сушим их на солнце. На каждой находке тушью помечаем, в каком квадрате и на какой глубине ее нашли. Теперь находки можно сортировать и думать над ними. А это самое главное занятие археолога: он должен по кусочкам горшков, ржавым железкам, костям, по ямам от столбов понять, **как тысячи лет назад жили люди.**

Вот осколок горшка в круглых частых ямочках. Ямки сделаны белемнитом — раковиной моллюска. Таким орнаментом люди покрывали свои горшки в IV—III тысячелетии до нашей эры! Зачем? Может, отпугивали злых духов от своего очага, может, молили богов, чтобы всегда в их доме была пища... А вот осколки, украшенные как бы трехпалым следом птицы, только рисунок мелкий-мелкий. Осколки эти от горшков волосовцев, живших в III тысячелетии до нашей эры.

С волосовцами в этих землях произошла неприятная история. Волосовцы были рыбаками и охотниками. Отлично делали ножи, наконечники стрел,

МОЙ КОНЕК

М. МАТВЕЕВА

Путешествие через века

скребки из кремня, а металлоплавильное дело знали чуть-чуть. Жили они, не тужили, пока не пришли сюда фатьяновцы — кочевники, скотоводы, люди более развитой культуры. Фатьяновцы привели с собой стада коров. Когда волосовцы увидели этих коров, они глазам своим не поверили: еда сама в руки идет — по лугам бродит и людей не боится. О том, что коровы могут быть ручными, волосовцы и не слыхали. Схватили волосовцы луки, топоры — и на охоту. А фатьяновцы от возмущения дар речи потеряли: их коров убивают! Похватали фатьяновцы топоры, да не рабочие, а боевые — гладкие, тяжелые, гранитные, и положили бедных охотников.

Вот один такой боевой топор фатьяновцев мы и нашли.

Находили мы осколки горшков и более поздних культур. И вот что интересное заметили: пока глина была единственным доступным для человека материалом, он лепил красивейшие горшки: и огромные чаны, и средние — с тонкими стенками и изящным, сложным орнаментом, и для детей — игрушечные... Но вот прошли века, человек освоил металл, изготовил себе острые прочные инструменты и стал делать посуду из дерева, а глиняную лепил все реже. И забыли люди секрет изготовления тонких прекрасных сосудов. Многому человек научился за века, а горшки лепить разучился. Находили мы кусочки поздних горшков (VI—IX века нашей эры) — толстые грубые стенки, нет рисунка....

По тысяче лет повторялся один и тот же орнамент на горшках, а вот мода на пуговицы, пряжки, бусы менялась чаще, примерно раз в сто лет. Мы нашли пронизку — металлическую спиральку. Их нанизывали на шнур и носили, как бусы. Археологам пронизка подсказала точное время поселения.

Портрет доисторического человека

Поработав месяц на раскопках, я представляю жизнь древнего человека так. Он строил дом для себя и своей семьи на самом берегу реки, ручья или озера. Рядом селились его сородичи. Колодцы в наших краях додумались рыть только лет триста — четыреста назад, так что в древние времена озеро давало человеку все: воду, пищу, летом — прохладу... Река служила дорогой. Дом был длинный и узкий, с земляным полом. С двумя входами, расположенными друг против друга, с двумя очагами перед входами: чтоб и вентиляция была, и преграда холодному воздуху. Жили в доме человек сорок — семьи не делились, были огромными.

Человек охотился на крупного зверя, ставил силки на птиц, ловил рыбу. Сначала он птицу только пек на огне, потом научился варить. Это видно по костям, которые находят археологи. Жена и дети собирали дрова, ягоды, коренья, орехи. Из орехов жали масло.

Древний человек был среднего роста, но силен и вынослив. Современному мужчине нелегко было бы сделать из кремня стрелу или топор, используя только тот материал, который был под рукой у древнего человека. Древний человек предпочитал жить в тех местах, где родился, где с детства знал все лесные тропки и речные заводи. А вот жену он часто брал издалека: тогда уж точно не окажется родней, а горшки лепить, одежду шить да стряпать ей все равно где. И ходил иногда человек с теперешних Ярославских, Калининских или Московских земель в поисках жены аж до Перми. Сколько такая прогулка времени занимала? Может, год, а может, и два... В те времена люди не спешили. Зато молодая жена обучала мужнину родню новым горшечным орнаментам.

В месяцы хорошей добычи человек не выбрасывал кости зверей, а, наученный суровым опытом, припрятывал их на черный день. И такие дни нередко наставали. Тогда старые кости вываривали, только этим и кормились.

Жил древний человек недолго, в сорок был уже стариком.

Мальчики

Владимир Владимирович шел с дальнего раскопа и на дороге у нашего лагеря увидел... глиняные черепки. Один, два, вон на краю поля еще несколь-

ко... Как они здесь оказались? Странно, тут не должна быть стоянка. Место неудобное.

В таких размышлениях дошел Владимир Владимирович до лагеря, но как увидел шкодливое выражение на лице Димки Холева, понял: опять разыграли. Ох, уж эти дети!

Пришла пора немного рассказать о мальчиках — участниках нашей экспедиции.

Диме Холеву 13 лет. Он ходит в археологический кружок Московского Дворца пионеров. На раскопках ему было тяжелее всех: все-таки маловат. Зато знания у Димули для его возраста немалые. Дома большая коллекция черепков, кремневых стрел и скребков времен неолита (V—III тысячелетие до нашей эры). Дима знает, где есть неолитические стоянки в Подмосковье, иногда по воскресеньям ездит туда, подбирает из отвала (выброшенной из раскопа земли) пропущенные археологами находки, дома их моет, разглядывает... Надо очень долго смотреть на кусочки разбитых глиняных горшков, держать их в руках, сравнивать друг с другом и с картинками в научных книгах, чтобы сейчас так легко, как это делает Дима, по рисунку, по составу глины определять, когда эти горшки были сделаны и людьми какой культуры.

Я вспомнила свои детские мечты о городе древних греков, о восстановлении храма, гавани, рыночной площади, бань... И спросила Димулю, почему именно неолит, а не история более яркая: греческая культура, например, или славяне?.. И Дима мне объяснил, что о жизни древних греков мы можем узнать из легенд, народного эпоса, сохранились письменные памятники, скульптуры и мозаика, а о человеке периода неолита могут рассказать только археологи.

Дима Куприянов — весельчак, спортсмен и страшно везучий на находки человек. Димке 14 лет. В экспедиции он не первый раз, копает легко, потому что силен и не нытик. Когда Димке предлагают закончить рабочий день раньше взрослых, он обижается и говорит, что на раскопе он не ребенок. За обедом он быть ребенком согласен: детям дают пряники. Димка все умеет делать своими руками, в классе его зовут «хозяйственный мужик».

Леня Козинец занимается парусным спортом, заядлый походник, спелеолог — изучает пещеры. В девятом классе ходил в Школу юного журналиста при Московском университете, а до этого — в исторический кружок при Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Не каждый девятиклассник прочел столько хороших серьезных книг, сколько их прочел Леня. Лене 15 лет. Он постоянно занимается самовоспитанием: заставляет себя преодолевать страх, усталость, слабость... Если он идет в поход — так в горы, или зимой, на лыжах, и обязательно с ночевкой в тридцатиградусный мороз. Летом исследует пещеры, остается в них на ночь, а спать в пещерах страшно: непроглядная темень, холод и каждый шорох отдается эхом, не можешь расслабиться, все ждешь, что на тебя посыплются камни... Здесь, в экспедиции, когда приходит его очередь идти за водой для кухни, Леня берет не ведро, а сразу сорокалитровую флягу. Пусть, вернувшись с ручья, он не может какое-то время отдышаться, зато не ходит с ведром десять раз. Надо нести продукты от машины к хозпалатке — Леня берет не сумку с хлебом, а мешок картошки. Надо дерн снимать с раскопа — Леня предлагает делать эту тяжелую работу на скорость: четыре квадратных метра за пятнадцать минут. Иногда в поступках Лени есть изрядная доля риска, иногда он растрачивает силы по пустякам и взрослому человеку хочется его остановить: «Как бы чего не вышло», но, в общем, мне нравится, как он лепит из себя мужчину. Нетрудно казаться сильным рядом со слабым, умным — рядом с дураком. Но Ленька не из тех, кто самоутверждается, унижая другого.

Кириллу Гаврилину 17 лет. Он приехал на раскопки на несколько дней позже всех нас — после десятого класса сдавал экзамены на исторический факультет Московского университета. И провалился. Сразу же, на сочинении. Что делать, будет поступать в следующем году, а пока Ново-Иерусалимский историко-архитектурный музей берет его младшим научным сотрудником. Кирюшу там знают давно: не раз он ездил от музея в этнографические экспедиции (собирал старинную домашнюю утварь, одежду), в каникулы обрабатывал материалы. Знания в области археологии и этнографии у Кирилла почти профессиональные. Историей он заинтересовался в шесть лет. С пятого класса стал заниматься в исторических и археологических кружках. С шестого — каждое лето ездил в экспедиции.

Когда мы с Кирюшей в выходные дни гуляли по Ростову, я обнаружила, что Кирилл смотрит по сторонам и **видит**, а я только смотрю, глазею. Он видит архитектуру домов, стиль резных наличников, когда и как перестраивались церкви, каких веков изразцы их украшают... Я-то, выросшая в городе, считала, что только лес для меня за семью печатями: там все птицы — птицы, все травы — трава. А оказалось, что и города я не знаю. Хорошо, Кирилл мне его показал.

Кого берут в экспедицию

Ты можешь спросить, дорогой наш читатель, а что же делать тем ребятам, которые археологией интересуются, но не могут ходить в кружок, потому что кружка-то нет: ни в школе, ни в Доме пионеров.

Если в вашем городе есть краеведческий музей, в нем обязательно работает хотя бы один археолог, и от вашей помощи, я думаю, он не откажется.

В маленьком городке, поселке музея нет, зато туда может приехать экспедиция. В нее можно попроситься. Ребят постарше возьмут охотно: землекопы нужны. Младших тоже могут взять, если не равноправными членами, то добровольными помощниками. Тут уж все зависит от вашей настойчивости. Знаете, как Димуля Холев добивался, чтобы его взяли на раскопки? Ездил день за днем в Институт археологии, ходил по кабинетам и просил. А его никто не брал: все-таки тринадцать лет. Когда он бродил по коридорам, его приметил заместитель директора института. Расспросил, подивился Димкиной настойчивости и дал ему свой телефон. Сказал, если так никто тебя не возьмет, позвони мне, я помогу тебе попасть в экспедицию. Но Димка сам договорился, его взял Владимир Владимирович.

А теперь самое главное: вести раскопки самому — это загубить исторический памятник. **Ни в коем случае не копайте сами!** Все равно по одному топору или стреле вы не сможете определить, какой тут народ жил и когда.

Интереснейшее дело — археология. В следующий отпуск опять поеду на раскопки.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

СОВЕТУЕМ ОЛЕ

Страничка для размышлений

Ты, наверное, помнишь, что в четвертом номере журнала мы опубликовали письмо восьмиклассницы, которая назвалась Олей М., а подлинное свое имя и адрес просила не сообщать. Она дружит с мальчиком, им кажется, что они любят друг друга, а все вокруг смеются над ними, некоторые считают, что в таком возрасте любить стыдно, и даже взрослые не верят в их чувство. Как быть?

На Олино письмо ответил 741 человек. Девочки, мальчики и взрослые. Прочитаем вместе некоторые из этих писем.

«Прочла письмо Оли М. и не смогла остаться равнодушной. Мне тоже 14 лет, и именно в этом возрасте нельзя представить жизнь без хорошего, верного друга. А если это еще и любимый человек, то это прекрасно вдвойне. Чистая и искренняя любовь облагораживает душу человека. Ты, Оля, пишешь, что твои «друзья» показывают на тебя пальцем. Да какие же они тебе друзья, если не хотят понять тебя? Они просто завистники или черствые люди, а может быть, просто не понимают еще, что и в этом возрасте можно любить, потому что к ним не пришло такое чувство. Если, Оля, ты уверена, что ваша любовь настоящая, то держи голову высоко и покажи своим обидчикам, что они не правы. Желаю счастья. Светлана Высоцкая, г. Щекино».

«Прочитав в «Пионере» письмо Оли М., мы с Леной (это мой лучший друг) очень удивились и возмутились. Тем, кто смеется над Олей и ее другом, должно быть стыдно. Я тоже учусь в восьмом классе, мне пятнадцать лет. В седьмом классе к нам пришла новенькая — Лена. Ее посадили со мной. Выяснилось, что и живем мы рядом. Однажды я подождал ее, и мы пошли домой вместе. На следующий день все в классе хихикали и глядели на нас многозначительно, по классу летели записки и смешки. Но мы решили ничего не замечать. Это трудно, но это самый простой и самый верный совет. Через некоторое время все смешки прекратились. Я хочу сказать всем насмешникам: «Ребята, нельзя смеяться над таким большим и светлым чувством, как любовь. О любви много написано, сложены и песни, легенды, но **никто** (это слово выделено автором письма) не сказал, что надо стыдиться любви. Новые друзья Оли М.— Лена А. и Сергей А., г. Шадринск, Курганская обл.».

А вот еще два письма от взрослых уже людей, которые не остались равнодушными к Олиной беде, потому что сами пережили подобную ситуацию.

«Несколько лет назад я находился в таком же положении. И, наверное, еще не одно поколение будет сталкиваться с тем, что мальчика и девочку, которые дружат, «окрещивают» женихом и невестой. Мне хочется сказать всем любителям пошутить над чувствами других людей, что они делают очень больно своим сверстникам: уязвляют, оскорбляют юную душу, которая и сама еще робко относится к своей любви. И все же я советую Оле, если она уверена в своем чувстве и чувстве своего друга, не обращать внимания на завистников. Я надеюсь, со временем те, кто смеется, поймут, как глупо и гадко они поступают. С уважением Сергей Антонов, г. Минск».

«Меня взволновало письмо Оли М. Почему у многих сложилось такое мнение, что подростки не могут дружить и любить? А как же Джульетта, которая любила Ромео в 14 лет? Наверняка взрослые, о которых пишет Оля, читали эту драму Шекспира, и она не вызывала у них насмешек. Первая любовь — хрупкое чувство, его легко сломать. Когда-то и я оказалась в Олиной ситуации, мне было 14, моему другу — 15. Нас тоже никто не понимал. Когда мы устали терпеть, то перестали видеться, и это была настоящая мука. А потом плюнули на насмешки, и они прекратились. Мы сберегли свою любовь. Теперь мне уже 20. Мы с Димкой давно поженились. У нас сын Алешка. И у тебя, Оля, все будет хорошо, если только вы действительно любите друг друга. Таня В., г. Свердловск».

Многие ребята советуют Оле и ее другу проверить свои чувства временем, «стойкостью к насмешкам», умением доказать взрослым, что дружба помогает им учиться и жить радостно. «Будьте выше насмешек»,— советует Алла Колпакова из г. Куйбышева. «Дайте взрослым понять, что они забыли восторг своей первой любви»,— пишут Ирина Горбач и Елена Тишина из г. Тулы. «Неверие жестоких и тупых людей может сломать чувство, как это случилось с героями фильма «А если это любовь». Надо крепко держаться вам, Оля, друг за друга и быть выше насмешек, выстоять»,— волнуется за Олю и ее друга Денис Краскевич из г. Барнаула.

Но есть и такие письма, которые предостерегают Олю. «Прошлым летом мы, казалось бы, дружили, а потом поссорились. Будь осторожна!» — Наташа Камышова, г. Пружаны, Брестская обл. «Может, все хихикают потому, что вы нескромно, вызывающе ведете себя на людях?» — беспокоится Ася Хильченко из г. Киева.

«ПИОНЕР» БЛАГОДАРИТ ВСЕХ РЕБЯТ, ПРИНЯВШИХ УЧАСТИЕ В РАЗГОВОРЕ. Просим всех наших корреспондентов ПОНЯТЬ, что рецептов, как правильно поступать в человеческих отношениях, особенно в любви и дружбе, нет. Любовь и дружба и все другие чувства требуют великой душевной работы, своего собственного труда и своих, а не подсказанных размышлений и поступков. Надо учиться поступать самостоятельно и стараться никому не причинять боли.

товарищей для занятий любимым делом, просим

Всех ребят, которые самостоятельно сумели организовать своих

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

Всесоюзный пионерский сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ»

«Дорогой «Пионер»! Мы, пионеры из совета музея «Истории пионерской организации» при Владимирском Дворце пионеров, хотим принимать участие в сборе-поиске «Верность красному галстуку». Наш музей мы открыли еще в 1972 году. Материалы, фотографии, документы, реликвии, воспоминания собирали и записывали сами ребята. Музей рассказывает о всех этапах истории пионерской организации в нашем городе, и в год его посещают 3000 гостей. Теперь мы собираем материал о пионерском детстве наших родных и сотрудников музея под девизом «И молоды мы снова...»

Одна из бабушек рассказала нам, что была первой пионеркой г. Сабинки, недалеко от Владимира. Родители ее были очень религиозны и запретили ей не только вступать в пионеры, но даже разговаривать с пионерами. Мария Михайловна, так зовут эту бабушку, когда шла на сбор, заходила в сарай и там украдкой повязывала галстук, потому что там его прятала. И вот однажды пионерская организация города поручила ей поздравить рабочих, вышедших на первомайскую демонстрацию. Как было трудно ей выступать, когда увидели ее брат и родственники! Но она не покорилась...

Папа одной из девочек стал пионером в годы войны. Его наградили значком БГСО («Будь готов к санитарной обороне»). Значок этот он передал в наш музей. Мама другой девочки была пионеркой в 50-е годы, занималась в кружке художественной вышивки во Дворце пионеров. Сейчас в нашем музее хранятся вышивки этой мамы, которые побывали на выставке художественного творчества во Франции. В архивах своих семей мы обнаружили пионерские значки и галстуки, пригласительные билеты на пионерские праздники, почтовую открытку, посвященную пионерской двухлетке, и многое другое.

Все мы читали книгу А. П. Гайдара «Тимур и его команда», а тут мы впервые увидели живых тимуровцев военных лет... Очень запомнились нам воспоминания Березиной В. И., она была директором школы, и Павловой А. И., она была секретарем ГК ВЛКСМ, о том, как пионеры помогали фронту, расчищали железнодорожные пути и аэродромы, собирали средства на строительство самолета «Владимирский школьник». А потом мы разыскали летчика этого самолета В. В. Пятницкого, и он нам подарил вырезку из газеты «Призыв», где описывается один из его боевых вылетов.

Мы будем просить наших родных — пионеров прошлых лет — вместе с нами участвовать в сборе-поиске «Верность красному галстуку», прийти в наши пионерские отряды и передать нам свой опыт.

По поручению кружковцев

Лариса Шинкаренко, Марина Исаева, Лариса Рябинкина, Наташа Тимкина».

«Здравствуй, «Пионер»! Я тоже хочу участвовать в сборе-поиске «Верность красному галстуку». Я записала пионерские биографии моих родителей. Мама вступила в пионеры в 1960 году. Ее отряд помогал совхозу в полевых работах, действовал у них и тимуровский штаб, и мама активно работала в зоне пионерского действия. Мамино звено еще следило за порядком в лесу, помогало дозорам бороться с браконьерами и выпускать сатирическую газету о тех, кто не подчинялся требованиям. У папы в дружине тоже была очень интересная работа, и он сказал, что многому научился в свои пионерские годы. В нашем отряде тоже немало интересных дел, но я просила своих родителей помогать нашему отряду.

Света Соловьева,
г. Нефтеюганск, Тюменская обл., школа № 5.

ВСТРЕЧА В ПИСЬМАХ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ. От **Ани Кадровой** из деревни Большое Волково, Вавожского района, Удмуртской АССР.

«Вот вы все пишете, что не надо мечтать, а надо действовать. Там, где я живу, это звучит смешно. Я живу в деревне, а тут можно только шастать, а не действовать. Здесь ничего нет в смысле кружков. Вообще-то есть фотокружок, есть клуб интернациональной дружбы. А я очень люблю танцевать, но танцевального кружка нет. Любая хорошая музыка для меня танец, а учиться танцевать, чтобы стать балериной, здесь негде. Может, и глупо все это писать, но мне скучно».

ПИСЬМО ВТОРОЕ. От **Оли Мякишевой** из с/з Сун Ят-Сен, Михайловского района, Приморского края.

«Пионеры нашей Сунятсеновской школы-интерната, как и ребята из Стрижевской восьмилетней школы, о которой вы рассказывали, решили помогать выполнению Продовольственной программы. В январе мы купили кроликов, сделали им клетки, купили корм. А когда наступило лето, мы сами стали заготавливать корм для кроликов и готовить для них

откликнуться ПИСЬМОМ

жилье и все, что нужно. Теперь мы сможем развести побольше кроликов и увеличить производство мяса...»

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ. От **С. Кутейникова и В. Шарапова,** по поручению кружка юных генетиков-селекционеров из села Макеевка, Донецкой обл.

«Нам очень странно слышать, что ребята не знают, чем заняться. Мы занимаемся генетикой и селекцией. Работаем по заданию академика Кириченко. Ищем пшеницы, которые дают больший урожай в нашем районе, занимаемся испытанием разных сортов, сами создаем гибриды пшениц. Мы испытали уже сто сортов, которые получили от ученых, и создали пятьсот гибридов. Занимаемся также изучением работ Менделя, Дарвина, Вавилова, Дубинина, осваиваем методы селекции, работаем с микроскопом, ставим лабораторные опыты. Кроме того, все наши кружковцы ходят в спортивные секции, многие у нас фотографы, а некоторые занимаются рисованием. Мы готовы со всеми, кто хочет с нами дружить, поделиться опытом, выслать семена. Пишите нам, ребята».

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ. От **Игоря Пронь** из Макеевки.

«Я тоже занимаюсь в кружке генетиков-селекционеров. Меня интересуют полезные и вредные насекомые. Все свое свободное время я посвящаю насекомым: рисую их, веду за ними наблюдения в баночках и пробирках, а летом на делянках пшеницы. Только подумать: вредные насекомые уничтожают 50—70% растений пшениц. Переживаешь, когда видишь, сколько опасностей подстерегает каждое зернышко в поле. Сколько гибнет хлеба по вине маленькой мушки в один миллиметр величиной! Я поставил перед собой цель: глубоко изучить биологию, особенности развития этой мухи и найти методы борьбы с ней. Это задача большой государственной важности, это поможет выполнению Продовольственной программы. Нужно большое терпение, чтобы сидеть среди двух делянок пшеницы и наблюдать, как бежит по дорожке черный паучок «охотник». Проходит время, и вы являетесь свидетелем, как рядом с паучком садится неосторожная муха. Мгновение, и муха схвачена. Это очень вредная злаковая муха, и нет сомнения в том, что паучки берегут хлебное поле. Значит, надо разводить паучков, а против мухи бороться, создавая еще и сорта пшеницы, которые могут ей противостоять».

ОТ РАЗДЕЛА «ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ»: Этот разговор в письмах не требует комментария. И в городе и в деревне есть люди, которые постоянно скучают, которые только мечтают и ничего не хотят сделать для того, чтобы мечта осуществилась. Они ждут добрых волшебников, которые станут их развлекать и веселить, а сами будут зрителями. Но интересная жизнь получается только у тех, кто сам умеет делать ее интересной. Конечно, балетных школ нет в селах и деревнях, даже не во всех городах есть такие школы. Но организовать танцевальный кружок вполне может и девочка, которая, как Аня Кадрова, в любой хорошей музыке чувствует танец.

ВНИМАНИЕ! ВСЕХ РЕБЯТ, которые самостоятельно сумели организовать своих товарищей для занятий любимым делом, просим откликнуться ПИСЬМОМ. Наш разговор в письмах продолжается!

На конверте не забудьте ставить пометку: «ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ».

КТО ХОЗЯИН В ЛАГЕРЕ?

Продолжаем наш разговор, начатый в прошлом номере «Пионера».

Без разговоров

Этим летом я была в пионерском лагере, и могу сказать, что самостоятельности у нас совсем не было. Мы только слышали приказы вожатых: «Быстро на линейку, быстро в постель, на обед, на стадион...» Всегда ходим парами, без разговоров. Какая же тут самостоятельность? И кто же в лагере хозяин?

Галя Ж.,
г. Нижнекамск, ТАССР.

«Альбатрос»

Мне кажется, только в нашем замечательном «Альбатросе» я поняла смысл слов «самостоятельность», «самоуправление». Нам предложили сценарий праздника «Нептун». Он нам не совсем понравился, мы его переделали. Никто не возражал, и хорошо получилось. На конкурс политического плаката каждый предлагал свой проект и защищал его. Вечер рыцарей, вечер талантов, диспуты — все мы сами. Разногласия возникли по поводу «тихого часа». Многие возмущались: «Мы не первоклашки!» Руководство лагеря не настаивало: «Делайте, как хотите!» Через день-два почувствовали — тихий час нужен. И отдыхали по два часа. Как хорошо, когда старшие считаются с твоим мнением и уважают тебя!

Зоя Карпенко,
с. Лиман, Одесская обл.

Ждем и твоего письма, твоего мнения: кто в лагере хозяин? От кого зависит, чтобы в лагере жизнь была интересной для ребят и полезной для окружающих?

Интересная жизнь получается только у тех, кто сам умеет делать ее интересной.

И. ГОЛУБЕВА

ЗЕЛЕНАЯ РАКЕТА — ВСЕ СПОКОЙНО

Зеленая крыша сторожевой вышки на детской погранзаставе похожа на фуражку великана-пограничника. Обжигает ли палящее солнце, пробирает ли налетевший с моря ветер, стоит великан в пестрой зелени прибрежных склонов, постаивает. Не ест, не спит, поглядывает.

Древнее человеческое дело — охрана своей земли. Сколько их, безымянных дозорных, стояло по засекам, по рубежам. Первыми подавали тревожную весть и первыми находили их татарские стрелы, ливонские мечи.

«Вы поспите, братцы милые, я на Калин-реке постою, погляжу...» Это Илья Муромец. Нежные, самоотверженные сердца были у русских богатырей и защитников. От них в наши дни ниточка протянулась.

«Представьте Японское море...»

Я попробовала — не получается. Далеко Японское море.

— На Черное похоже?

Мы встретились в пионерлагере «Орленок», сидим на берегу, разговариваем, есть с чем сравнивать.

Алеша (не Попович, а Мухин) качает головой: нет, мол.

— Песок у нас там белый, крупный и вода слаще.

И все же представь, читатель, Японское море, а заодно и Анивский залив и на его берегу поселок Озерский.

Когда человек знает что-нибудь очень хорошо и любит, ему кажется, что и другим представить это очень просто. Алеша даже картинку мне нарисовал. Вот море, по побережью дорога, вдоль нее два ряда домов — поселок. За ним — озеро. Потому, конечно, и Озерский.

Картинку мы, посовещавшись с Алешей, уничтожили. Как-никак пограничный район. А уж кому, как не командиру отряда юных друзей пограничников, мальчику, выросшему на границе, не знать строгостей этой жизни.

А жизнь как жизнь. Мужчины — из поколения в

поколение — рыбачат, траву анфельцию добывают, ребята в школу ходят. На море цунами бывает, волны — тридцать метров — до дороги достают.

У моря скалы, в белом песке гребешки дырочки буравят. А особенного что? Двенадцать миль от берега — и вот он, восточный край нашей земли. Граница.

В общем, расскажу, что сама слышала.

Неизвестный надевает акваланг

«Аты-баты, шли...» Шли мальчишки на базар. На птичий. У нас как-то укоренилось в голове, если на птичий, значит, яйца для яичницы собирать. Но время таких яичниц давно прошло. Детство твое, читатель, совпало с появлением Красной книги и великой человеческой заботы о природе. Мальчишки шли смотреть на птиц. Лазить по скалам, слушать гомон гагар и шум волн. Глядеть, в какую сторону гребешки хвосты повернули, искать раковины с перламутровым розовым нутром, в каждую из которых упакован кусочек морского шума и край восхода.

И вдруг...

«Волга» серого цвета, запыленная. Номер здешний — СХЖ...

На колесах — цепи. Специально, чтобы по трудным дорогам пробираться.

Один неизвестный — у машины, поглядывает по сторонам. Будто сторожит.

Двое других — у воды. Черные с желтым гидрокостюмы. Один другому помогает акваланг надевать.

На то, чтобы принять решение — несколько минут.

Аркаша Молокоедов и Шурик Нефедов остались наблюдать. Алеша побежал сообщить пограничникам.

На дороге остановил «Запорожец», сказал только: «К пограничникам». Шофер и расспрашивать не стал.

Над заливом зажглась красная ракета.

Через пятнадцать минут неизвестные из «Волги» СХЖ были задержаны.

А через несколько дней Алешу Мухина, Аркашу Молокоедова и Шурика Нефедова наградили значками «Отличник погранвойск» II степени.

Прикалывая значок к Алешиной школьной синей курточке, замполит сказал:

— Кому же, как не тебе...

Алеша

Я понимаю, почему они решили именно так: Алеше — к пограничникам. Он парень толковый, спокойный. Объяснит ситуацию верно, сухо, без лишних слов. Из таких — с которыми и взрослые уважительно, на равных. Алеша знает, что станет военным, пограничником. И нисколько я не сомневаюсь: из нынешнего командира отряда юных друзей пограничников получится самый настоящий командир. Вокруг такого никогда не будет суеты, сумеет он дельно, умно распорядиться, не боясь, со знанием дела возьмет на себя ответственность. И пристрожит и позаботится. Сам дела не боится, и другие вокруг него работать будут.

В каждом командире, наверное, должен быть воспитатель. Вот в Алеше Мухине этот воспитатель сидит. Отец в море, мама до вечера на работе. На Алеше дом. Борщ приготовить, макароны по-флотски, маслят насолить — на это Алеша мастер. Но он и четырехлетнюю Маринку, сестренку, всему этому обучает: и борщ варить, и макароны по-флотски...

Знаете, какие мамы беспокойные?.. Вроде и беспокоиться не о чем, а они все нервничают: с утра двадцать раз одно и то же повторят, с работы еще пять раз позвонят: «Пришел? Поел? Кровать застелил? За уроки сел?»

Алешина мама не волнуется, не потому, что она спокойнее других. Сын у нее такой. Самостоятельный.

И еще. Вот бывает: в школе человек — один, дома — другой. В соседний двор зашел — там вообще третьим стал. То есть зависит человек от обстоятельств. В школе строго спрашивают — он все отлично выполняет. Дома балуют — он на диване лежит и родными помыкает. Во дворе, где малыши и девочки, он король и сорвиголова. В другом, где старшеклассники, заискивает. А каков же он на самом деле? Может, настоящего и нет? Есть, конечно. Но не у каждого получается **быть всегда самим собой!**

У Алеши отчего-то получается. Учится спокойно, без надрыва, но и без легкомыслия. Еще и другим поможет. Маринка в школу пойдет — можно не сомневаться, он позаботится, чтобы и она **умела** так учиться.

И занятия в отряде юных друзей пограничников всегда дельно проходят. Без излишнего баловства. Командир легко пограничную науку схватывает, за ним — и ребята.

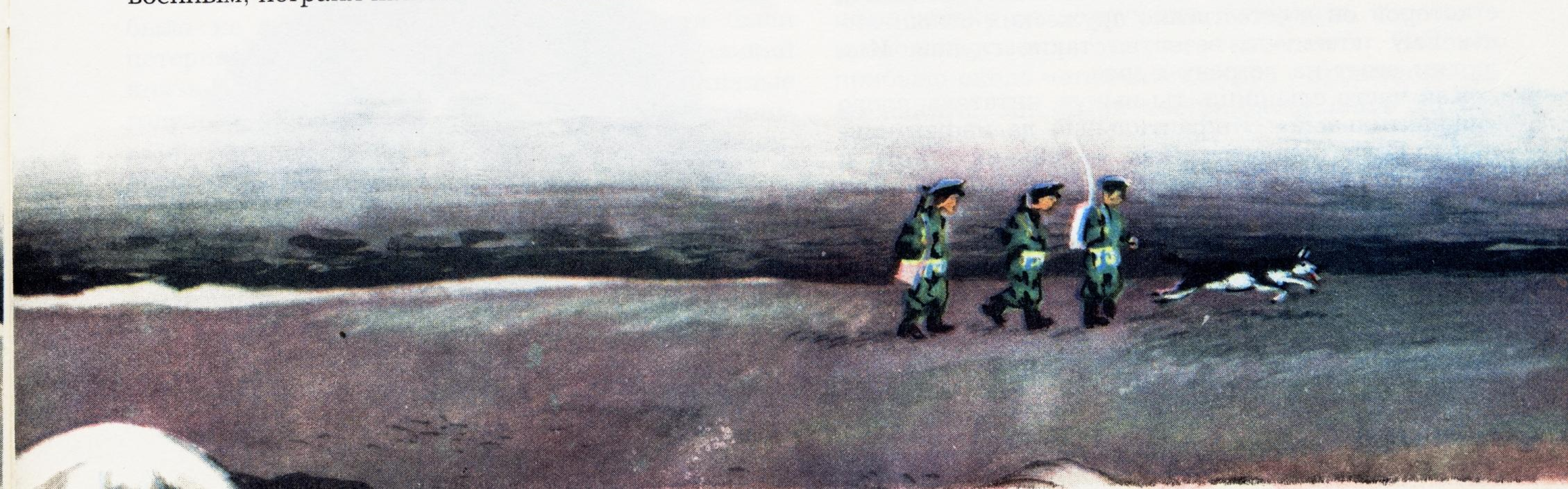
Как след прочесть? Кто прошел, в какую сторону, когда, какого роста — очень многое по следу определить может юный друг пограничника.

Автомат умеет собрать и разобрать.

Условные сигналы ракет знает. Азбуку Морзе. И еще много другого.

Занимает Алешин отряд среди других отрядов ЮДП наипервейшее место, всегда в соревнованиях побеждает. Может, оттого, что командир таким высоким знаком награжден? Нет, неизвестные с аквалангом — это уже потом.

А до этого тренировочные задержания были. Игра. Скажем, известный «неизвестный», попросту переодетый пограничник, появляется в поселке неожиданно и незаметно. Одет неприметно, в лицо его ребята не знают. А поселок все же не маленький, в нем не только местные жители, но и туристы из Южно-Сахалинска. А условие игры такое: успеет



«неизвестный» дойти до почты, значит, отряд ЮДП задание не выполнил.

Не успел. Совсем не успел. Только появился в поселке, тут его и обнаружили. Переодетый пограничник, когда его ребята задержали, сказал обиженно: «Даже неинтересно... Я так не играю».

В свободное время Алеша в секции вольной борьбой занимается. Книги читает о военной жизни.

Все как-то подсобрано у него в жизни. Ясный, спокойный человек.

Я думаю, то, что Алеша в свои годы такую высокую награду получил, конечно, не случайность. Когда человек так уверенно складывает свою судьбу, случайностям мало места.

Аркаша

Аркаша сидит нахохлившись, ссутулившись, слова складно складывать не умеет. Он из тех, до жути краснеющих мальчишек, которые считают почему-то, что все на свете лучше их. Но на самом деле: доверь такому Аркаше кусочек земли охранять, он по колено, по плечи в нее уйдет, а не оставит, пока жив.

И мудрец он изрядный, лесовик. Такие всегда не болтливы.

Уходят они втроем в сопки, в тайгу. Алеша, Шурик Нефедов и Аркаша. Иногда на день, иногда на три. С собой берут хлеба, соли, спичек. И все.

Аркаша знает, как прокормиться. Как джинн, извлекает он из зеленого мешка леса голубику, малину, дикий лук. Наловит рыбы, мед найдет.

Аркаша умеет организовывать интересные встречи.

Скажем, с зайцами, которые зимой по лыжне бегать любят. С пятнистым оленем. С ужами, поедающими лягушек. С волком, перебежавшим залив Охотского моря. Может организовать встречу со следом медведя — след размером с шапку. А иногда и с самим медведем. В последнюю такую встречу Аркашина интуиция наперекор всем лесным премудростям подсказала: надо удирать. И ничего, не подвела интуиция — удрали.

Леса он не боится, не ждет от него неприятностей. От того и непредвиденное его не обескураживает.

Шурик Нефедов в болотную топь однажды ухнул. Взрослых не звали, да и не успели бы. Аркаша шест ему протянул, вытащил. Помылись в речке, обсушились, ухи поели и домой пошли.

И не такой уж он на вид сильный, ловкий и умелый. Посмотришь: скорее мямля. Дело, думаю, в том, что он не только леса не боится, он и жизни не боится. Не ждет от нее неприятностей. Он с ней в естественно дружеских отношениях. Можно такое сказать о двенадцатилетнем мальчике, не о взрослом еще человеке? А почему нет? К двенадцати годам о человеке уже очень много можно сказать.

Весной малыши на берегу озера играли. Мальчишка маленький на льдине оказался, его и потащило. Аркаша его спас. Рискуя жизнью, той самой, с которой он в естественно дружеских отношениях. Ему почему-то везет на такие случаи. Или людям везет на встречу с ним.

Как часто слышишь ты нынче, читатель, слово «инфантильный». Инфантильный да инфантильный... Если попросту: «как маленький». Хоть и вырос большой, а все равно «как маленький». Так вот, первый признак инфантильности, по-моему, робость перед жизнью. Ожидание сначала сплошных подарков, а потом — неприятностей. Неплохо бы каждому так устойчиво и естественно чувствовать себя в ней, как Аркаша.

Нельзя сказать, что он в школе или отряде ЮДП очень заметный человек, такой, скажем, как Алеша. Но если разобраться, от него важные мысли исходили. Вот придумал, даже не придумал, а как-то так ловко дело повернул, что отряд, помимо своей пограничной работы, очень много времени стал охране природы уделять. Особенно летом, когда туристы, костры. Аркаша леса горелого видеть не может. (Я вообще подозреваю, что отряд ЮДП для него скорее долг, чем призвание: понимает, что дело важное, да и дружба с Алешей много значит.)

Про третьего друга я хотела рассказать — Шурика Нефедова. Да не получилось. Не знаю, не поняла, что он за человек. Ведь и так быть может. А если не поняла, зачем выдумывать?

Знаю только, что он «вечный третий». Но не «лишний», а крайне необходимый для существования этого дружеского союза. Бывает, что два друга не умеют найти друг друга, когда нет вот такого третьего.

В пионерлагере «Орленок» (где во время Всероссийского слета юных друзей пограничников я познакомилась с тремя друзьями) замечательно красивый закат. Ровно в девять солнце, как по сигналу «отбой», исчезает в море. А ребятам спать еще рано. У них отбой в десять. И вот этот оставшийся вечерний час самый, по-моему, спокойный за день и милый.

Мальчишка раскапывает на берегу песок, строит дом.

Рядом его приятели прыгают в длину — кто дальше...

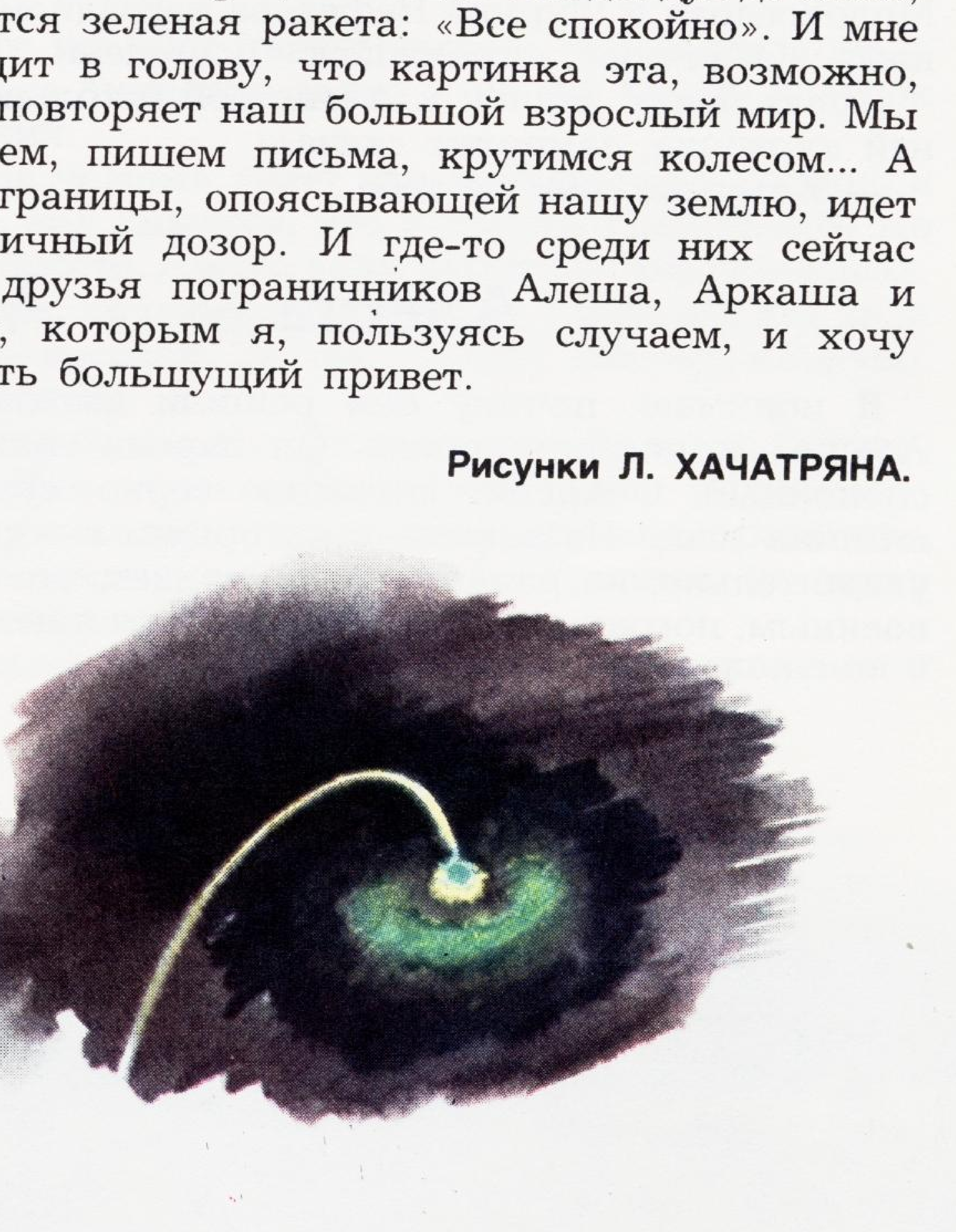
Девочка пишет письмо домой. Другая, свесив черные косы, бродит в прозрачной воде, ищет белые с фиолетовыми кругами ракушки.

Две подружки крутят на песке «сальто».

На проплывающем катере «Романтик» замечательно громко поет группа «Машина времени».

И вдоль этой вечерней жизни по плотной, укатанной кромке песка у воды идет патруль в маскхалатах с детской погранзаставы. Впереди черный и бдительный пограничный пес Атос. Поблескивает спица — антенна рации. Когда они дойдут до мыса, взовьется зеленая ракета: «Все спокойно». И мне приходит в голову, что картинка эта, возможно, точно повторяет наш большой взрослый мир. Мы работаем, пишем письма, крутимся колесом... А вдоль границы, опоясывающей нашу землю, идет пограничный дозор. И где-то среди них сейчас юные друзья пограничников Алеша, Аркаша и Шурик, которым я, пользуясь случаем, и хочу передать большущий привет.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.



Действие романа Николая Самвеляна «Альпийский эдельвейс», отрывок из которого печатает сегодня «Пионер», разворачивается на фоне событий, потрясших феодальную Европу в конце XVIII столетия. Европа уже давно не переживала таких тревожных времен. Война Франции в защиту национальной независимости превратилась в войну за господство в Европе, за колонии. Именно в это тревожное время и родилась новая — вторая антифранцузская коалиция, в которую вошли Россия, Англия, Оттоманская Порта, Австрия и Неаполь.

Император Австрии и его министр граф Тугут — председатель придворного военного совета — настоятельно просили Павла I как можно быстрее послать русские войска в Италию. Никто, по их мнению, не мог противостоять французским генералам, кроме А. В. Суворова, находившегося в это время в ссылке под наблюдением царских чиновников.

Суворов понимает важность возложенной на него миссии и в короткий срок очищает Северную Италию от французских войск. Русские войска стояли у ворот Французской республики. И Суворов подумывал о походе на столицу Франции. Однако австрийский императорский двор решил, что ему больше помощь Суворова не нужна, и направил русские войска в Швейцарию на помощь терпевшим поражение австрийским войскам.

Совершив беспримерный по трудности переход через Сен-Готард и Чертов мост, испытывая недостаток в продовольствии, оружии и боеприпасах, обещанных, но не поставленных австрийским императорским двором, русские войска прошли через Альпы.

Чем дальше уходят в прошлое события отечественной истории, дела и мысли их участников, тем все более отчетливо видится их значение и место в последующих судьбах страны.

В трудное и опасное для нашего государства время был учрежден военный орден, названный именем выдающегося русского полководца Генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. Первым орденом Суворова 1-й степени был награжден Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, так же как и А. В. Суворов, не проигравший за всю свою жизнь ни одного сражения.

Я. ЗИМИН, доктор исторических наук.

Николай САМВЕЛЯН

Семь царств ужаса, которых не заметил князь Багратион

Еще в Асти Суворов поручил генералу Меласу заготовить 1430 мулов и вьюки с необходимым продовольствием, чтобы взять с собой припасы на четыре дня. Еще на три дня довольствия каждый солдат нес в своем ранце. Семь дней — этого хватило бы, чтобы выйти в тыл Массене. Никаких существенных действий от Римского-Корсакова, Готце, Линкена и Елагина главнокомандующий не ожидал. Ему нужно было от них единственное — чтобы они отвлекли неприятеля, в то время как сам Суворов вырвался бы в тыл и на фланг войск Массены.

При таком образе действий у Массены не было никаких шансов на спасение. Но главным здесь было не потерять ни одного дня. А дни были потеряны. Мулов так и не нашли. И тогда великий князь Константин Павлович, обратив свои линялые голубые глаза куда-то вверх и почесывая мощный подбородок, с видом глубокомысленным, спросил:

— А что, если спе́шить полторы тысячи казаков? Получим полторы тысячи лошадей. Правда, не подготовленных ходить под вьюками. Они к седлам привычней, но все же...

— Дело,— прервал Суворов.— Господа интенданты, готовить вьюки. В помощь взять столько людей, сколько надобно будет.

А Константину Гордиенко сказал прямо при великом князе:

— Ты бы, братец, здесь, в Таверне, поспал лишний часок-другой. После контузии сон — первое дело.

Главнокомандующий — маленький, сухонький и очень бледный, с темными кругами под глазами — в эти дни был сдержан, тверд и деятелен. Шутка ли — сто пятьдесят верст от Александрии до Таверны прошли всего в шесть дней. И все напрасно! Мулы вовремя не прибыли. Теперь самим придется шить вьюки из подручного материала, торговать продовольствие у местного населения. Наконец прибыло около четырехсот мулов с проводниками, но наняты они были австрийцами лишь до Белинсоны.

— Зачем мне они тогда вообще? — спросил Суворов.— Потеряно пять дней.

Повернулся и пошел к домику Антонио Гаммы, где квартировал. Старый Гамма был во дворе и седлал лошадей.

— Когда выступаем, ваша светлость? — спросил он.

— Через два часа. Лошадей кому готовишь?

— Вам и себе.

— Ты-то куда едешь?

— С вами.

— Зачем?

Гамма почесал седую щетину, сдвинул на затылок широкополую фетровую шляпу.

— Не могу иначе. Душа просит того.

Из дому выбежала жена Антонио — Мария, попыталась упасть на колени перед фельдмаршалом. Суворов подхватил ее. Мария плакала и объясняла, что старый Гамма сошел с ума — дети, внуки, самому уже семьдесят три года. Все говорят, что русские идут на явную смерть. Суворов молчал. Кто знает, о чем он думал в это время. Может быть, о собственной неудавшейся жизни, о постоянных ссорах, закончившихся разрывом с женой?

— Мужчина сам решает, когда идти ему в бой и идти ли вообще. Я ничего не могу посоветовать Антонио, — сказал он тихо. — Как решит Антонио, так и будет.

В пасмурное ненастное утро русские колонны двинулись в горы. Рядом с Суворовым ехал Антонио Гамма.

Вскоре пошел дождь, а резкий ветер из ущелий норовил сорвать треуголки и плащи да попросту столкнуть людей с узких троп в пропасть.

Гамма знал дорогу и часто выезжал вперед, чтобы убедиться, не сбился ли авангард с пути. Спали, не разжигая огня. Да его и невозможно было бы разжечь под проливным дождем.

На третий день Суворов приказал корпусу Розенберга незнакомой дорогой идти в тыл Сен-Готарда. Неприятельские заслоны сбивать короткими штыковыми атаками, а далее действовать по обстоятельствам.

— Дерфельден пойдет через Айроло прямо на Сен-Готард. В авангарде — полки князя Багратиона. Атаковать одновременно с фронта и флангов. И повсюду — обходы, обходы, обходы. Возникать только там, где не ждут.

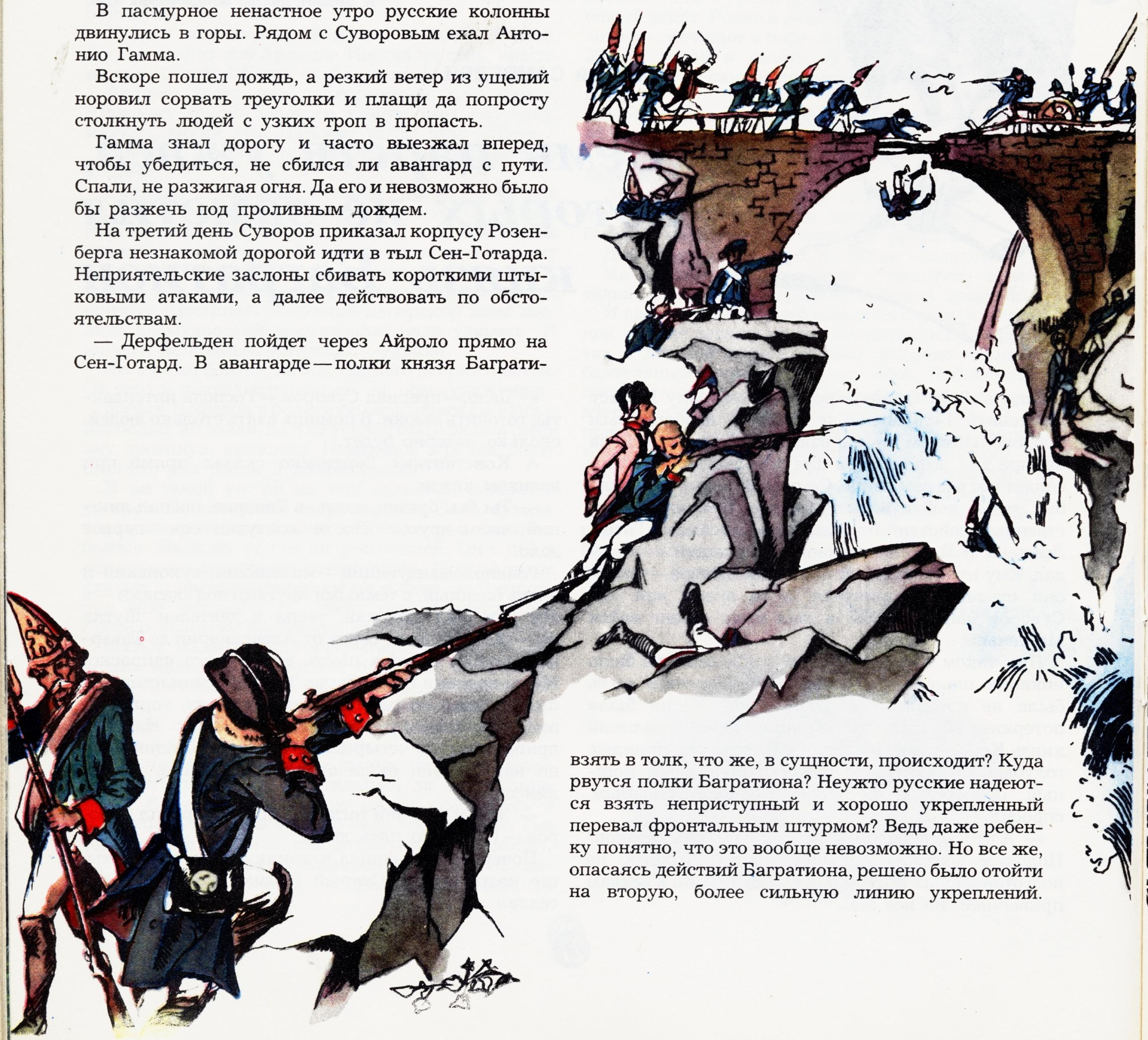
— Перевал неприступен, — сказал Багратион.

— Был до сегодняшнего дня, — ответил Суворов. — Приказ о штурме мною только что отдан, а вами получен. Штурмуйте!

Константину Гордиенко Суворов приказал идти вместе с полками князя Багратиона — для связи.

И вот тринадцатого сентября Багратион неожиданным ударом сбил неприятельские полки у Айроло и, внезапно свернув вправо, начал карабкаться в горы с целью обхода неприятеля. Остальные силы Дерфельдена повели стремительную атаку по фронту.

Французский генерал Лекурб, человек смелый и талантливый, понял, что здесь что-то не так, нарушены понятия и правила горной войны. Но не мог



взять в толк, что же, в сущности, происходит? Куда рвутся полки Багратиона? Неужто русские надеются взять неприступный и хорошо укрепленный перевал фронтальным штурмом? Ведь даже ребенку понятно, что это вообще невозможно. Но все же, опасаясь действий Багратиона, решено было отойти на вторую, более сильную линию укреплений.

Трижды шли на штурм русские. И трижды французы отбивали натиск.

— Но куда карабкаются те, на левом фланге? Там ведь семь кругов ада, семь царств ужаса! К тому же они без триконей[1].

И тут на вершине горы показались егеря Багратиона. Было ясно, что перевал не удержать. Генерал Лекурб, отдав приказ отступить к деревне Госпиталь, сам со своими основными силами двинулся навстречу Суворову.

Между тем Суворов, оказавшись на Сен-Готарде, зашел в монастырь капуцинов. Его встретил семидесятилетний настоятель и предложил обед.

— Нет, святой отец,— ответил фельдмаршал, покачиваясь и едва удерживаясь на ногах.— Как ни голодны мы, но сначала надо помолиться за то, что потеряно меньше людей, чем могли мы потерять. А далее — вперед!

Вместе с фельдмаршалом в монастырь вошел Антонио Гамма. Его ранили в кисть руки. Старик перевязал руку и отказался вернуться домой. Он прилег на скамью и тут же уснул.

— Разбудите через час! — сказал Суворов.— Ему хоть немного, да надо отдохнуть. Остальные — готовьтесь. Скоро выступаем.

Между тем Лекурб внезапно обнаружил, что в тылу у него оказались еще и другие русские войска. Это обошел его генерал Розенберг. Двойной обход, да еще в горных условиях,— такого еще не видывали.

— Суворов гений! — воскликнул Лекурб.— Горе тому, кто это поймет с опозданием!

И приказал спешно занять оборону у деревни Госпиталь, используя местность и держа под огнем деревню Урзерн. К тому же в середине дня на долину перед Урзерном быстро спустился туман.

— Сама природа нам в помощь! — сказал Лекурб.— Она дает нам последний шанс.

Французы выстроились перед деревней, заняли места в ложбинах. Спуск в долину был настолько крут, что одолеть его да еще под огнем было никак невозможно. Но тут-то в долину внезапно, совершенно необъяснимым образом и рухнули русские. Это красавец генерал Милорадович с криком: «Смотрите, как вашего генерала в плен берут!» — скатился в пропасть. Но выжил, не разбился. Хотя ушибов получил достаточно и сломал ребро.

Следом за Милорадовичем рухнули в пропасть и его солдаты. А дальше — короткая, яростная штыковая атака. К вечеру французам пришлось оставить и Госпиталь. Лекурб со своим отрядом оказался окруженным.

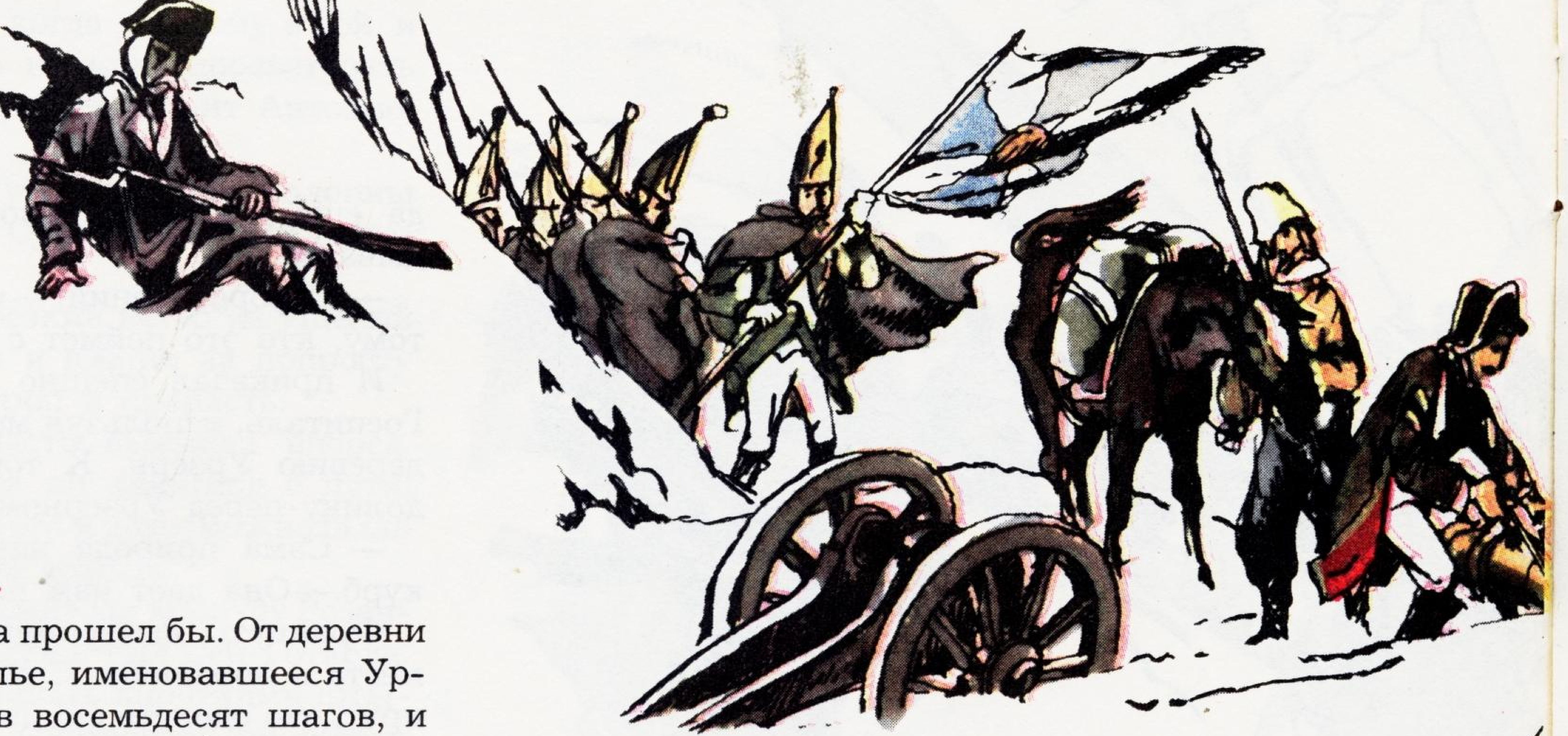
— Нас побили! — сказал он.— Так будем же учиться у Суворова. Это не зазорно. Может быть, хоть в будущем ученик сможет побить учителя.

И Лекурб совершил невероятное. Побросав орудия, он двинулся с остатками своих батальонов через хребет Бетуберг к единственной переправе через реку Рейссу — Чертову мосту. Уж Чертов мост не мог бы взять штурмом и сам черт!

— Молодец! — заметил Суворов, когда ему рассказали о маневре Лекурба.— Способный ученик! Но мои-то ребята способнее. Вперед!

Чертов мост — каменная арка, перекинутая через Рейссу, действительно был выстроен, казалось, не без помощи дьявольского замысла. Дорога, ведущая к нему, была не просто витой, а столь замысловатой, что по ней не то что армия — путник с

[1] Трикони — шипы на ботинках, которые носят обычно горные стрелки.



опытным проводником едва прошел бы. От деревни Урзерн к мосту вело ущелье, именовавшееся Урзернской дырою, длиной в восемьдесят шагов, и такое узкое, что по нему едва могла пройти лошадь с вьюком. От Урзернской дыры до самого моста было четыреста шагов. Далее дорога, пробежав по мосту, упиралась в отвесные скалы. Круто повернув, тропа спускалась по искусственной каменной аппарели к другому мостику и снова выходила на правый берег Рейссы у огромной скалы, обогнув которую и пройдя еще по одному мостику в очередной раз оказывалась на левом берегу. Тут хватило бы не трехсот спартанцев, а тридцати, чтобы удержать целую армию.

На рассвете передовой отряд полка Мансурова рванулся к Урзернской дыре. Французы, не дрогнув, встретили его ружейным и артиллерийским огнем. Отряд смешался. И никто не заметил, что в это время уже триста добровольцев из того же полка Мансурова взобрались на скалы над самым Урзернским проходом.

Но и этого мало. Майор Тревогин во главе двухсот егерей полка Кашкина вброд перебрался через Рейссу и вскарабкался на откосы левого берега. Следом рванулся батальон полковника Свищева, а генерал Каменский со своими архангелогородскими мушкетерами взобрался на хребет Бетцеберг и начал спуск к мосту. Лекурб все понял:

— Опять обход! Уже тройной! Взрывайте мост! Можно подумать, что он всю жизнь воевал в горах! Отступаем! Немедленно создать тридцать летучих отрядов, которые бы терзали тылы русских. И все же не пойму, зачем Суворов рвется к Алкторфу? Ведь оттуда дороги на Швиц нет: тропинка упирается в снежные хребты. Но, повторяю, мы имеем дело с гением. А гении всегда непостижимы...

Клод-Жан Лекурб знал, что говорил, и понимал, что столкнулся с противником не просто незаурядным, а полководцем выдающимся. Да как это не понять было человеку, сумевшему в короткий срок проделать путь от национального гвардейца до одного из лучших генералов Республики. Он, Лекурб, да еще Бернадот, Жубер, Моро и Бонапарт долгое время спорили за право считаться самым одаренным военачальником страны. Но Лекурб, сторонник Моро, несмотря на ряд блестяще проведенных кампаний, вслед за своим патроном в конце концов впал в немилость, вызвал гнев и мстительную подозрительность Наполеона, был отстранен от должностей и выслан из Франции. Но в ту пору, когда Лекурб пытался серией сложных маневров переиграть Суворова в Альпах, всем и ему самому казалось, что впереди лишь успехи и победы. Клод-Жан парил на крыльях славы, удачливости и веры в себя. Это был его звездный час.

— Шахматы — сложная игра,— пробормотал Лекурб.— Война еще сложнее. И все же рискнем!

Чертов мост был взорван. Но русские мгновенно связали офицерскими шарфами какие-то доски, будто заранее знали, что французы обязательно взорвут мост, и успели, несмотря на губительный ружейный огонь, прорваться на другой берег Рейссы. А за пять минут до этого у самого выхода из Урзернской дыры появились русские егеря, а один из батальонов — Лекурб, естественно, не мог знать, что это батальон Мансурова,— пользуясь суматохой, бросился в штыки.

— Они повсюду! — крикнул Лекурб.— Со всех

сторон. Так не бывает, но это факт. Разобрать аппарели! Снять мосты через реку Шахен. И вообще — взрывайте, сжигайте все переправы, ломайте все, что под руку попадется!

В этом хаосе, когда был совершенно непонятен замысел противника и его возможный следующий ход, действия Лекурба были идеальны. К тому же ходили слухи о большой битве в Альпах, закончившейся в пользу французов. Если это было действительно так и корпус Римского-Корсакова разбит, то куда же рвался Суворов? Он был отрезан и повсюду опоздал.

Лекурб решил занять фланговую позицию и при первой же возможности ударить в тыл русским. Тем более русские должны были понять, что попали в западню: надо отступать или же штурмовать снежный хребет Росшток, что не по силам никакой армии. Следовательно, Суворову оставлена единственная дорога — кружной путь через Шахенскую долину к верхней Линте, где находятся войска Линкена.

И в любом случае нужны военный совет, отдых, разрядка. А пока следовало терзать тылы русских, перехватывать мулов и вьючных лошадей с продовольствием, сбрасывать их в пропасти, что успешно делалось.

Русская армия шла вперед. Куда? К небу? К бессмертию? К гибели? К победе?

— Осознать, что творится, я не могу! — честно сказал Лекурб командиру одного из отрядов преследования. — Вы говорили, что захвачен какой-то старый швейцарец. Введите его.

Антонио Гамма за эти дни похудел килограммов на пятнадцать. Одежда его превратилась в лохмотья. Поля промокшей фетровой шляпы свисали прямо на плечи. Сапоги были изорваны, подвязаны веревками. Пугали торчавшие в прорехах белые обмороженные пальцы ног.

— Гражданин, — спросил Лекурб, — вы были проводником Суворова?

— Нет, гражданин генерал. Я был и остаюсь его другом. Шел рядом. Отстал. Прошу запомнить мое имя — Антонио Гамма. Я уже вошел, как все, кто был рядом с этим великим человеком, в бессмертие.

— Но жить на этой земле вам осталось уже недолго.

— Думаю, дня три. Или четыре, если вы меня не расстреляете сейчас же, — ответил Гамма. — Но я их проживу с сознанием того, что жизнь моя была скромна, а финал ее величествен. Вы мне не завидуете, гражданин генерал?

Лекурб долго смотрел в большие темные глаза старика, а затем тихо произнес:

— Не знаю. Вы не будете расстреляны. Возвращайтесь умирать домой.

Рисунки Д. БАРАБАША.

Но на рассвете шестнадцатого сентября случилось такое, что повергло в абсолютное недоумение молодого Лекурба, а в его волосах в тот день появились первые блестки седины. Русские двинулись к Росштокскому хребту. Идти им пришлось цепочкой по самым гребням скал и через лощины, где снега было по пояс. Посланные вслед французские отряды в отриконенной обуви с альпенштоками отстали, пройти не смогли — многие не удержались на тропе. Видимо, срывались в пропасти и русские. Сверху слышался шум обвалов и осыпей. И — ни возгласа, ни крика о помощи.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает * только тебя *

Нина КОТОВА — москвичка. Она учится в 3-м классе, занимается в литературном клубе Дома комсомольца и школьника Октябрьского района Москвы.

Дедушка

Мой дедушка был боевой генерал,
Во время войны он с врагом воевал.
Еще в революцию был он боец,
За правду сражался — он был молодец!
Он жил в Петрограде,
Он Ленина знал.
И Смольный с друзьями
Он охранял.
В суровые годы последней войны
Мой дедушка с армией шел впереди.
В музее хранится его портрет,
Лучше дедули любимого нет.

Луна

Луну руками не достать,
Но можно сказку рассказать,
И на луне в ней побывать,
И чудеса там повидать.

*

В том же литературном клубе занимается и Рия ВАСИЛЕНКО. Ей 7 лет.

Котята

Жили два котенка —
Черненький и рыжий.
Жили два котенка
На высокой крыше.
Спали на листочке,
Укрывались летом,
Но однажды ночью
Лето сдуло ветром.

Ночь

Спят цветки, сжав лепестки,
Спят куклы, платья и носки.
А я не сплю, я тихо лежу,
Не сплю потому, что ночь сторожу.

Что какого цвета?

Дома бывают разные:
Белые, желтые, серые, красные.
Деревья качают
зелеными ветками,
Цветы, как правило,
разноцветные.
Небо хмурится серым-серым,
А улыбается синим-синим.
И провода облепляет
Белый-пребелый иней...
А вот какого цвета
Осень, весна, зима и лето?

*

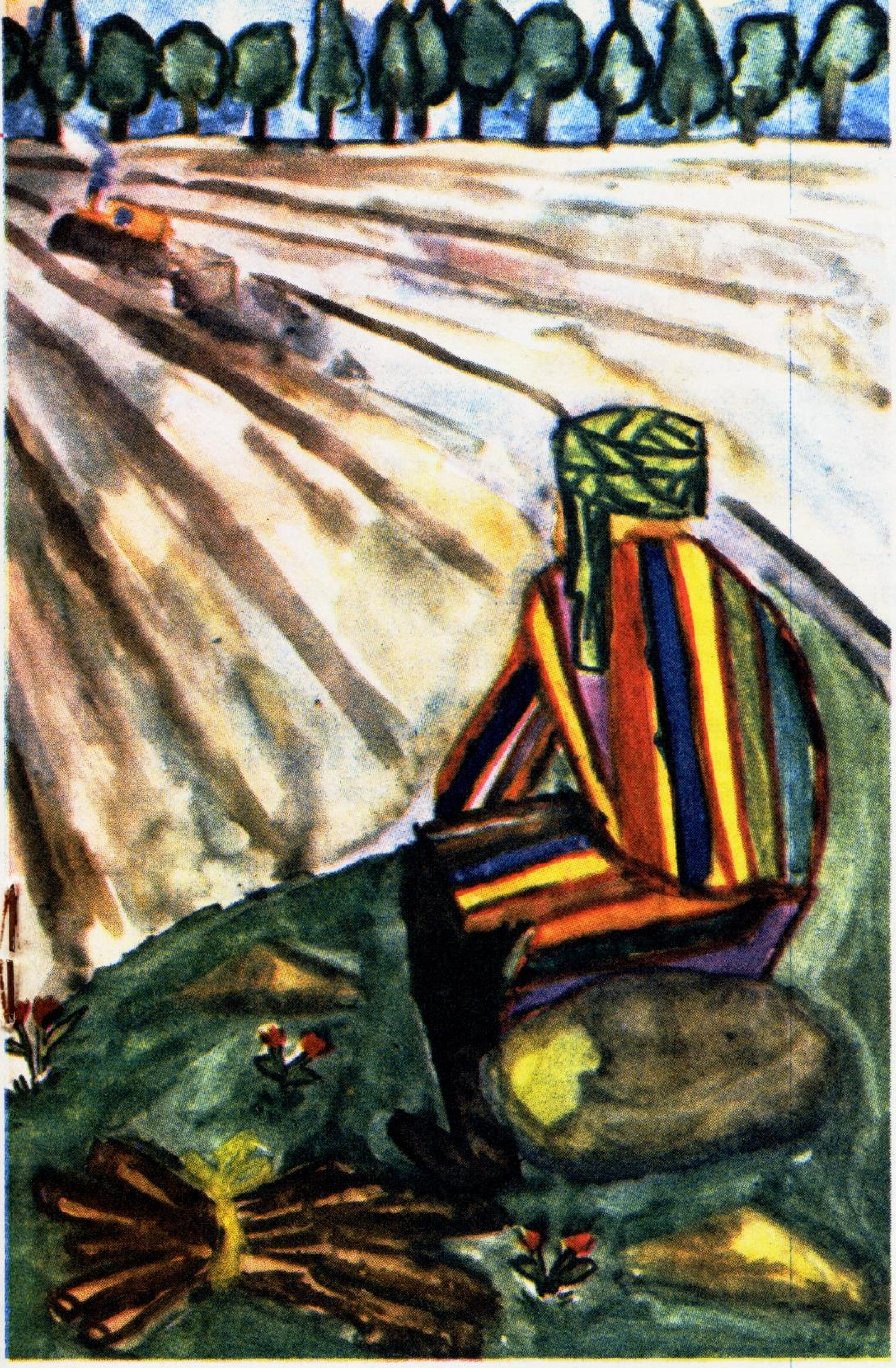
Катя ИВАНОВА живет в Ижевске, перешла в 5-й класс.

Мама

Мама по воду пошла
Ведра синие взяла.
И водицы набрала,
А водица та вкусна.

Петя-Петушок

Петя-Петушок,
Выгляни, дружок!
Солнцу дорогому,
Солнышку литому
Передай привет!



О юной художнице Мусаллам КУДРАТОВОЙ, победительнице конкурса рисунков на асфальте в городе Душанбе, «Пионер» рассказал в № 6, в очерке С. Богатыревой «Офтоби ман» в зените». На этих страницах ты видишь две работы Мусаллам: «У ВХОДА В ПАРК» и эскиз к картине «МОЙ КРАЙ ТАДЖИКИСТАН».

*

Миша ПАНИЧЕВ живет в Москве, перешел в 5-й класс школы № 875. В его классе есть литературный кружок «Пчелка», который издает свой альманах. В одном из номеров альманаха была напечатана Мишина сказка «Матч».

Матч

СКАЗОЧНЫЙ РЕПОРТАЖ

Внимание, внимание! Через пять минут начало матча. На лесном поле встречаются две команды. «Лютики-цветочки» и «Елки-палки». Вот команды выходят на поле. Матч начался. Сразу вперед вырывается нападающий команды «Елки-палки» Груздь. Он обходит трех защитников, но у него выбивают мяч из-под ног. Свисток судьи: порвался мяч. На поле выносят новый.

Игра продолжается. Удача перешла на сторону команды «Лютики-цветочки». Всей командой они идут на штурм ворот. Произошла небольшая свалка. Свисток, куча-мала рассеялась. Есть пострадавшие в команде «Елки-палки». Поле покидает защитник Шишка. У него на лбу вздулась большая шишка. Судья показывает красную карточку игроку команды «Лютики-цветочки». С поля уходит нападающий Чертополох. Сейчас же к судье подлетает полузащитник Вьюн. Он начинает виться вокруг судьи, доказывая, что Чертополох не виноват. Но с судьей лучше не спорить.

Игра продолжается. Передача с правого фланга на левый. Атакует команда «Лютики-цветочки». К воротам прорываются два нападающих — Зверобой и Василек. Зверобой выхватывает мяч у своего товарища по команде, прорывается вперед. Однако он развил слишком большую скорость и влетел вместе с мячом прямо в сетку ворот, порвал ее и очутился высоко на трибунах.

Гол! На 39-й минуте нападающий Зверобой забил первый мяч. Свисток. Мяч — на центр поля.

Игра продолжается. Снова команда «Лютики-цветочки» впереди. Но где мяч? Это нападающий команды «Елки-палки» Плесень просочился через всех игроков и вышел к воротам. Удар! Вратарь Кактус накалывает мяч на колючки и берет его. Свисток. Игра закончилась со счетом 1:0.

Репортаж вел спортивный комментатор Репей.

Вика ГРОЗЕВА сочинила эти стихи в то время, когда еще только училась читать и писать. Сейчас Вика — школьница, перешла во 2-й класс московской школы № 711.

Солнце

Солнце пляшет в небесах,
Радуются дети,
Потому что лучше нет
Этого на свете!

Дождик

Дождик капает уныло
В землю черную мою,
И цветы растут лениво
День-деньской и ночку всю.

Облака

Облака-барашки у речки прилегли,
Выпили по капле и дождем ушли...

Ирина СТРЕЛКОВА

ОДНА ЛОШАДИНАЯ СИЛА

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 7.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Киселев

Володя не спеша прошел в дом, вымыл руки, переоделся, причесался. Все проделал в своем обычном темпе. Спенсер говорил, что самообладание, как и все качества, развивается через упражнение. Васька нетерпеливо подпрыгивал, но Володя еще немного потянул время — переложил книгу с места на место, поправил завернувшийся половик и только тогда разрешил себе выйти в палисадник.

Под сиренью за пятигранным столом сидел подросток, поразительно похожий на индейца. Смуглое лицо, черные жесткие космы, узкие глаза.

— Кто это? — Володя строго поглядел на Ваську.

— Костя-джигит!

Так произносятся самые знаменитые имена. Например: «Владислав Третьяк!»

— Очень приятно! — Володя слегка поклонился. — Вы ко мне по делу? Слушаю.

Подросток встал, пригладил ладонью индейские космы.

— Уважаемый Владимир Александрович! Мы хотим обратиться к вам за помощью. Нам известно, что вы умеете распутывать самые таинственные преступления. — Подросток запнулся, достал из кармана сложенный тетрадный листок, развернул, пробежал глазами и опять сложил. — Вы, Владимир Александрович, проницательны, как комиссар Мегрэ... — Володя все больше недоумевал: «Куда он клонит? Уж не собирается ли кто прибегнуть к моим услугам? Нет, чепуха, игра фантазии. Юный знаток западной детективной литературы явился, чтобы пригласить меня на читательскую конференцию в детскую библиотеку...» Подросток, похожий на индейца, заметил Володину улыбку, скомкал заранее сочиненную речь. — Мы пробовали сами. Не получается.

— Кто это «мы»? — спросил Володя.

— Апачи.

— Костя-джигит у них вождь! — вставил Васька.

— Понятно, — проронил Володя, еще ни бельмеса не смысля. — Так что же случилось у апачей, входящих, если я не ошибаюсь, в группу атапасков?

Эрудиция нередко выручала Володю. И сейчас «группа атапасков» произвела впечатление.

— Предательство! — сурово произнес подросток.— Кто-то из наших выдает Бесу секретные данные. Вчера вечером я окончательно убедился.

— Бес?..— Володя несколько раз повторил про себя прозвище некоего врага апачей. «Кто такой Бес? Какие секретные данные? И что произошло вчера вечером?»

Васька изнывал от желания выложить кучу сведений, но Володя предостерегающе поднял руку.

— Погоди, не мельтеши. Дай подумать...

Ему было над чем поразмыслить! Взрослому человеку, директору музея, предложили принять участие в детской игре.

«Впрочем, что значит игра? Сама жизнь порой не так серьезна и не так много требует от человека, как детская игра. Особенно классическая, в традициях народа. Прятки, например, или лапта. «Ножички», «казаки-разбойники». И — не будем обижать девочек — «дочки-матери». А классические «солдатики»?! В «солдатиков» играют мальчишки и слушатели военных академий. Каждая игра родилась на свет не случайно, она готовит ко всем трудностям жизни. И как она проявляет человеческий характер со всеми его достоинствами и недостатками! Сразу видно, кто храбр и кто трусоват, кто надежен и кто способен подвести, кто добр и кто жесток. Володе вспомнились собственные испытания. В «двенадцать палочек» случалось водить и два и три дня. Унизительно? Да! Но не позорно. Позор — испугаться и сбежать от унижения, не отводить...

Сейчас люди стали путать, где игра, а где спорт. Хотя это совершенно разные вещи. В спорте все рассчитано на секунды, метры, очки. Игра широка и многосложна, как сама жизнь. В ней возможны и подвиг, и... измена. Лидеров выбирает она сама, а не учитель и не тренер. Попробуй поставь маткой в лапте старосту класса!.. Как много теряют нынешние ребята оттого, что «вышли из моды» лапта, прятки, чехарда! Бассейн или фигурное катание не дают им того, что получали прежние поколения от своих незатейливых игр. Но если так... Если так, то апачи — явление положительное! Игра в индейцев. Классическая игра русских интеллигентных мальчиков. У Чехова есть рассказ о двух гимназистах, которые собирались бежать в Америку...»

Васька, зорко наблюдавший за Володей, уловил, что решение принято, и восторженно вскричал:

— Полный отпад! — Свои самые сильные чувства он, увы, всегда выражал с помощью модного слова. Володя нахмурился, и Васька тотчас перевел свой возглас на русский язык: — Очень хорошо, Владимир Алексаныч!

— Только никакой болтовни,— предупредил Володя.— Иначе я прекращаю.

Вождь апачей молча достал из-за пазухи потрепанный блокнот в картонных корочках, положил перед Володей на стол. Володя взял блокнот. На первых двух страницах он обнаружил список апачей: Дьяк, Рыжий, Буба, Кура, Колобок, Снегурка, Чапа... Обыкновенные путятинские уличные прозвища. Володя испытал сильное разочарование. Индейская внешность вождя апачей ввела его в заблуждение. Впрочем, надо было сразу обратить внимание, что вождь зовется Костя-джигит, а не Соколиный Глаз и не Монтигомо Ястребиный Коготь.

«Не отказаться ли, пока не поздно? Никакие они не индейцы, обыкновенная уличная компания.— Володя без интереса перекинул несколько блокнотных страниц.— Что это? Характеристики?— Володя чуть не расхохотался. Про Чибу: «Шатен, уравновешен, хороший семьянин». Про Дьяка: «Голубоглазый блондин, отважен, пользуется успехом у женщин». Характеристики не отличались большим разнообразием. Затем шли страницы с текстом «Клятвы апачей», составленной довольно коряво и переписанной разными почерками без знаков препинания и с ошибками. Внизу каждой

Шестерка шла гуськом посередке улицы, низко опустив головы.

страницы красовалось коричневое размазанное пятно.— Кровь? Они расписываются кровью? — Листая страницу за страницей, он все больше убеждался, что догадка верна.— Но чем же они тогда занимаются, если потребовалось скрепить клятву кровью? — Володя понял, что ввязался в скверное дело.— Что ж... Чем хуже, тем лучше. Тем нужнее мое вмешательство в тайны апачей!»

Володя не торопясь продолжал изучать потрепанный, взбухший блокнот Кости-джигита. Самое удивительное сыскалось на последних листках. Инвентарные списки по шалашу № 1 и шалашу № 2, отчет по израсходованным суммам на овес, лапшу и манную крупу, разные ведомости и счета... Володя, став директором музея, изрядно потрудился, пока овладел всеми хитростями бухгалтерии и делопроизводства. Зато теперь он мог по достоинству оценить хозяйственность Кости-джигита. Но чем же занимаются эти загадочные апачи с их клятвами кровью, характеристиками, заимствованными из популярного телефильма, и образцово поставленным учетом?

— Итак,— он отложил блокнот в сторону,— я готов вас выслушать.

Через минуту он слушал Костю-джигита затаив дыхание. Только сегодня Володя заинтересовался путятинскими лошадниками, и вот, пожалуйста, Васька привел к нему не рядового лошадника, а главаря! Костя-джигит рассказывал, стараясь говорить правильными фразами, и потому у него получалось сухо, невыразительно. Выручал Васька, раскрашивая схему Кости-джигита своими эмоциональными дополнениями. Перед Володей возникла картина, выполненная в той манере, в какой писались в прошлом веке батальные полотна. Одно из таких полотен, документально зафиксировавшее битву за какой-то кавказский аул, хранилось в Путятинском музее: топографически выписанные горы, фигурки офицеров и солдат, кони, пушки, разбросанное снаряжение — никаких вольных мазков, все в точности, до самой малой пряжечки и ремешка.

На Володиной — воображаемой — картине столь же рельефно раскинулся город Путятин, поделенный на зоны подростками-лошадниками. Двудворицы, где живут апачи, Володя увидел в правом верхнем углу картины. И выше, в лесочке за Двудворицами, он обнаружил выписанный детально, до прутика, шалаш. Здесь апачи хранят свое снаряжение. А что нужно угонщику? Во-первых, уздечка, во-вторых, запасные штаны. Насчет штанов Володе дали подробные разъяснения. Они рвутся, поскольку апачи, как и все прочие лошадники, ездят без седла. По дырам на определенном месте обычно и разоблачают лошадника. Инспектор по несовершеннолетним Нина Васильевна приходит жаловаться родителям, они, бывает, и не верят, тогда она говорит: «Поищите-ка штаны с дырами». И все, попался. Но апачи нашли выход. Завели себе запасные штаны и хранят их в шалаше № 1.

Вторую базу апачи соорудили подальше, в заброшенной избушке лесника. Там они держат запас корма для лошадей и запас продуктов, крупу, картошку. Если Володя захочет, ему покажут. Но вообще местонахождение базы апачи держат в секрете. Это их главная тайна! Добравшись на фабричных лошадях до базы, апачи их кормят и отпускают. Жестокое обращение с лошадьми у апачей карается немедленным изгнанием. Другие лошадники напяливают на головы капроновые чулки, чтоб никто не узнал, и пролетают во весь опор по вечернему пятачку, но апачи против таких фокусов. Апачи хотели, чтобы и другие лошадники перестали колоть лошадей ножами, не привязывали без корма и воды, не гонялись по городу в масках. Составили обращение по всем международным правилам, но не получили ответа ни от одной компании лошадников. А Бес сразу после этого стал мстить апачам. Его ребята разорили ближнюю базу, унесли все снаряжение. База была хорошо замаскирована, ее так просто не найдешь. Стало ясно, что среди апачей завелся предатель. А после вчерашнего и вовсе исчезли сомнения.

— Вчера ребята Беса...— в узких глазах Кости-джигита сверкнул гнев, вождь апачей приготовился поведать о чудовищной подлости врагов, но Володя не дал ему договорить.

— Я знаю, что случилось вчера,— бросил Володя с деланной небрежностью. Впрочем, и в самом деле не так-то сложно было для Володи вычислить по имеющимся в его распоряжении фактам, что произошло вчера. Он знал от Куприянова, что какие-то подростки во весь опор гнали лошадей. Видел своими глазами продырявленные шины. На кого указывают приметы? На ребят Беса, которые мучают лошадей и вообще занимаются пакостями. Костин гнев свидетельствует, что на этот раз они учинили нечто из ряда вон выходящее. Разорили дальнюю базу? Нет, судя по обещанию вождя показать базу, там все в целости. А лошадники ночью околачивались возле туристов. Выходит, что ребята Беса успели напакостить апачам до выезда из города. Чем же? Не тем ли, что нарушили неписаный уговор, угнали лошадей из фабричной конюшни?

Володя изложил свою догадку Косте-джигиту и тотчас услышал Васькин восторженный стон.

Потрясенный Володиной проницательностью, Костя-джигит изложил любопытные подробности вчерашнего происшествия. Апачи собирались вечером покататься на фабричных лошадях. Пришли, а конюшня пустая и к косяку дверей пришпилен большой конверт с надписью: «Апачам». В конверте лежал тетрадный двойной лист, весь исписанный ругательными словами. Ребята Беса в точности знали, что апачи появятся в конюшне. Еще одно доказательство, что среди апачей орудует шпион Беса.

— Вот улика,— Костя-джигит достал из кармана и протянул Володе измызганный конверт.— Возьмите, пригодится для расследования. По почерку можно определить, кто писал.

Володя взял конверт, отложил в сторону.

— Кто писал, определить нетрудно. Даже не заглядывая в конверт. Писал кто-то из ребят Беса. А вы ищете предателя среди своих. Но если он действительно существует, то он скорее всего был вчера вечером с апачами, а не с ребятами Беса.

— Ну! — Васька подпрыгнул от восторга.— Я говорил! Дедукция. Предатель с вами ходит! А они, Владимир Алексаныч, Бубу подозревают.— При этих словах Володе вспомнилась страница блокнота. Буба: «блондин, уравновешен»...

Костя-джигит изложил свои доводы. Во-первых, Бубу однажды видели в микрорайоне с Бесом. Во-вторых, Буба заявил, что больше не хочет заниматься угоном лошадей, и перестал ходить с апачами, но Костя видел своими глазами, как Буба делал новую уздечку — значит, он с кем-то ходит. И в-третьих, вчера Буба купил у конюха десять килограммов овса.

— Погоди, — перебил Володя,— ты же говорил,

С наступлением темноты Фомин и двое дружинников заняли позицию в детском бревенчатом городке...

что только апачи кормят лошадей. Зачем же Бубе овес, если он ходит с ребятами Беса?

— Для прикрытия!—убежденно заявил вождь апачей.—Я купил овес, иду из конюшни, а навстречу Буба. Он понял, что вечером мы пойдем за лошадьми. И сразу донес Бесу.—Костя запнулся, озадаченно почесал лоб.—А может, он сначала заглянул в конюшню, будто бы за овсом, и увидел ружье. И рассказал Бесу, а Бес послал своих за ружьем.

«Этого мне еще не хватало! Истории с каким-то ружьем!»—подумал Володя. И спросил строгим голосом:

— Не можешь ли ты сказать пояснее, что за ружье?

— Конюха. Висело на гвозде. Ребята Беса лошадей угнали и ружье унесли. А в милиции знают, что из фабричной конюшни угоняем мы. Тень подозрения на апачах. И не докажешь.

— Но ведь ребята Беса оставили ругательную записку?

— Думаете, милиция поверит? Вор унес ружье и оставил вместо него записку? В милиции скажут, что я ее сам изготовил как фальшивую улику. Я даже показывать не стал.

— Кому?

— Да приходили уже.—Костя скривился.—Если бы Нина Васильевна...—Вождь сделал жест, означающий, что Нине Васильевне он бы записку показал, она бы поверила.

Васька захохотал:

— Владимир Алексаныч! Знаете, кто к нему приходил?

На этот раз Володя не собирался изумлять мальчишек своей догадливостью. Не говоря ни слова, он придвинул к себе измызганный конверт. «Фома наверняка не поинтересовался сложными отношениями между подростками из Двудвориц и компанией Беса из микрорайона. Надо будет как

можно скорее передать ему это письмо. Оно, конечно, не снимает подозрения с апачей. Если ребята Беса унесли из конюшни ружье, зачем им было оставлять записку, явную улику против себя?.. Да,— продолжал размышлять Володя,— ругательная записка свидетельствует, что ребята Беса ружья не брали. В конюшне побывал еще кто-то.— Володя раскрыл блокнот, отыскал страницу с характеристикой Бубы, начал разбирать Костины каракули: «...уравновешен, хороший семьянин...» Интересно, как может проявить качества семьянина мальчишка?..»

На следующей строке характеристики Володя запнулся. «Обладает...» и дальше неразборчиво.— Чем обладает этот «хороший семьянин»? «Сверх...» — и дальше опять непонятное слово. Кажется, надо читать «естественными». Что значит «естественными»? Внезапная догадка озарила Володю.— Примем в расчет успехи Кости-джигита в правописании. Что получится? «Сверхъестественными...» Теперь уже легко прочесть следующее слово: «...способностями»... Любопытно! «...обладает сверхъестественными способностями».

Костя-джигит считал свои характеристики исчерпывающими и неохотно отвечал на Володины расспросы. Почему «хороший семьянин»? Потому что мать и бабушка над Бубой трясутся. Какие «сверхъестественные способности»? В одной деревне живет старуха, у нее собака на цепи, Пират, жуткая зверюга, клыки — во! На всех кидается, а Бубу увидит и хвостом виляет, ползет к нему на брюхе. Старуха так и сказала Бубе: «Ты колдун». Цыган дядя Паша показывал апачам, как по-цыгански красть лошадей. Ведро на руку, будто в нем овес, и подманивай. А Бубе ведра не надо, он подойдет, положит руку лошади на холку — и готово, лошадь идет с ним.

Володя невольно вспомнил собственную робость перед гнедым. «А поведение жуткой зверюги Пирата, несомненно, проливает свет на события минувшей ночи. Теперь понятно, почему осрамился золотой медалист Ральф. Значит, все-таки Буба был с ребятами Беса, подозрения Кости подтверждаются...»

После ухода Кости-джигита Володя и Васька затопили печь для сушки белых грибов и соорудили себе на ужин великолепную жареху из подберезовиков и подосиновиков. За ужином Васька вдруг вскочил и стукнул себя кулаком в лоб.

— Владимир Алексаныч! Идея!

— Какая? — строго спросил Володя.

— Гениальная!

Васькин план действий, увы, не блистал оригинальностью. Стандартный ход — засылка своего человека в шайку Беса с заданием втереться в доверие главаря и узнать, кто с ним связан из апачей. На роль ловкого разведчика Васька, разумеется, назначал себя.

— Мне раз плюнуть, я вотрусь.

Было бы непедагогично подвергать разгрому Васькин первый самостоятельный вариант детектива. Володя внимательнейшим образом выслушал все его соображения. В плане засылки ловкого разведчика был и еще один — более существенный — недостаток. Ребята Беса — это не мальчики из Двудвориц со своими клятвами кровью. Мало ли в какую скверную историю может влипнуть Васька, пока будет втираться в доверие.

— Да-а-а... В этом что-то есть...— Володя изобразил глубокое раздумье.— Но пока еще не время. Оставим твой план в резерве. Подождем, изучим ситуацию.

Васька исполнился гордости.

— Ладно, Владимир Алексаныч. Можно и подождать.

Но Володя на всякий случай потребовал, чтобы Васька дал ему честное слово ничего самовольно не предпринимать.

От натопленной печи несло жаром, Володя ворочался, не мог уснуть. «Кто же все-таки стащил в конюшне ружье? Кто подбросил на место происшествия письмо, адресованное апачам? Кто проколол шины?»

Наконец он уснул. Из-за жары и духоты ему снились кошмары, он убегал от всадников в черных масках, спрятался в сарае, заперся, они стали ломиться...

Володя проснулся весь в поту. Старый киселевский дом дрожал от тяжелых ударов в дверь. Володя вскочил с постели, зажег свет и откинул крючок.

— Ночевать пустишь? — Толя, не дожидаясь ответа, ввалился в комнату. Остро запахло бензином, керосином, машинным маслом и прочими неизвестными Володе техническими составами.— Ну и

Содержимое сумки посыпалось на пол: пачки импортных сигарет, пакетики жевательной резинки, колода карт... Но ружья не было.

шкура твой дядя Вася. Эксплуататор! А старуха—сущая ведьма! Не то, чтобы покормить—помыться не предложили. На ночевку я уж и не просился.

Толя отмылся во дворе под рукомойником, жадно доел остатки жарехи, продолжая проклинать дядю Васю и подонков, изуродовавших шины новеньких «Жигулей».

— Попадись они мне, я бы им руки-ноги переломал. Знаешь, мыслитель, чем они орудовали? Твой приятель сказал—прожгли! Много он понимает! Стреляли!

— Стреляли?!—Володя протер глаза и убедился, что видит Толю не во сне.—Из чего? Ружье? Револьвер?

— А я откуда знаю?—Толя явно пожалел, что проболтался.

— Ты в милицию сообщил?

— Охота была связываться. Да и что проку. Чтобы получить компенсацию по страховке, надо вызвать инспектора ГАИ на место, а он в лес не поедет. Если бы на шоссе продырявили...—Толя старательно замазывал свою оплошность.—И вообще мне-то какая забота. Машина не моя.

Володя решил ему подыграть.

— Ладно, приятели твои не обедняют. А дядя Вася, конечно, не светлая личность.—Володя выдал путятинскому умельцу самую негативную характеристику. И умышленно утаил, что дядя Вася с недавних пор вообразил себя внештатным активом милиции. Можно не сомневаться, что завтра же спозаранку он будет у Фомина.

Намаявшийся Толя уснул мгновенно. Володя оделся, взял блокнот Кости-джигита, письмо, вышел в сад, зажег лампу над пятигранным столом. «Ружье!.. Чехов говорил, что, если в первом акте на стене висит ружье, в последнем оно должно выстрелить. Современный детектив, наоборот, начинается с выстрела, а ружье удается обнаружить только в финале. Мой детектив уже начался, ружье выстрелило четыре раза...»

Володино воображение нарисовало картину ночного леса, оживило ее шорохом деревьев, криками ночных птиц. Володя увидел палатки, крадущуюся фигуру с ружьем, золотого медалиста Ральфа, предательски завилявшего хвостом и поползшего на брюхе, лунный блик на стекле автомобиля...

И тут вдруг Володе бросилось в глаза нечто странное и неправдоподобное. «Поразительно! Как же я раньше не обратил внимания? Был там днем, говорил с Толей и его приятелями, а не заметил. Днем все показалось мне естественным. Но стоило вообразить, как это происходило ночью,—совсем другое дело. Почему никто не проснулся от четырех подряд выстрелов? Или зададимся другой загадкой: почему они ночью—все!—уходили из лагеря? Куда и зачем?»

Фомин

В горотделе Фомин прежде всего спросил, есть ли вести от сельских участковых инспекторов, предупрежденных с утра, чтобы следили, не появятся ли поблизости подростки-лошадники.

Никаких известий от участковых не поступало. Угонщики вместе с шестеркой лошадей как сквозь землю провалились.

Фомин позвонил в штаб дружины и попросил, чтобы дружинники обошли всех городских охотников и кого удастся из сельских. Пусть знают, что подростки украли ружье, необходимо быть настороже, информировать милицию о каждой, даже самой малой пропаже огневого припаса. Подростки обязательно попытаются выйти на кого-нибудь из охотников, потому что в магазине им патронов не продадут.

Вскоре после Фомина пришла Нина Васильевна. Ей удалось узнать от мелюзги, всегда почтительно околачивающейся неподалеку от Супы и его дружков, что вчера ребята из микрорайона собирались идти в городской парк на танцы. А кто-то сказал, что апачи назначили сбор. Супа предложил своим подшутить над апачами и угнать лошадей из фабричной конюшни. Никакого разговора о ружье мелюзга не слышала.

Безин, как рассказали пенсионерки из его дома, проводящие весь день на лавочке у подъезда, спозаранку куда-то укатил на своем мотороллере. Вернулся он часов в одиннадцать. Затем никуда из дома не отлучался. Окна у него открыты, на всю мощь орет музыка. У Безина импортная стереоустановка, подарок родителей. А сами они работают где-то на Севере. По его словам, гнут горб, чтобы накопить на «Жигули». А его прислали сюда, на попечение бабушки. Безин где-то достает самую модную музыку, крутит целыми днями. Другие тоже крутят, но только Безин ровно в одиннадцать вечера вырубает звук. Хоть часы по нему проверяй.

— И хорошо, что соблюдает правила,—заметил Фомин.—А ты вроде бы недовольна?

— Я не верю, что Безин может хоть что-то сделать из уважения к другим. Других он откровенно презирает. Ты же знаешь, у нас народ терпеливый. Если у кого гулянка до утра, разве соседи сделают замечание! В парке на танцах ансамбль гремит до двух ночи, а люди из ближних домов жаловались? Нет. Ладно, мол, пускай, дело молодое. Вот Безин и демонстрирует свое столичное презрение к нашей провинциальной уживчивости. Ровно в одиннадцать одним щелчком всем по носам.

— Здорово ты его не любишь.

— Есть за что! Он мне как-то сказал с наглой своей улыбкой: «Лучше быть плохим и жить хорошо, чем быть хорошим и жить плохо».—И оглядывает этак оценивающе, как я одета на свою зарплату. Ладно, меня такими взглядами не проймешь. А других? Спроси любого мальчишку в микрорайоне, любую девчонку, они тебе перечислят, без чего нынче нельзя жить. Фирменные штаны, фирменная рубашка, кроссовки «Адидас» для Безина пройденный этап, у него на пальце квадратный золотой перстень—последняя мода... И не объясняй мне, Коля, что все это мишура, павлиньи перья. Скольких я знаю умных мальчишек. Для них папа с мамой не авторитеты, учителя—ханжи, книги врут, инспектор Ворохапова—смешная идеалистка... Зато Безин—личность. Он прикажет—они в лепешку расшибутся, все сделают, не раздумывая. Я уж не говорю о девочках. Они в упор не видят, кто красив, кто умен, кто всех сильнее. Видят, у кого сколько престижных вещей. А у Безина, кроме модных шмоток, золотого кольца, еще и мотороллер, стереопроигрыватель. И отнюдь не все это куплено на деньги родителей. Они, по его словам, «жмотничают». А он обходится и без их помощи. Мне он заявил, что ездить на Север за длинным рублем, как его папа с мамой, удел «серых». А он не «серый», он делает деньги здесь. И знаешь, каким авторитетом он пользуется у подростков?! Одному объясняю: «У тебя второй разряд по гимнастике, а Бес не умеет подтянуться на турнике. Ты можешь починить любой магнитофон или транзистор, а Бес—ни уха

ни рыла в технике. Ты на гитаре играешь, в ансамбль приняли, а Бес — нуль, бездарность». Все таланты человеку перечислила, вознесла его до небес. И что, думаешь, услышала в ответ? «Вы, Нина Васильевна, смешная идеалистка со своими примерами из спорта и техники. А Бес умеет...» Начинаю допытываться, что же именно умеет Безин. Жмется: «Ну, как вы, Нина Васильевна, не понимаете... Умеет жить...» А я чувствую, что не договаривает. Боится Безина. Тот умеет подчинить себе, запугать. Супу превратил в раба...

— Н-да-а...— произнес задумчиво Фомин.— А как ты думаешь, Безин мог утром повидаться с Супой и всеми прочими? Не к ним ли он ездил на мотороллере?

— Супрунова дома нет. И еще нескольких из его компании. Я теперь примерно знаю, кто вместе с ним участвовал в угоне.— Нина Васильевна протянула Фомину листок с десятком фамилий.— Когда они вернутся, трудно сказать. По-разному бывало. И по два дня пропадали. Но скорее всего заявятся сегодня вечером...

— Придется опять просить дружинников.— Фомин взялся за телефон.

В штабе обещали организовать наблюдение за домами, где живут Безин, Супрунов и другие лошадники.

В семь часов вечера Фомин съездил на мотоцикле домой, пообедал и возвратился обратно. За время его отсутствия ничего не произошло. От сельских участковых по-прежнему никаких известий. Супрунов и его компания домой не вернулись.

Ровно в восемь в кабинете Фомина раздался звонок.

— Фомин, ты?— спросил бодрый голос.— Скажи, в чем преимущество гужевого транспорта перед автомобилем?— Звонили из ГАИ, они там все воображали себя великими юмористами.— Не знаешь? Ну так слушай. Угнанный автомобиль никогда сам не возвращается к хозяину.— На том конце провода смеялся не один юморист, целая компания.— Зато лошадь возвращается!— В ГАИ все буквально рыдали со смеху.— Фомин, ты понял? Выходи встречать. Идут в город, все шесть. Только что передал пост на Нелюшкинском шоссе.

Фомин хотел было опять взять мотоцикл, но передумал и пошел пешком. Повернув с Пушкинской на Фабричную, он увидел лошадей. Шестерка шла гуськом посередке улицы нестройным, утомленным шагом, низко опустив печальные головы. Фомина так и резануло по сердцу. Он пошел следом за лошадьми, замечая на асфальте темно-алые капли. У одной из лошадей поранена губа, а может, и у нескольких. Шестерка дошла до конца фабричной ограды, повернула направо, миновала Двудворицы, опять повернула направо и остановилась перед запертыми конными воротами. Ругнув про себя Шилова, Фомин перелез через забор, отодрал приколоченный брус и отворил ворота, приветствуемый дружным лошадиным ржанием. Шестерка потрусила к конюшне. Фомин затворил ворота и пошел открывать конюшню. Внутри было темно, он нащупал выключатель, зажег свет и стал освобождать лошадей от уздечек, скрученных из электрического шнура и проволоки. У двух лошадей губы оказались сильно порезанными. Фомин поискал аптечку. Нету, не обзавелись. Насыпал лошадям овса, но обе лошади с пораненными губами не стали есть. Он посидел, подождал. Не едят, не могут.

Уходя, он прихватил с собой уздечки, необходимое вещественное доказательство. В проходной вахтер остолбенел, увидев Фомина.

— Что-то я не упомню, когда вас пропускал...

— Я через забор!— пояснил Фомин.— Передайте начальству — лошади пришли. И пусть конюха отыщут. И пусть он вызовет ветеринара. И передайте Шилову, что завтра я лично проверю состояние лошадей!— Фомин в сердцах захлопнул за собою дверь.

В горотделе он внимательно осмотрел самодельные варварские уздечки. Поводья из электрического шнура были обрезаны на всех шести одинаковым образом, наискосок. Вернее, отрублены каким-то орудием — не столько острым, сколько тяжелым, потому что кончики проводов расплющены. Наверное, топором. Значит, лошадей освободили не сами угонщики, а кто-то другой. Когда они спали. Или когда отлучились на время — допустим, пошли искать патроны. А может быть, они вовсе бросили лошадей привязанными, без корма и воды. Бросили на верную гибель, потому что электрический провод лошадям не перетереть ни за что.

С наступлением темноты Фомин и двое дружинников заняли позицию в детском бревенчатом городке, составлявшем гордость микрорайона и всего Путятина. Чего здесь только не было! Терем Василисы Прекрасной, крепость с зубчатыми стенами, ладья Садко, избушка бабы-яги на курьих ножках, горки и качели. Фомин и его помощники укрылись в ладье: отсюда им удобно было наблюдать за домами, где жили Безин, Супрунов и лошадники из их компании. В окнах Безина горел яркий свет, внизу, на лавочке, где обычно сидят пенсионерки, собрались девчонки, по их заявкам Безин ставил на стереопроигрыватель пластинки с записями «Бони М», но на улицу так и не вышел. Ровно в одиннадцать, как и говорила Нина Васильевна, Безин выключил музыку и погасил свет. Девчонки посидели немного и разошлись. К двенадцати во всех окрестных домах остались освещенными лишь несколько окон. Одно из них в квартире Супруновых. Не спят, волнуются.

Лошадники появились в половине первого. Дружинники разглядели в руках Лешки Супрунова большую спортивную сумку.

— Глупо нести ружье в дом,— шепнул Фомин своим помощникам,— но кто его, дурака, знает.— Фомин не собирался беседовать со всеми сразу, надо подождать, чтобы разошлись по домам. Лешку Супрунова он взял на себя.

Компания не спешила расстаться, направилась в детский городок. Фомин и его помощники нырнули за борт ладьи, но Супа с приятелями предпочел избушку бабы-яги. Вскоре он — без сумки, с пустыми руками — вышел из избушки и скрылся в подъезде дома, где жил Безин. У Безина зажегся слабый свет. Фомин подумал, что Лешка Супрунов не станет тревожить такую важную персону, как Бес, по пустякам. Минуты через три свет погас, и вскоре Лешка вышел из подъезда. В избушке состоялся какой-то разговор, затем лошадники разошлись.

— Осмотрите избушку, всю обшарьте,— сказал Фомин своим помощникам и пошел следом за Лешкой. «Время, конечно, позднее, но придется побеспокоить его родителей. Впрочем, они и так не спят...»

Лампочки на лестнице не горели. Фомин слышал наверху, через этаж, крадущиеся шаги, звякнули ключи. «Ходу!» — приказал себе Фомин и в несколько прыжков настиг Лешку, загородил дорогу, нажал кнопку электрического фонарика.

— Откуда возвращаешься так поздно? Что в сумке? Покажи!

В тот же миг наверху распахнулась дверь одной из квартир, на лестничную площадку выскочил мужчина в пижаме.

— Алексей! Где ты шлялся?!—Мужчина заметил рядом с мальчишкой Фомина и все понял, хотя Фомин был в штатском.—Товарищ, прошу, пройдите в квартиру.—Он пропустил вперед Фомина, Лешка шел следом.—Дошлялся, мерзавец!—отцовский пинок швырнул Лешку через узкий коридор.

Войдя, Фомин увидел женщину, торопливо путающуюся в пуговицах халата.

— Прошу!—Мужчина подобрал с пола вылетевшую из Лешкиных рук спортивную сумку, внес в комнату.—Смотрите! И ты смотри!—крикнул он женщине. Твое воспитание!—«Молнию» на сумке заело. Лешкин отец побагровел от напряжения, рзанул замочек, пластик треснул, содержимое сумки посыпалось на пол. Пачки импортных сигарет, пакетики жевательной резинки, яблоки, несомненно, из чужого сада, колода карт, моток капроновой веревки, перочинный нож, трехгранный напильник. Ну и, конечно, штаны с дырами на заду. Но ружья не было.

— Извините,—сказал Фомин Лешкиной матери.—Вчера ваш сын и еще несколько ребят из соседних домов угнали лошадей. При этом пропало ружье конюха. Сами понимаете, огнестрельное оружие в руках у несовершеннолетних...—Фомин помедлил самую малость и круто повернулся к Лешке, успевшему развалиться на диване.—Супрунов, где ты спрятал ружье? Встань, я с тобой разговариваю!—Лешка встал.—Советую тебе говорить правду! И предупреждаю. Незаконное хранение оружия повлечет за собой уголовную ответственность. Добровольная сдача будет учтена.

После, вспоминая свой ночной приход к Супруновым, Фомин понял, что Лешка признался бы сразу, не будь рядом отца и матери. Отец орал на Лешку и тряс за шиворот, мать повторяла сквозь слезы: «Лешенька, скажи... Скажи, что ты не брал». Потом Лешкиной матери стало плохо с сердцем, отец заметался в поисках нитроглицерина, а Лешка опять разлегся на диване с яблоком, подобранным с пола.

— Не люблю шума...—Лешка обтер яблоко рукавом, смачно откусил и продолжал с набитым ртом:—Ну, ладно. Брал я ружье, брал...

— Где спрятал?—Фомин наклонился над Лешкой, схватил за руку, и яблоко выпало. Лешкин отец наконец нашел нитроглицерин, подал таблетку жене, другую сунул себе в рот.

— Где-где...—передразнил Лешка, не решаясь, однако, вновь взяться за яблоко.—Вы мне вопросов не задавайте, я сам, по порядку. Ружье висело, я его взял. Мы покатались на лошадях и решили отдохнуть. Заехали в лес. Там туристы, они нас погнали. Мы проехали немного дальше, поели и легли спать. Утром просыпаемся—ни лошадей, ни ружья. Вы, конечно, хотите знать, пробовали ли мы из него стрелять. Отвечаю: нет, у нас не было патронов.

— Вы слышите?—Лешкина мать радостно всплеснула руками.—Они не стреляли! Леша не стрелял! Он говорит правду, даю вам честное слово матери.

Фомин и без ее честного слова знал, что Лешка Супрунов на этот раз говорит чистую правду. Ружье ночью пропало. Очевидно, его унес тот, кто обрубил поводья из электрического провода и освободил лошадей. Но если это был хороший, жалостливый человек... Он давно уже принес бы ружье в милицию. Или нашел бы способ сообщить, что оно у него. Выходит, что обрубил поводья и унес ружье кто-то, чьи мотивы весьма сомнительны. Возможно, кто-то из этой же компании. Но с какими целями?

— Ложись спать,—сказал Фомин Лешке.—Завтра в десять ко мне.

На улице Фомина поджидали оба дружинника. Они обшарили все углы в избушке бабы-яги и ничего не нашли, кроме окурков. Зато потом им повезло. Одного из лошадников родители выгнали из дома с древним напутствием: «Ступай туда, откуда пришел». Парень решил переночевать у бабы-яги и угодил прямиком в руки дружинников. Они его взяли в оборот, и он во всем признался. И в том, что компания Супы угнала лошадей из фабричной конюшни. И в том, что Супа прихватил висевшее там ружье...

Дальше дружинники пересказали Фомину слово в слово то же самое, что он только что слышал от Лешки Супрунова. Точность совпадения озадачила Фомина. «Не Безин ли приказал?» Фомин поглядел наверх, на темное раскрытое окно, и ему почудилось, что там кто-то стоит.

Вихрь проснулся среди ночи. В деревне что-то случилось, хлопали двери, тревожно перекликались голоса. Вихрь вздохнул и весь напрягся в ожидании. Сейчас ему придется исполнить древний закон рабочих лошадей—себя не пощадить, но честно сослужить людям.

Со скрипом отворилась дверь, в конюшню внесли свет жестяного керосинового фонаря, женские трясущиеся от волнения руки стали собирать Вихря в дорогу. Он беспокойно оглядывался: «Где Хозяин?» Хозяина не было. Не с ним ли случилась беда?

«Ты уж выручай, Вихорек!»—приговаривали женщины, запрягая Вихря в легкую телегу, подаренную стариком кузнецом. Они подвели его к крыльцу, ушли в избу и вскоре появились, согнувшись под тяжестью человеческого тела, завернутого с головой в толстое стеганое одеяло. Вихрь испуганно всхрапнул, лошади не любят возить мертвых. Женщины с трудом приподняли длинный сверток и занесли в кузов. Вихрь успокоился—в одеяло был завернут живой человек.

«Ты уж выручай, Вихорек!»— приговаривали женщины,

Одна из женщин подошла к Вихрю, погладила, уронила ему на губы теплые соленые капли: «Прости, Вихорек, если что...» Другая села на облучок, натянула вожжи и негромко приказала: «С богом!» Вихрь влег в хомут, взял с места и сразу же заспешил впритруску, слыша позади слабые стоны и слезную мольбу: «Терпи, скоро доедем...»

Какое там «скоро»! Вихрь по сборам, по прощанию понял, что дорога будет долгой, трудной. Только бы хватило сил. Нынче ему никак нельзя то подналегать, то расслабляться, нынче ему бежать да бежать. Его торопили вожжи, взмахи тонкой хворостины, упрашивал голос: «Но-о-о, милый!», подгоняли стоны, доносившиеся с телеги. Дорога не кончалась, телега сделалась невыносимо тяжелой. Вихрь задыхался, весь взмок, каждый шаг мучительно отдавался в больных суставах, глаза застилал туман, но он все бежал и бежал, слыша позади: «Но, милый! Терпи, скоро доедем...»

Вихрь подналег из последних запасов сил, и ему показалось, что он помчал резво, как бывало в молодости. Только уткнувшись в больничные ворота, Вихрь очнулся и понял, что не летел сюда во весь опор, а едва доковылял, шатаясь и засекаясь. Но ведь не свалился, довез!

Обернувшись назад, он следил, как сверток в одеяле переложили на носилки и унесли. За носилками шла женщина, все еще держа свою ненужную теперь, слабую хворостину. Вихрь бессильно уронил голову и расставил дрожавшие ноги пошире: он боялся упасть. Но больничный сторож не позволил Вихрю стоять на месте, умело распряг и, нашептывая ласковые слова, стал водить Вихря по двору, обтирать мокрую спину и бока взятым из телеги сухим душистым сеном. Вихрь понял, что сторож когда-то имел дело с рабочими лошадьми и ему можно довериться.

Но ни Вихрь, ни больничный сторож не знали ничего о войне между Ермаковским сельсоветом, помещавшимся рядом с больницей, и последними жительницами Дебри.

«Откуда у них лошадь?» — удивились утром в сельсовете, увидев привязанного к телеге Вихря. Чужие люди взяли Вихря под уздцы, привели на чужой двор, заперли в сарае. Днем пришел больничный сторож, принес Вихрю ведро с теплой болтушкой, от нее вкусно пахло овсом. Вихрь с удовольствием уплел больничную кашу из «Геркулеса», разбавленную водой. Он ждал, когда за ним придет женщина с хворостиной, чтобы ехать обратно в деревню. Она все не шла. Вихрь вспомнил, как другая женщина попрощалась с ним словно бы навсегда, и его охватила гнетущая тоска.

На другой день чужие люди привели к сараю фабричного конюха, который всегда ругался, бил Вихря кулаком по глазам и говорил, что сдаст на мясокомбинат. Вихрь узнал конюха, задрожал от страха и стал колотить копытами в стену сарая. После хорошей жизни у Хозяина ему не хотелось возвращаться обратно на фабрику. «Психует!» — сказали чужие люди и отошли подальше. Конюх заглянул в сарай и рассердился, раскричался: «Почему не передали приметы! Ездишь из-за вас попусту! У меня рыжий пропал, с белой отметиной на лбу. А у вас какой? Гнедой, без отметины!» Накричавшись, конюх повернулся и пошел, двери сарая опять заперли на замок.

Вихрь вытянул шею и заржал. Он испугался, что стал теперь никому не нужным. Уж пусть снова голый фабричный двор, насмешки над единственной лошадиной силой. Но конюх не узнал его голоса и не вернулся.

В шесть утра Фомина разбудил звонок дежурного по горотделу:

— Передо мной сидит гражданин и уверяет, что ты его хорошо знаешь. Пришел с ценной информацией и, похоже, по твоему розыску. Машина за тобой уже послана.

Фомин приготовился к неприятному известию, что перед дежурным сидит Киселев. Но, слава богу, это оказался всего лишь дядя Вася. Приехав в горотдел, Фомин увидел на столе перед дежурным принесенные дядей Васей «сведения». Четыре сплющенные пули. Фомин забрал пули и повел дядю Васю к себе.

— Я черного сразу узнал, но виду не подал. Помните, в запрошлом годе художники пытались обокрасть музей? — Рассказ дяди Васи сопровождался таинственным подмигиванием. — Один из ихней шайки. Пытался, между прочим, отобрать у меня вещественные улики. Но не на такого напал. «Куда-то, — говорю ему, — бросил, не помню». А все четыре пули у меня в кармане. Потом перепрятал в банку из-под графита. Еле утра дождался и скорее в милицию...

По предположениям дяди Васи, в лесу произошла стычка двух шаек, не поделивших добычу. И художник врет, возмущаясь подростками-лошадниками, которые будто бы ночью прострелили шины. На самом деле художник и его сообщники за кем-то гнались на «Жигулях», бандиты, как в кино, отстреливались, целя в шины. — Теперь они где-то в лесу скрываются. — Дядя Вася перешел на трагический шепот. — Мой вам совет — срочно вызывайте вертолет, сверху вы их мигом обнаружите.

Фомин мрачно разглядывал четыре комочка свинца. «Значит, Супрунов все-таки соврал. Патроны у мальчишек были. А туристы, обратившиеся за помощью к дяде Васе, — те самые, которые прогнали лошадников от своего лагеря».

— Вам художник сообщил, где их лагерь? — спросил Фомин дядю Васю. — На чем он привез шины? И говорил ли, кто ему посоветовал обратиться за помощью к вам?

Дядя Вася клятвенно прижал к груди растопыренную черную пятерню.

— Вот ей-богу больше ничего не смог выведать. Сам удивляюсь, как мне удалось прибрать пули. А грузовик скрылся. Я выхожу и вижу у своих ворот художника. Сразу вспыхивают подозрения, но спросить, на какой машине он приехал, значит, спугнуть...

Дядя Вася удалился с гордо поднятой головой. И тотчас раздался телефонный звонок.

— Привет! Мне дежурный сказал, что ты уже на работе. Как самочувствие? — Голос Киселева звучал до наглости жизнерадостно. — Дядя Вася приходил? Пули принес? Коля, я серьезно. Не огрызайся на друга детства и не бросай трубку. Черного Толю направил к дяде Васе я. Учти, произошла чисто случайная встреча на шоссе, никакого вмешательства в дела милиции. — Киселев тараторил, уверенный в том, что Фомин на другом конце провода слушает с полным вниманием. — Дядя Вася, конечно, не знает места, где стоит лагерь. А я там побывал. Значит, так. Поедешь по Нелюшкинскому шоссе. Не доезжая моста через Медвежий овраг по правую сторону есть сверток в лес. Вчера мы на «ЗИЛе» оставили там след. Не собьешься. Поезжай по следу и увидишь роскошную жизнь современной интеллектуальной элиты. И я бы тебе посоветовал...

— Потом, Володя, потом, — перебил Фомин. — Спасибо тебе, ты мне очень помог.

К туристам Фомин поехал вместе с инспектором

ГАИ. Холеный пес в раззолоченном ошейнике выскочил навстречу «газику», предупреждающе гавкнул. Из палаток выглянули сонные лица.

— Безобразие! У людей отпуск!

Туристы, продолжая возмущаться, расселись по шезлонгам, ни один из них не собирался помочь Фомину и инспектору ГАИ в поисках пыжей.

После долгих поисков были найдены три пыжа из газеты, еще один исчез неизвестно куда. К сожалению, так и не удалось установить время, когда были совершены выстрелы. На все расспросы туристы отговаривались полным незнанием.

Сколько они еще тут рассчитывают прожить? А это как позволит погода... В протоколе для получения страховки они не нуждаются. Больше хлопот, чем денег. И к тому же колеса уже в порядке.

На обратном пути инспектор ГАИ разъяснял Фомину, насколько надежен существующий порядок учета личного автотранспорта и контроль на дорогах.

— Эти желтые «Жигули» мы берем на себя. Проследим за каждой поездкой. Установим, кто владелец. Между прочим, раньше и лошади состояли на строгом учете. Мне батя рассказывал. Существовали лошадиные паспорта. Год рождения, кличка, масть и приметы, кому принадлежит. Обязательно полагалось таврить лошадей, у каждого хозяйства имелся свой именной знак. А теперь... Все пересели на машины, о лошадях никакой заботы. О них даже в отчетности не упоминают...— Автоинспектор оказался родом деревенский. Сгоряча он забыл про все преимущества автотранспорта перед гужевым.— Сами не уважаем рабочего коня,— возмущался автоинспектор,— потому и мальчишки себя так ведут! Где это раньше бывало, чтобы пацан лошадь после работы гонял вскачь да еще ножом колол. Понимали... Мой батя конюхом работает в колхозе. Нашел в лесу двух угнанных коней, привел в деревню, известил милицию о приметах. И что ты думаешь? Хозяева так и не нашлись. Они наверняка уже успели акт составить, что несчастные дружно откинули копыта. Как же после этого обратно приведешь... А лошадки неплохие. Они и сейчас у бати в конюшне. Работают.

Туристы расселись по шезлонгам, ни один из них не собирался помочь в поисках пыжей.

Рассказ автоинспектора вновь пробудил у Фомина надежду на скорое завершение розыска. «Лошадей, угнанных подростками из микрорайона, освободил какой-то добрый человек. И ружье у него. Он просто еще не успел добраться до города и сдать. Сейчас приеду в горотдел, и мне скажут, что ружье уже принесли. И пойду я к Петру Петровичу с делом посерьезнее. Конечно, не сражение двух банд в лесу, но, судя по испугу Толи, что-то там нечисто».

В горотделе никто не выскочил навстречу Фомину с радостным известием, что ружье уже принесли. Лешка Супрунов уныло сидел на скамье в полутемном коридоре. Было без четверти одиннадцать.

— Подожди, вызову! — бросил, проходя, Фомин. Сначала он доложит дежурному про подозрительных туристов. А потом узнает у дружинников, как провел утро Безин.

Дружинники караулили Безина с ночи. Он вышел в половине седьмого, сел на мотороллер, поехал по Сиреневому бульвару и затем свернул на Советскую. Один из дружинников преследовал его на своем мопеде по Советской, затем по Фабричной и дальше по шоссе. Безин катил, ничего не подозревая. Неподалеку от Медвежьего оврага преследуемый свернул в лес. Дружинник решил, что это проверка со стороны Безина — нет ли хвоста, и проехал мимо. Через километр дружинник решил обождать. Безин на шоссе не появился. Дружинник вернулся на свой пост возле дома. В восемь часов он и его напарник увидели подъезжающего Безина. Очевидно, его возвращения дожидался и Лешка Супрунов. Лешка вышел из дома, о чем-то он и Безин говорили минуты три, а затем Лешка направился через пустырь в сторону Фабричной. К кому он шел, проследить не удалось. На пустыре между микрорайоном и Парижем построены десятки частных гаражей и сараев. Лешка скрылся в этом лабиринте. Без четверти девять Лешка вернулся. В девять к Безину пришел подросток. Не из микрорайона, чужой. Белобрысый и справа волосы торчком, словно теленок зализал.

Фомин понял, что приходил вызванный Безиным Андрей Бубенцов. «Да, не зря показывала бабушка фотографию любимого внука!» Парень оставался у Безина недолго и вышел чем-то довольный.

«Итак, Безин по прозвищу Бес побывал у туристов. Но зачем? Туристы, несомненно, не подкрадывались ночью к спящим подросткам, чтобы освобо-

дить лошадей. И уж тем более не брали ружья. Зачем оно им?!»

Фомин выглянул в коридор и сказал Лешке:

— Заходи.—Но не стал сразу с ним работать, а дал еще потомиться, позвонил на фабрику:—Где конюх и оказана ли медицинская помощь лошадям?—Лешка тревожно ерзал на стуле, ему казалось, что забота Фомина о лошадях—милицейский прием, психическая атака. На фабрике долго искали конюха и наконец сообщили, что он уехал куда-то в район. Кажется, лошадь нашлась. Та, что давно пропала. Конюх поехал за ней.

— Как вернется, передайте, чтобы позвонил.—Фомин положил трубку и занялся Лешкой.—Давай, Супрунов, рассказывай про ружье с самого начала.

Рассказывал Лешка, поглядывая время от времени на потолок, причем с такой заинтересованностью, что Фомин невольно следовал за Лешкиным взглядом, но, увы, не обнаруживал на потолке ничего достойного внимания.

Итак, в пятницу вечером большая компания подростков собралась у гастронома. И вдруг кто-то сказал, что апачи хотят вечером угнать лошадей.

— Я предложил разыграть апачей. Они придут, а лошади тю-тю. И не секрет, кто украл. Мы в конюшне письмо оставим.

Ребятам понравилось. Сбегали за снаряжением и пошли. Шесть человек. Конюх спал, даже храпел. Мы вошли в конюшню с фонариками, разобрали лошадей. Смотрю—на гвозде ружье. Я взял, повесил через плечо. Поискал патроны—не нашел. Хотел оставить ружье, а потом раздумал. Покатаюсь с ружьем и верну. Ну, подброшу... На лошадях мы поехали по Нелюшкинскому шоссе. Мы не знали, что на фабрике такие плохие лошади. Обычно мы берем в колхозах, колхозные хоть немного скачут, а фабричные не хотят. Один тип на «ЗИЛе» наорал на нас, чуть всех не передавил. Мы съехали с шоссе в лес. Попали на туристов, они стали обзываться: «шпана», «хулиганье», велели убираться подальше, а то натравят собаку. Мы отъехали от них на другую сторону оврага, привязали лошадей, поели и легли спать. Утром просыпаемся—где лошади? Ушли. И ружье пропало. Я очень испугался, я ведь не насовсем взял, только покататься. Честное слово, я бы ружье вернул, то есть подкинул на место.

— А оно исправное?

— Откуда мне знать?—Лешка обозлился—ловит, как дурачка.—Я стрелять не пробовал.

— Мог по виду определить, исправное или нет.

— Темно было.

— И все-таки?

— Исправное. Лаком пахло. Смазкой.

— Теперь я верю, ты его держал в руках. Ружье было накануне взято владельцем из мастерской. Пошли дальше. Давай уточним, в котором часу вы привязали лошадей и легли спать. И когда проснулись?

Лешка отвечал, не забывая сверяться с потолком. Нелепость его положения заключалась в том, что ружье он унес по собственной дурости. А вовсе не по приказу Беса, как думают в милиции. Лешка видел, куда клонит Фомин. Что, мол, лошадей угнали для вида, а на самом деле пришли за ружьем.

Проще простого было бы для Лешки признаться Фомину, что он заранее ничего не замышлял. Стояли у гастронома, трепались, пришел Бес, отозвал Лешку и сказал, что апачи на сегодня назначили сбор. У Беса есть какой-то шпион в Двудворицах, выдает ему индейские тайны Кости-джигита. Ну и что такого?! Подшутить, что ли, нельзя! Пошли за лошадьми. По дороге вспомнили, какое обращение разослал всем лошадникам Костя-джигит. Сочинили для смеха письмо, решили оставить на видном месте. А ружье просто на глаза попалось...

Безин катил по шоссе, ничего не подозревая. Один из дружинников преследовал его на своем мопеде.

Но сейчас Лешка опасался хоть малость переиграть. Бес приказал давать самые правдивые показания, утаив только одно, никому из ребят не известное, кроме Лешки: что угнать фабричных лошадей велел Бес.

Фомин отправил Лешку в коридор:

— Посиди, подумай. Может, еще что вспомнишь.

А сам пошел во флигелек, к Нине Васильевне. У нее перебывали с утра по очереди остальные

пятеро угонщиков. Ни один не запирался, рассказывали с большой охотой, не путались и не противоречили. Пять чистосердечных признаний совпали полностью, до мелочей—кто где стоял, кто первым вошел в конюшню, кто писал записку апачам. Все пятеро уверяли, что Лешка про ружье заранее не говорил, а потом, когда взял, будто бы заявил при всех: «Ружье вернем. За ружье могут посадить. Сотру отпечатки пальцев и подброшу в конюшню».

Эти слова вколотил в головы всем пятерым Лешка после того, как побывал ночью у Беса.

— Я думаю, им можно верить,—сказала Фомину Нина Васильевна,—они всего-навсего собирались обдурить апачей. Каждый из пятерых вспомнил, что о назначенном апачами сборе они узнали от Супрунова.

— И он так говорит,—заметил Фомин.

— Но, видишь ли...—Нина Васильевна замялась.—Апачи каждый свой шаг окружают тайной. Каким же образом Супрунову удалось узнать день и час сбора?

— Ну это уже из области детских игр,—пробурчал Фомин.—Хотя...—Ему пришло на память беспокойство матери и бабушки Андрея Бубенцова, затем другие факты: покупка Андреем овса, злой блеск в глазах Кости-джигита при упоминании о Бубенцове, отзыв Вити Жигалова—«чокнутый»... А сегодня утром Бубенцов наведался к Безину и вышел очень довольный. Это уже не детская игра!

Фомин пересказал Нине Васильевне все, что ему удалось разузнать в Двудворицах.

— Безину о назначенном апачами сборе сообщил Бубенцов,—уверенно заявил Фомин.—Но зачем Безину эти детские индейские тайны?

— Ему зачем?!—Нину Васильевну удивила непонятливость Фомина.—А для развлечения. Для того, чтобы дразнить, измываться, унижать других! Чтобы утверждать свое превосходство! Но Андрей...—Она решительно мотнула головой.—Нет, он не мог предать апачей. Он действительно немного чокнутый. Недавно пришел ко мне и просит помочь ему устроиться в школу-интернат. Я прямо руками развела. «Чего,—говорю,—тебе надо? Дома условия вполне нормальные. Мама и бабушка на тебя не надышатся...»

— Вот видишь,—отечески укорил Фомин.—У парня какая-то червоточина. А тебя послушать, все твои подопечные один лучше другого и ничего плохого они сделать не могут.

...Возобновив беседу с Лешкой, Фомин среди прочих вопросов задал ему и вопрос о том, кто разведал тайну апачей насчет дня и часа сбора. Лешка поднял глаза в потолок, что-то там искал долго и старательно, но так и не нашел.

— Да ну их! Тоже мне тайны! Сказал кто-то, не помню.

— Ладно, я сейчас помогу тебе вспомнить...—Фомин выдержал паузу и выпалил в упор:—Безин? Я правильно говорю? У него есть свой человек в Двудворицах. Кто? Бубенцов? Ты сегодня ходил за ним по поручению Безина?

Но Лешка так и не выдал своего шефа. Окаменел и вообще перестал отвечать на вопросы.

«Нина права, Безин их всех здорово запугал. Но к похищению ружья он, возможно, и не причастен. Он послал их «подшутить» над апачами. И Лешка действительно взял ружье просто так, не подумав. И оно действительно затем исчезло неведомо куда...»

— Можешь идти домой,—разрешил он Лешке.—И думай, думай. Я еще тебя вызову. И не раз.

Выходя, Лешка столкнулся нос к носу с конюхом Шиловым. Фомин отметил, что они друг с другом незнакомы. «Впрочем, это обстоятельство ровным счетом ничего не значит. Кроме того, что я теперь окончательно сбит с толку».

— У лошадей самочувствие удовлетворительное, температура нормальная,—бойко докладывал Шилов.—Две освобождены от работы по случаю временной нетрудоспособности.

— Говорят, седьмая отыскалась?

— Пустой номер, Николай Палыч.—Конюх досадливо махнул рукой.—Напрасные надежды. Вихрь рыжий с белой отметиной на лбу. А нашелся гнедой. И без отметины. Да и не такой старый. Зря только ездил, время терял.

Фомин повел Шилова к дежурному по горотделу. Дежурный говорил по телефону, полупривстав и поминутно повторяя с величайшим усердием: «Вас понял!», «Есть!». Это значило, что на проводе начальство. Увидев Фомина, дежурный сделал страшные глаза: мол, разговор касается тебя. Фомину такое известие не доставило удовольствия. Ему вовсе не хотелось, чтобы начальство и сегодня, в воскресенье, интересовалось розыском ружья, идущим из рук вон плохо.

— Есть!—в последний раз отчеканил дежурный и положил трубку.—Тебя просили пока не уходить,—сообщил он Фомину, не вдаваясь в подробности при постороннем.

— Ясненько!—сказал Фомин как можно беспечальней. И оглянулся на застрявшего возле двери Шилова.—Подойдите-ка сюда поближе, сядьте и расскажите о своей поездке в Ермаково.

Выслушав Шилова, дежурный разъяснил, что во всем виноваты работники сельсовета из Ермакова, они сообщили, что ими конфискован конь, который, по имеющимся достоверным сведениям, был похищен подростками-лошадниками еще весной и спрятан в деревне по названию Дебрь с согласия трех тамошних жительниц, являющихся, таким образом, соучастницами кражи государственного имущества.

— Столько сведений передали, только про масть забыли!—возмутился дежурный, перечитав вчерашнюю запись.—Ну ничего, сейчас поищем, кто заявлял о пропаже гнедого.—Он зашелестел страницами, вычитывая вслух:—Кобыла соловая по кличке Малинка... Не то! Мерин серый в яблоках... Не то! Вот он! Гнедой в белых чулках, возраст семь лет, пропал на прошлой неделе из совхозной конюшни, особая примета—хвост острижен под самый корень...

— Нет, нет...—Шилов все энергичнее мотал головой.—Не в чулках. И хвост длинный. И лет не семь—поболе.

Дежурный еще порылся в записях, но больше там гнедых не было. Только один—в белых чулках и с остриженным под корень хвостом.

Фомин слышал от старых рыбаков, что в прежние времена леску делали из конского волоса, выстригали помаленьку из хвостов, особо ценя белые. Но кому и зачем сейчас понадобилось отхватить у несчастного гнедого весь хвост целиком? Как ему теперь от оводов защититься, от прочей мухоты? Дикая, жестокая, бессмысленная выходка! Фомину вспомнились слова автоинспектора, с которым он ездил к туристам: «Сами не уважаем рабочего коня, потому и мальчишки себя так ведут». Конечно, не уважаем. В Ермакове обнаружился какой-то гнедой, а заявления о его пропаже нет. Совершенно безобразный и возмутительный факт. И если копнуть, выяснится, что уже

преспокойно сочинили акт, написали, что гнедой сломал ногу и его пришлось пристрелить. Или еще под каким-нибудь предлогом списали, зная, что за коня строго не спросят. За Вихря ведь тоже ни с кого не спрашивают. Нет и нет.

— С завтрашнего дня вы сами начнете поиски своего рыжего с белой отметиной!—приказал Фомин Шилову.

Шилов изобразил полную готовность:

— Я что? Я пожалуйста! Лишь бы начальство разрешило отлучиться в рабочее время с рабочего места. Вихря ведь не по деревням придется искать. По лесам да по полям. Он не такой, чтобы его поймали и запрягли. Вихрь никого к себе близко не подпустит.

После ухода Шилова Фомин сказал дежурному:

— А гнедым, который в Ермакове, я займусь сам. Найду, кто хозяин, и установлю, почему не заявлял. Пора кончать с бесхозным отношением к лошадям.

— Не тем тебе надо заниматься, Фомин,—рассудительно возразил дежурный.—Тебе, Фомин, надо подумать, и очень крепко, с чем ты пойдешь к Петру Петровичу сегодня в шестнадцать ноль-ноль.

...В шестнадцать ноль-ноль вместе с Петром Петровичем Налетовым приехал его заместитель Вадим Федорович Баранов. Фомин поплелся докладывать, что дело о ружье становится сложным и запутанным. Но вопреки его ожиданиям и посулам дежурного Петр Петрович уделил безуспешным поискам ружья только одну, правда, сокрушительную фразу:

— Действовал ты недостаточно оперативно, без огонька, потому и не добился результата.

Оказалось, что Фомин был вызван на шестнадцать ноль-ноль по совсем другому поводу.

— С утра сегодня занимаемся твоими туристами,—сообщил Налетов.—Там действительно что-то не чисто. Как видишь,—он кивнул на Баранова,—и Вадим Федорович, несмотря на воскресенье, тоже здесь. Уже установлено, что шины привез в ремонт шофер Куприянов. Он же их отвез сегодня утром. И затем еще раз зачем-то ездил к туристам. Мы его пока не трогаем. Поглядим, что дальше.

«Куприянов? Но ведь Кисель говорил, что художника направил к дяде Васе он!»—Фомин помялся и передал Петру Петровичу утренний разговор с заместителем директора музея Киселевым.

— А-а-а, опять твой детектив,—ехидно заметил Баранов.

— Его информация оказалась очень своевременной и полезной,—твердо заявил Фомин.—Мы должны опираться на общественность!

Покидая кабинет Налетова, Фомин подумал: «А ведь Кисель не поверит, что я за него заступался. Хоть клянись—не поверит».

Дома Валентина Петровна встретила Фомина вопросом:

— Ты Володю на улице не встретил? Он только что ушел.

— Что ему нужно?—подозрительно спросил Фомин.

— Ничего. Зашел в гости, рассказывал о своих планах. Он собирается создать при музее исторический кружок. Уже есть актив, ребята из Двудвориц. Он хочет познакомиться с их школьными характеристиками. Я позвонила в Двудворицкую школу и договорилась, ему покажут характеристики.

— Значит, Кисель все-таки приходил не в гости, а по делу,—проворчал Фомин.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Иосиф ВАСИЛЕВСКИЙ

Запевают провода

Лодка—легкая, послушная,
Песня льется над рекой.
Лес, прости, что мы нарушили
Этот северный покой.

Скоро ты увидишь чудо,
Старый лес, повремени:
Цветники и парки будут
Там, где мы корчуем пни.

Это царство комариное
Мы затопим навсегда.
Над широкою плотиною
Запевают провода.

Не гроза гремит над краем:
Экскаваторы идут.
Если старое ломают,
Значит, что-то создают!

Юрий ШИГАЕВ

В лесу

Орешник перетянут паутиной,
Полынный дух, сухие ости ржи.
Я раздвигаю травы хворостиной,
Приятно в августе бродить в глуши.
Дымятся иглы елочек смолистых,
Здесь словно не было вовек людей:
Полна корзина рыжиков волнистых
И срезанных тарелочек-груздей.
Но вдруг над холмиком звезда из жести,
И клен в лесу стоит, как часовой...
Во всей России нет такого места,
Чтоб за него не шли солдаты в бой.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ

История — наука, которой подвластно время. Переворачивая страницы книг по истории, мы переносимся из сегодняшнего дня во времена Древнего Египта и Древней Греции, Киевской Руси и средневековой Италии. Вместе с книгой — этой удивительной машиной времени — мы можем добраться и до самых истоков человеческого общества, заглянуть на многие сотни тысяч лет назад.

Но обязательно ли самое интересное «спрятано» в далеком прошлом? Давайте заглянем совсем «недалеко» — начнем путешествие с года тысяча восемьсот сорок седьмого и закончим годом тысяча девятьсот восемьдесят третьим, в котором живем мы с вами. А машиной времени для нас станет книга **Валерия Яковлева «Звездные часы эпохи»**, выпущенная издательством «Детская литература».

Сто тридцать пять лет отделяют нас от 1847 года. Казалось бы, это секунда по сравнению со всей историей человечества. Но за эти короткие сто тридцать пять лет человечество прошло путь, равный пути, пройденному за сотни тысяч лет. Пламенные слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» подняли народы мира от рабства, угнетения и вражды до свободы, равенства и братства. И первыми пошли путем революции рабочие и крестьяне России. Нелегок был этот путь, неимоверно трудно было на нем первопроходцам революции. Но твердо шагали по нему, ведя за собой народ, коммунисты, большевики.

«Отважные люди большевики. Жизни своей не щадят. Потому и поверили им рабочие, солдаты, матросы.

Честные, чистые люди ленинцы. За народ страдают, за рабочее и крестьянское счастье. Оттого и пошли за ними массы.

Партия большевиков не отсиживалась в парламентских говорильнях, а была там, где сражался, где трудился народ, делила с ним все тяготы.

За это и завоевала любовь народную».

Скажем еще: поэтому и нерасторжима история нашей страны — Союза Советских Социалистических Республик — и история Коммунистической партии Советского Союза.

Книга «Звездные часы эпохи» расскажет вам о том, как начиналась партия коммунистов, как в борьбе за счастье народа ширились и крепли ее ряды, как за шестьдесят пять лет после Великой Октябрьской социалистической революции наша страна продвинулась вперед так, как другие страны за двести или за четыреста.

И еще вы узнаете, почему именно партия коммунистов смогла привести народ к победе социалистической революции, почему эта революция была неизбежна, почему с каждым годом все важнее становятся такие понятия, как «сознательность», «дисциплина», «коллективизм».

Но не подумайте, что книга Валерия Яковлева похожа на скучный и сухой учебник.

«Давние звезды светили в небе. В свой час растаяли и вновь пали на землю снега, зацвели и осыпались березы, ясени, клены.

А вот жизнь страны вышла из вековых берегов. Забурлила — не остановишь!» — так начинается одна из глав книги.

Свежие, понятные нам слова находит автор, рассказывая о детстве Ленина: «Стоит у окна старая парта. За окном видны улица, деревья, небо.

Прилетит ветер с Волги — приветливо помашут ветви. Поднимется над волжскими берегами солнце — брызнут на темную крышу веселые и радужные блики. Таким простором повеет тогда...

Наверное, тот, кто сидел когда-то за партой, не случайно выбрал место именно здесь. Вот сонно бормочет у доски какой-нибудь зубрила. Тоска, и вдруг — живой голос ветра, сияние солнца. Хорошо у окна.

Настоящие мальчишки всегда устраиваются вот так — подальше от зубрил и подхалимов... поближе к свежему воздуху, небу, просторам. А ученик симбирской гимназии Володя Ульянов был, как мы знаем, человеком подвижным, озорным, смышленым. И что-то детское, мальчишеское осталось в нем навсегда».

Может быть, какие-нибудь страницы этой книги станут для вас компасом в изучении прошлого. Для кого-то таким компасом будут страницы, рассказывающие о первых советских командармах, для кого-то — главы, посвященные пятилеткам. Кто-то захочет больше узнать об истории партийной печати, кто-то — о первых крестьянских коммунах. Вы будете погружаться в историю с каждой новой книгой. Но «Звездные часы эпохи» — первая среди них!

Книга поведет вас по вехам истории нашей партии, нашей страны. И сквозь время взглянут люди, чьи имена легендарны, чьи дела бессмертны.

«Все проходит, но не все забывается, не все смывается с лица земли неумолимым временем». Вчитайтесь в страницы героической истории нашей Родины, вдумайтесь в ее свершения, и вы поймете — мы все наследники большевиков, нам продолжать революцию!

Е. СЕЛЕЗНЕВА

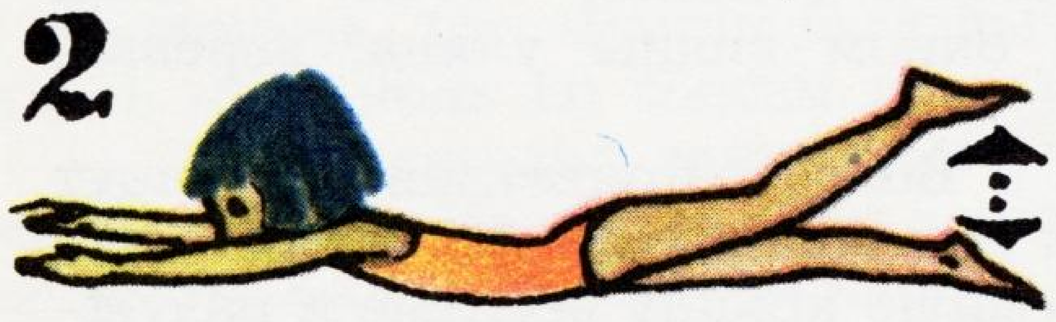
Занятия в пионерском спортзале ведет старший тренер Управления плавания Спорткомитета СССР В. МЕДЯНИКОВ.

Ты, конечно, помнишь нормативы комплекса ГТО по плаванию. Чтобы получить серебряный значок I ступени «Смелые и ловкие», мальчики и девочки десяти-одиннадцати лет должны проплыть 25 метров; чтобы добиться золотого значка, мальчикам дистанцию в 50 метров нужно преодолеть за 1 минуту 20 секунд, а девочкам — за 1 минуту 30 секунд. У ребят постарше, от двенадцати до тринадцати лет, и задача посложнее. Серебряный значок получает тот, кто с дистанцией пятьдесят метров на «ты». И девочки и мальчики. А вот золотой — награда тем, кто сможет проплыть ту же дистанцию на время: мальчики — за 1 минуту 05 секунды, а девочки — за 1 минуту 15 секунд.

СЕКРЕТ ПЛАВАНИЯ

1

2



3

Самая длинная и трудная дистанция в плавании — 1500 метров. Проплыть ее на предельной скорости очень сложно, но почти на каждом крупном соревновании бывают рекорды.

В 1980 году на Московской Олимпиаде Владимир Сальников совершил, казалось, невероятное. Он достиг скорости, которая была доступна пловцам только на «стометровке» — дистанции, в пятнадцать раз короче полуторакилометровой. Какой же силой, выносливостью надо обладать, чтоб преодолеть такой путь в воде за рекордное время?

Ты, наверное, заметил, что наши занятия в пионерском спортзале начинаются с «сухопутных» упражнений. Так будет и на этот раз. К знакомому комплексу упражнений добавь такие:

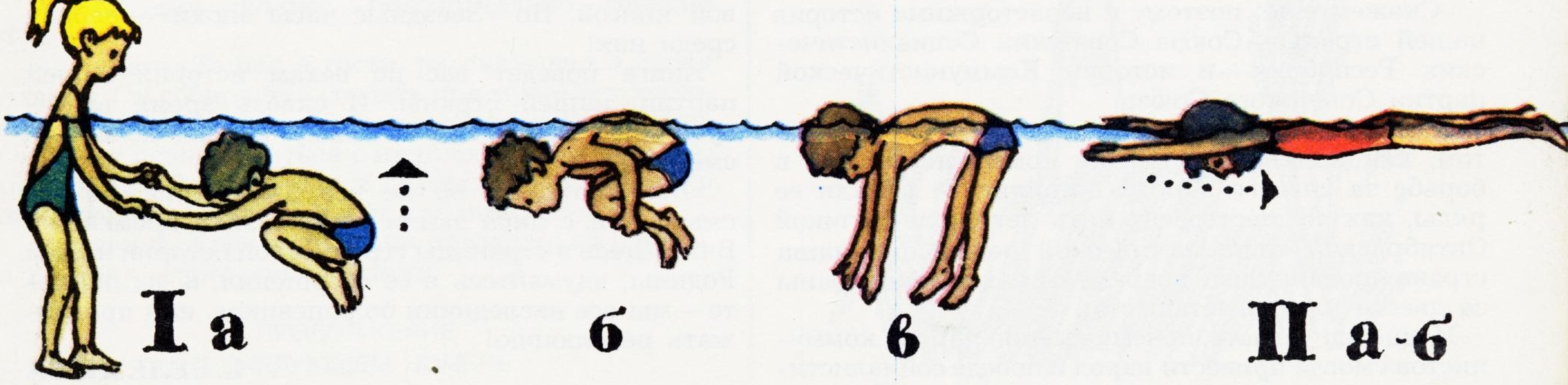
1. Лежа на груди, как можно сильнее прогнись. Потом согни ноги в коленях, дотянись до стоп и крепко захвати их руками. А теперь покачивайся в таком положении, как на качелях.

Следующие два упражнения — для развития ног. При плавании движения ногами помогают пловцу увеличить скорость.

2. Лежа на груди, прогнись в пояснице и делай попеременные движения ногами, будто ты плывешь кролем. Руки вытяни перед собой.

3. Это упражнение ты можешь делать в лесу, дома, в спортивном зале... Отталкиваясь двумя ногами одновременно, нужно перепрыгивать боком через гимнастическую скамейку или поваленное дерево. Если тебе попадется в лесу невысокий пенек, его тоже можно использовать: постарайся впрыгнуть на него. Спортивным снарядом может служить невысокая скамейка или табурет.

Как видишь, чтобы научиться плавать, приходится и бегать и прыгать. А спортсмены-пловцы занимаются еще гимнастикой, легкой атлетикой, даже штангой... Выходит, на суше они тренируются больше, чем в воде? Конечно! На таких тренировках и сила, и ловкость, и выносли-



Iа б в IIа-б

вость вырабатываются. Самые разные виды спорта помогают пловцам гармонично развивать все мышцы тела, и движения их в воде кажутся легкими и естественными. Даже если не умеешь плавать сам, наблюдать, как плавают другие, и то приятно. Кажется, стоит самому войти в воду, все получится само собой. Но, как известно, без труда не выловить и рыбки из пруда. Прежде всего надо овладеть секретами тех движений, из которых, как сумма из слагаемых в математике, состоит плавание.

Научись лежать на поверхности воды, скользить по ней и всплывать. Для этого нужно разучить три комплекса упражнений.

I. а). Сделай полный вдох и погрузись с головой в воду. Только обязательно держись руками за какую-нибудь опору. Теперь «сожмись в комок» (ты уже делал подобное упражнение на прошлом занятии, правда, на берегу). Тело само начнет всплывать к поверхности воды, как поплавок. Старайся задерживать дыхание от десяти до двадцати секунд.

б). Это упражнение называется «бочонок». Оно почти такое же, как первое, но выполнять его надо уже без опоры руками. Войди в воду по пояс. Подними руки в стороны-вверх и одновременно сделай глубокий вдох. Быстро присядь, обхвати руками колени, а подбородок прижми к груди. Вода сама вытолкнет тебя к поверхности.

Не спеши, пусть вода «покачает» тебя пятнадцать—двадцать секунд. Затем медленно вытяни руки вперед. Вот теперь можно поднять голову над водой. При этом одновременно «нажми» ладонями вниз и опусти на дно ноги. И сделай выдох.

в). Упражнение «медуза» похоже на «бочонок». Разница лишь в том, что, всплыв и «покачавшись» пять-шесть секунд на поверхности воды, надо расслабить руки и ноги, чтобы они повисли вниз, как плети.

Делай упражнения не торопясь, уверенно, как это подобает настоящему пловцу, а не робкому и пугливому новичку. Следующий комплекс — упражнения на лежание на поверхности воды.

II. а). «Звездочка» делается так: выполни «бочонок» и очень медленно разведи в стороны руки и ноги. Чтобы пятки оказались у самой поверхности воды, нужно слегка пригнуться. Оставайся в таком положении пять—десять секунд. Потом вернись в исходное положение «бочонок» и закончи упражнение, как ты делал это в предыдущем комплексе.

б). В положении «звездочка» на счет «раз» соедини руки, но ноги оставь разведенными в стороны; на счет «два» — наоборот: руки — в стороны, ноги — вместе. Когда ты овладеешь этим упражнением, попробуй лежать на воде с сомкнутыми руками и ногами. Лежать надо свободно, расслабившись, иначе обязательно перевернешься.

Эти же упражнения надо научиться выполнять и лежа на спине.

III. Два упражнения последнего комплекса помогут овладеть навыками скольжения. При выполнении упражнений двигайся в сторону берега.

а). Подними руки вверх, соедини ладони и хорошенько потянись. Теперь глубоко вдохни и присядь в воду так, чтобы она доходила до подбородка. Положи руки на воду и посильнее оттолкнись от дна. Сумеешь проскользить, как торпеда, четыре-пять метров? Если удалось, длину скольжения можно увеличить: старайся проплыть как можно дальше.

б). Те же движения теперь выполни на спине: сначала с вытянутыми вдоль туловища руками, а потом — как в предыдущем упражнении.

Научиться плавать на спине гораздо легче: не нужно делать выдохов в воду. Но не думай, что этого достаточно. Любая волна может привести к опасным неожиданностям, поэтому учись плавать двумя способами — на спине и на груди. Захлестнула волна — перевернись на грудь и плыви себе дальше без опаски; устал — перемени способ. При плавании на спине дыхание облегченно, и пловец может «отдохнуть», чтобы плыть дальше и с большей скоростью.

Самый скоростной вид плавания — кроль. Он напоминает плавание «саженками». Быстротой движения в кроле распоряжаются тоже руки. Чтобы научиться плавать кролем, прежде всего тренируй руки. Начни вот с этого упражнения.

1. Чуть наклонись и в воде вытяни вперед левую руку, а правой сделай гребок, как показано на рисунке. Поднимать руку из воды надо локтем вверх, будто из кармана брюк.

2. Когда ты как следует освоишь гребки правой и левой руками отдельно, научись делать попеременные гребки. Одна рука делает гребок, другая — проносится по воздуху. Следи, чтобы это происходило одновременно.

3. Вспомни упражнение на скольжение, оно тебе сейчас пригодится... Так же оттолкнись от дна ногами и скользи в воде. Только добавь к этому движения руками, которые ты освоил при выполнении двух предыдущих упражнений. Надо проплыть двенадцать — пятнадцать метров. И не один, а десять — двенадцать раз.

А что же делают в это время ноги? Почти ничего: главное, чтобы они удерживались у самой поверхности воды и не «тонули». Все зависит от движения рук. Ты можешь легко в этом убедиться, если сделаешь такое упражнение.

4. Возьми небольшой резино-

III 1 2

вый круг, зажми его ногами и плыви к берегу. Все движения в воде выполняют только руки, но ты не обнаружишь никакого уменьшения скорости. Проплыви так шесть — восемь раз и повтори второе и третье упражнения. Старайся согласовывать движения рук с дыханием. Как? Расскажет следующее упражнение.

5. Опусти лицо в воду и во время окончания гребка рукой поверни голову в сторону — для вдоха, а затем — для выдоха — вновь опусти голову лицом вниз. Научись одинаково хорошо делать вдох при повороте головы в правую и левую стороны.

Делать это упражнение довольно трудно на первых порах, поэтому не удивляйся усталости, которая может появиться. Вот тогда самое время вспомнить о втором способе плавания — на спине.

При плавании кролем на спине основное движение — «мельница» руками назад. Это упражнение знакомо тебе по прошлому занятию. С него и начни учиться плавать кролем на спине.

6—7. Сначала выполни «мельницу» двадцать—тридцать раз, а после этого попробуй в одном упражнении соединить два: «мельницу» руками назад и скольжение на спине. Выполни это упражнение шесть—восемь раз, стараясь проплыть по десять—пятнадцать метров.

Не старайся делать мощных гребков руками, активнее работай ногами, помогай себе. При плавании на спине главное — правильно согласовывать движения рук: одна рука — в воду, другая в то же время — из воды, одной гребешь, другую проносишь по воздуху. И лежать в воде надо ровно, не сгибайся, или, как говорят пловцы, «не сиди», дыши ритмично, стараясь вдох делать через рот, а выдох через нос.

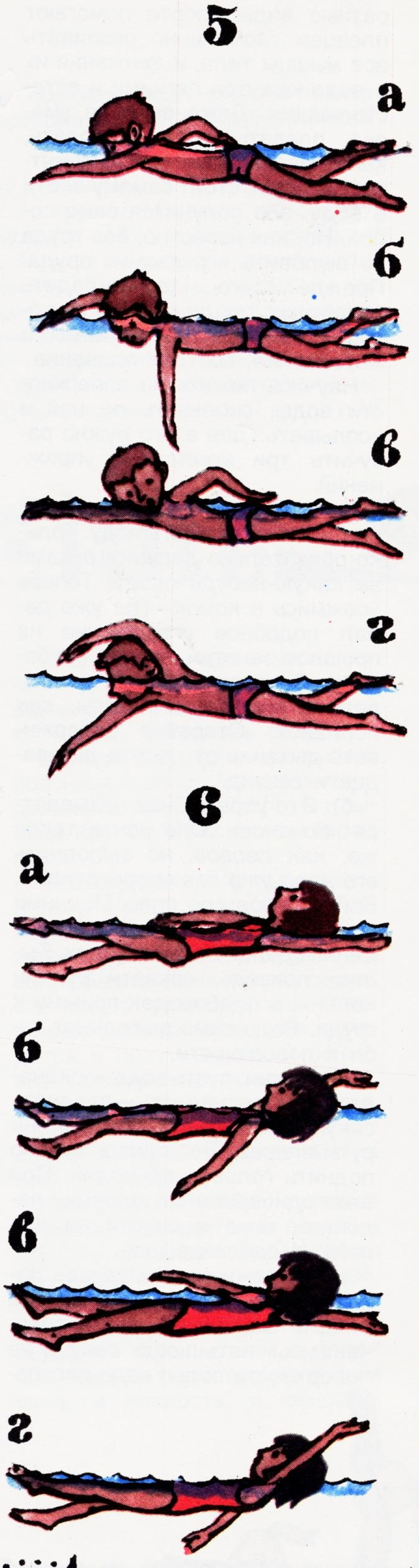
Наше последнее занятие в спортзале получилось особенно насыщенным. Но пусть тебя это не пугает. Ведь многие из упражнений были тебе уже знакомы и лишь усложнились новыми элементами. Зато тренировки помогут тебе научиться плавать.

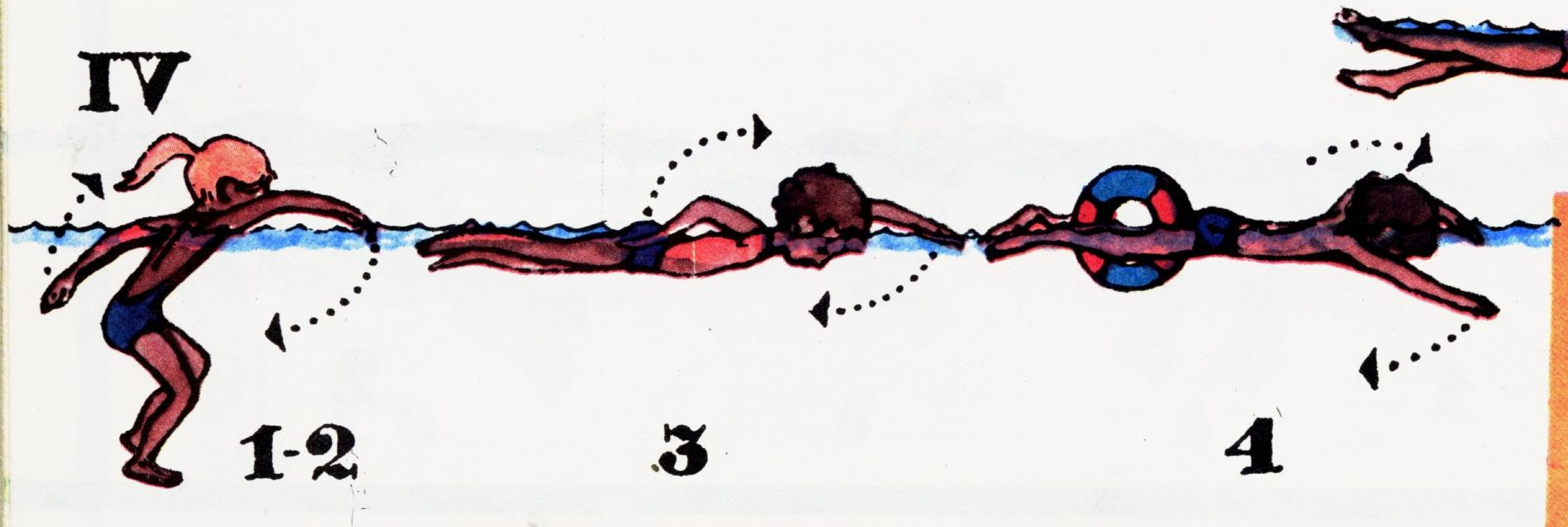
Ты познакомился с двумя способами плавания — кролем на груди и кролем на спине. Есть еще и другие виды плавания. Хотел бы ты научиться плавать, например, брассом или баттерфляем? Кто знает, может, овладение этими стилями плавания и станет твоим следующим рекордом?.. А первый рекорд уже состоялся: еще зимой ты решил научиться плавать и упорно шел к своей цели. Конечно, это не такой «громкий» и заметный рекорд, как у Владимира Сальникова. Но не в этом дело.

Владимиру Сальникову, чтобы улучшить свой результат всего на несколько секунд, понадобилось почти три года упорнейших тренировок. И наверняка не раз приходилось спортсмену перешагивать через свои «не хочу», «не могу». Приходилось преодолевать себя. Потому что рекордов без этого не бывает, не может быть. Не только в спорте, в любом другом деле. Потому что достижение цели — всегда преодоление: трудностей, слабости характера. И если это удается — есть рекорд. Самый первый и самый важный в твоей жизни. Не останавливайся на этом!

***1980 год** — тысяча пятьсот метров водяной дорожки **Владимир Сальников** проплыл за 14 минут 58,27 секунды. Через три года ему удалось улучшить свой результат и установить новый мировой рекорд.*

***1983 год** — время, показанное советским пловцом на полуторатысячной дистанции, — 14 минут 54,76 секунды.*

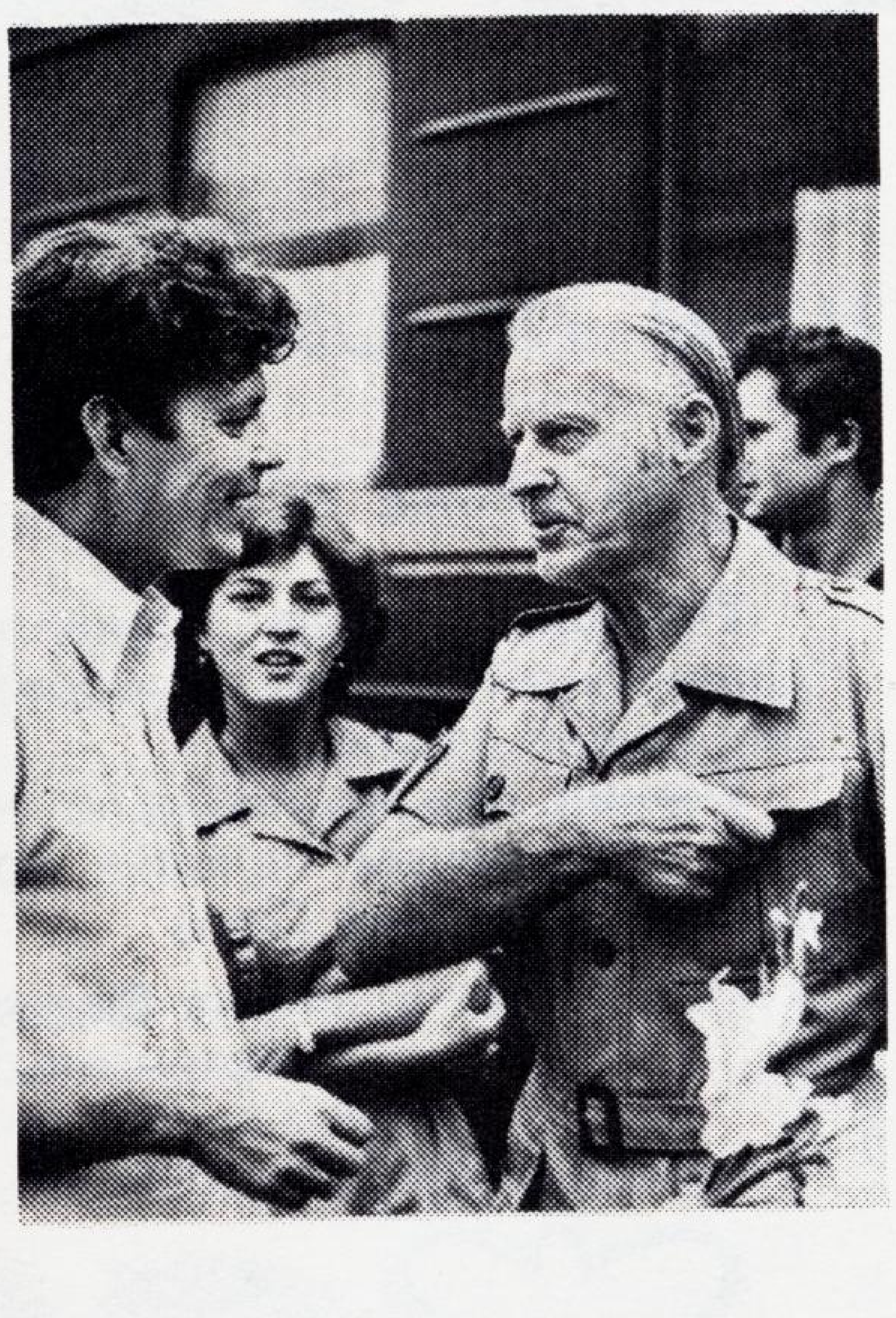




Рисунки Д. БАРАБАША.

КОМАНДА ДОЛЖНА БЫТЬ ДРУЖНОЙ

Сегодня в гостях у журнала «Пионер» известный норвежский ученый, путешественник, писатель Тур ХЕЙЕРДАЛ. С ним беседует наш корреспондент П. Пэнэжко.



Корреспондент. Весь мир знает, что корабль экспедиции «Тигрис» вы сожгли в знак протеста против гонки вооружений, против угрозы войны. А недавно я встретил одного канадского мальчика, который пытался доказать, что в наше время протест отдельной личности ничего не значит. Мол, сожги Хейердал не только «Тигрис», но и весь свой музей «Кон-Тики», все равно будет угроза войны на земле, а ученые будут и дальше работать на войну...

Хейердал. Да, один человек мало что может изменить. Но протестовать он обязан. Молчание, равнодушие опасны. Недаром говорят: «Молчание — знак согласия». Если я, он, вы, они постараются отмолчаться, какой-нибудь маньяк и в самом деле нажмет кнопку на пульте ракетной установки. Хороши мы все тогда будем! Если верить статистике, каждый четвертый ученый на земле трудится на генералов. Большая, конечно, цифра. Но ведь есть еще и другие трое, которые работают на мир. Их больше, они сильнее. Конечно, если двое или даже один из них будет отмалчиваться, этот перевес мало ощутим. Но если требовать, протестовать, идти к людям и разоблачать политиканов, пугающих всякими «красными опасностями»,— они смогут очень многое. Даже самые отъявленные военные фанатики боятся гнева людей и потому стараются одурачить их своей пропагандой. Долг ученого — рассказать людям правду о последствиях гонки вооружений, рассеять миф ограниченной ядерной войны.

Корреспондент. Я слышал, что в молодости вы добровольно ушли на фронт в десантники и храбро воевали против фашистов...

Хейердал. В современной войне не нужна будет храбрость. Миллионы жизней унесет какой-нибудь трус, сидящий глубоко под землей у пульта ракетной установки. Гитлеру такое и не снилось! Да, я сражался за свободу своей родины. Но мне это не мешало понимать чудовищную сущность войны. Тогда моими товарищами по оружию были русские, американцы и англичане, врагами — немцы и итальянцы. Теперь я живу в Италии, а на «Тигрисе» со мной вместе плавали немецкий моряк Детлеф Зойцек и итальянец Карло Маури. У меня теперь много друзей среди немцев и итальянцев, и мне страшно подумать, что на войне я мог кого-нибудь из них убить только потому, что Муссолини и Гитлер погнали их завоевывать Европу. Во времена моей юности от человека требовалось очень много мужества, чтобы не поверить басням о расовом превосходстве и «коммунистической опасности». Не поверить и открыто об этом заявить — не каждый на это был способен...

Корреспондент. Но сегодня кое-кто опять пытается убедить, что существует «опасность с Востока», а потому-де надо вооружаться и перевооружаться, чтобы внушить страх Советскому Союзу.

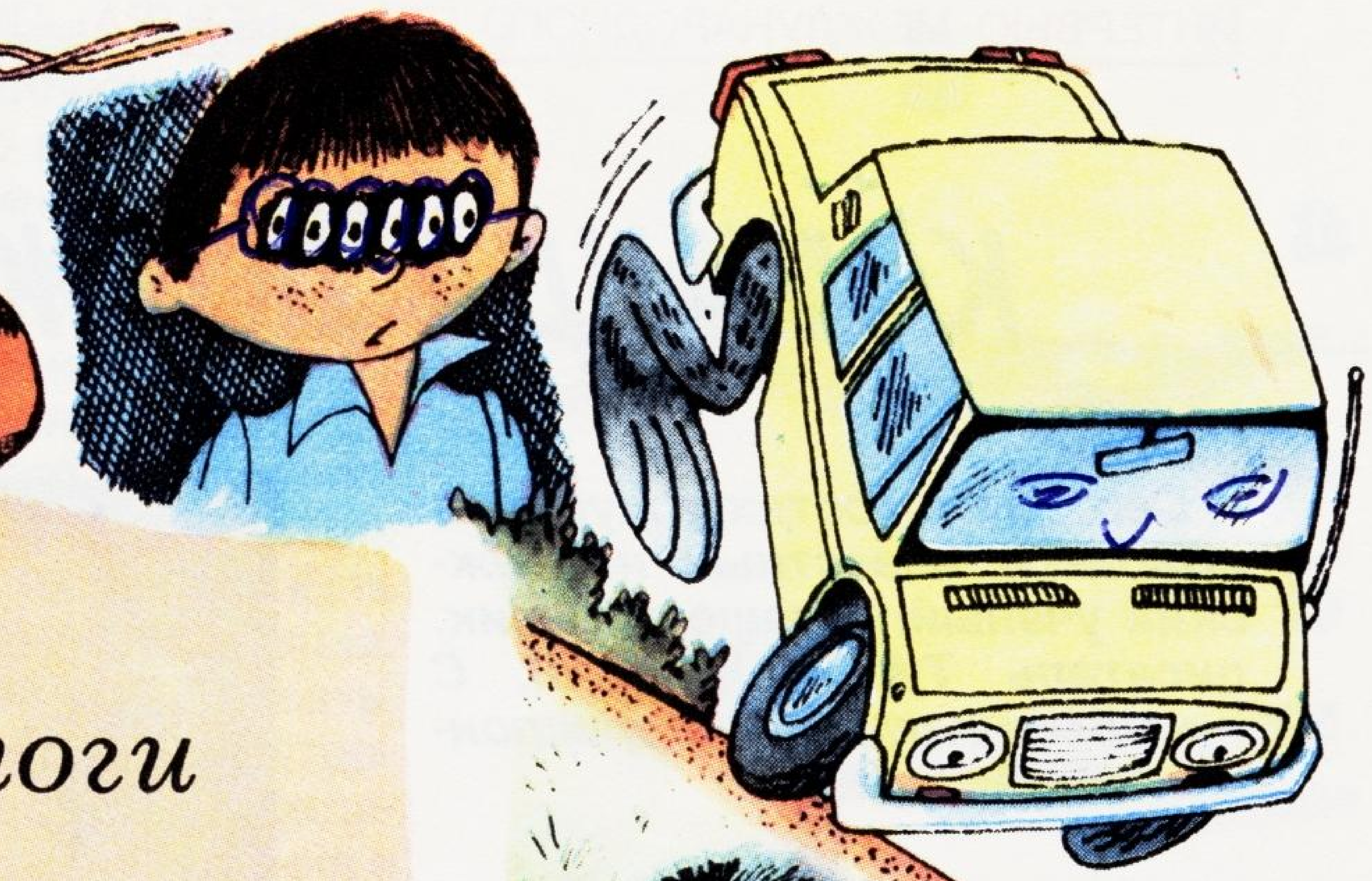
Хейердал. Да, эта глупость оказалась удивительно живучей. Хотя... на протяжении всей истории люди думали, что стоит только создать какое-нибудь более мощное, чем у соседей, оружие, и они сумеют установить на земле прочный мир. Дескать, все будут нас бояться, и мы будем диктовать народам свои условия.

Проехав по всему Советскому Союзу, я не встретил ни одного человека, который желал бы нам, людям Запада, зла, который бы нас ненавидел или боялся. Советский врач Юрий Сенкевич участвовал в трех моих экспедициях. У нас обнаружилось сходство во взглядах на многие вещи и вполне достаточно юмора для того, чтобы не делать большой проблемы из наших разногласий. Я думаю, если бы во время плавания между нами встал человек, который попытался бы разговаривать лишь с позиции силы, мы дружно взяли бы его за руки, за ноги и выкинули за борт. Так почему бы не проделать то же самое народам, которых фабриканты оружия натравливают друг на друга?

Корреспондент. Тем более жалко, что «Тигрис» все-таки сгорел. А не было ли это прощальным салютом всем вашим экспедициям?

Хейердал. Нет, потому что я хочу совершить еще одну. В ней будут участвовать американец, русский, араб, еврей, африканец, японец, мексиканец. И плавание нашей бело-черно-желтой команды должно доказать, что люди самых разных убеждений, рас и культур могут прекрасно жить вместе и работать даже на самом маленьком суденышке в океане. Я напишу об этом книгу, и пусть ее читатели задумаются о том, что наша планета — это ведь тоже корабль в космическом океане. И чтобы он не потонул, вся его бело-черно-желтая команда должна быть дружной.

ПЕРЕМЕНКА



Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Какие животные водятся в тундре?

Ученица. В тундре водятся шерстяные животные.

Света Паранина,
г. Казань.

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Где больше всего выпадает осадков?

Ученица. На улице.

Наташа Гриценко,
г. Ульяновск.

* * *

Учитель. Расскажи о горах и о горных животных.

Ученица. В горах водятся горные козлы, дикие лошади, альпинисты...

Вячеслав Пикульский,
г. Краматорск,
Донецкая область.

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учительница. Назови растения из семейства злаковых.

Ученица. Солома...

Л. Г., г. Солигорск.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Составьте, пожалуйста, предложение со словом «корова».

Ученица. Наша Аленушка громко мычала.

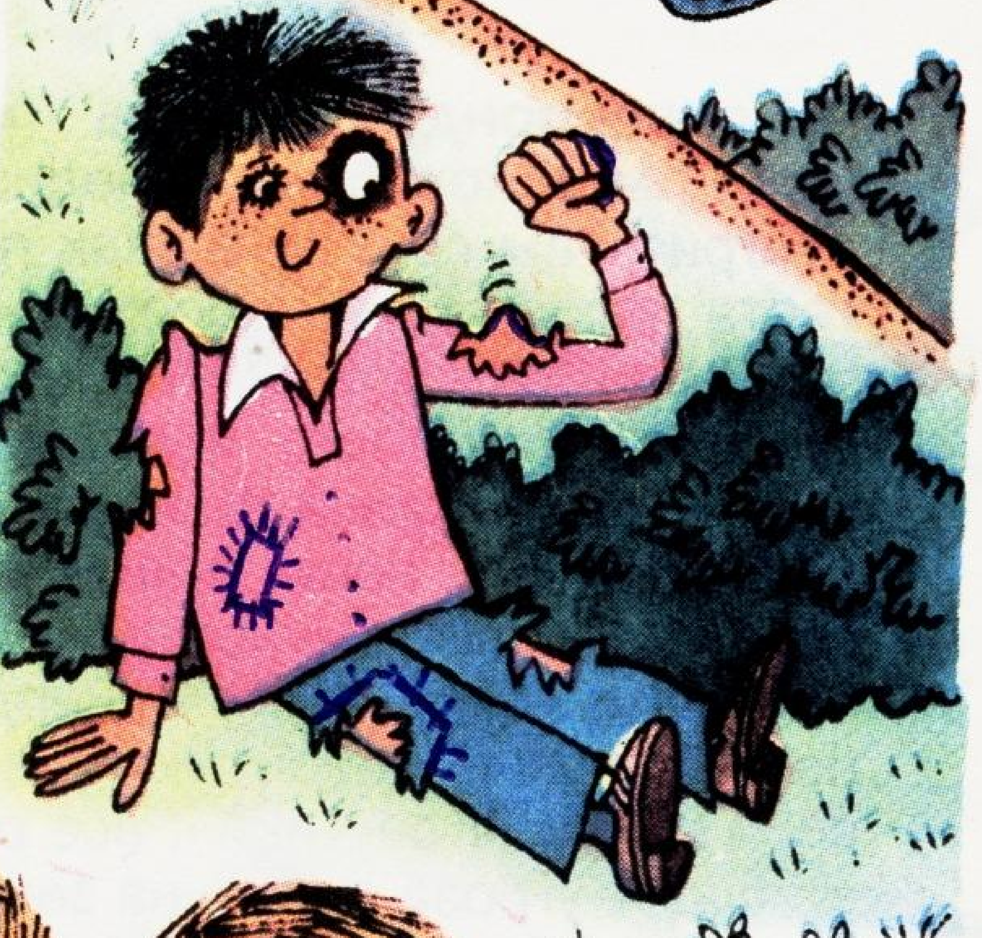
Аня Ритц,
лесхоз «Красный бор»,
Целиноградская область.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Когда появился древнейший человек на территории нашей страны?

Ученик. Два миллиона лет назад древнейший человек пришел в Советский Союз.

Нонна Видова,
г. Архангельск.

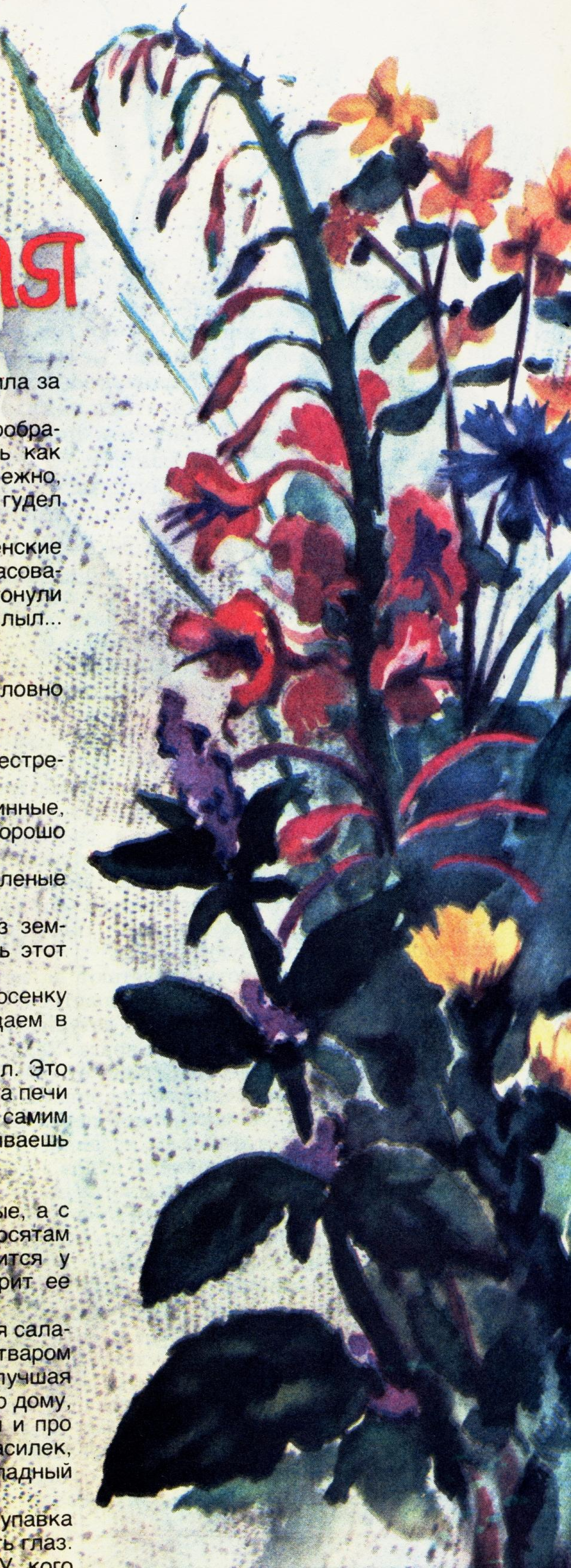


Из школьных сочинений

«В драках он никогда не дерется».
«Лай раздавался за забором, виляя хвостом».
«На его физиономии торчали нечистые уши».
«На стене висят фотографии с красивыми прическами».
«Она так испугалась, что бросилась в обморок».
«На нем были сапоги на размер больше него».
«Глаза изумленно бегали по всему лицу».
«Загребая задними ногами, автомобиль медленно мчался под косогор».
«Задание на завтра: на урок труда принести иголку, штопку, дырку...»

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ИВАН-ЧАЙ ТРАВА ПОЛЕЗНАЯ



— Что же мы стоим? — Лена схватила меня за руку и потащила за собой.— Я покажу вам настоящее чудо!

Мы побежали в конец сада, обогнули три толстых тополя, пробрались через заросли крапивы на склон холма и остановились как вкопанные. Перед нами пламенел куст дикого шиповника. Нежно, вкусно пахли его цветы, разогретые солнцем. Над кустом гудел полосатый шмель.

Чуть ниже, под нашими ногами, чинно выстроились деревенские домики. В огороде у бабушки Нади, раскинув длинные руки, красовалось чучело в соломенной шляпе. За домами в голубых туманах тонули необъятные луга. И вдруг прямо по лугу, по этому туману проплыл... белый-пребелый пароход.

Лена тихонько рассмеялась:

— Москвы-реки не видать, ловко она спряталась? А пароход словно по траве скользит, верно?

Потом мы взяли собаку Бима, корзинку и пошли в лес.

На опушке — заросли кипрея, а попросту — иван-чая. Весело пестреют его лилово-пурпурные султаны.

— Иван-чай — полезная трава.— Лена бережно обобрала длинные, узкие листья и уложила их в корзинку.— Если голова заболит, хорошо попить чаю с этими листочками.

В овраге вокруг небольшой лужицы столпились светло-зеленые зонтики. Лена спустилась в овраг.

— Дягель! — Она осторожно вытащила мощное растение из земли.— Если кто-нибудь потерял аппетит, стоит только пожевать этот корень, и все наладится.

На полянке залаял Бим. И было отчего лаять: на маленькую сосенку уселись сразу три вороны! Поднявшись по склону, мы попадаем в сосновую рощу. Воздух здесь особенный, смолистый.

— Мой прадедушка Георгий Евтихович всегда сосной дышал. Это очень полезно,— заметила Лена.— А прабабушка Клава всегда на печи сушила травки. Они горчичники редко покупали. Их можно самим сделать, из волчьих ягод. Вернее, из коры этого растения. Замачиваешь кору в слабом растворе уксуса — вот тебе и горчичник.

— Ты что же, про все травы знаешь?

— Про многие, что у нас растут... Почти все они не простые, а с секретом. Хоть лебеду возьмите. Ее, конечно, хорошо поросятам давать, другим животным. Она очень питательная. А случится у кого-нибудь ангина, так пусть он вспомнит про лебеду, заварит ее кипятком да и полощет горло.

Корзинка наша понемногу наполнялась. Заячий щавель — для салата, бархатные листья мать-и-мачехи — от кашля, череда — ее отваром умываются. Не прошли и ромашку. Если набьешь шишку, лучшая примочка из ромашки. А если развесить ромашку в букетиках по дому, мыши разбегутся: не выносят они этого запаха. Не забыли мы и про горькую полынь. Ее отвар пьют от бессонницы. Синий василек, сиреневый вереск, желтый зверобой, небесный цикорий, прохладный подорожник — все у нас было!

Встретилась нам и красавица купавка. Но мы не тронули ее. Купавка вся ядовита, для снадобья не годится. А растет, чтобы радовать глаз. Да и цвести начинает только на девятом (!) году жизни. У кого поднимется рука, чтобы убить эту редкую красоту?

...Хорошо было сидеть на скамейке, которую смастерил когда-то давным-давно прадедушка Лены Прошиной Георгий Евтихович. Сейчас здесь, в Лыткарине, живет бабушка Лены. А сама Лена приехала к ней в гости из северного города Полярного.

У забора задумались три тоненькие березки. Их Лена вырастила из обыкновенных березовых почек.

— Со вьюном я хожу, с золотым я хожу,— запела Лена, а бабушка подхватила ее песню.

Л. ПРУНЦОВА

От редакции: *С давних времен люди лечились отварами и настоями трав, и сейчас сотни и тысячи лекарств делают из различных растений. А ты знаешь, какие лекарственные травы растут в твоем краю? Какие травы надо собирать и сдавать в аптеки, какие сушить на зиму для дома? Напиши нам.*

ПРО ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

«Еж обыкновенный»... «Златоглазка обыкновенная»... Так зоологи называют многих животных, особенно тех, которые часто встречаются. Но это совсем не значит, что животные эти неинтересные. Неинтересных животных нет! Они могут только казаться такими. Казаться тем, кто не присматривается к ним, не старается узнать побольше об их жизни...

Сегодня мы расскажем тебе о нескольких таких «обыкновенных» животных. Увидеть их, понаблюдать за ними может каждый из вас.

ПОД ЗАЩИТОЙ КРАСНОЙ ТЕТРАДИ

Легкие кружевные крылья

Златоглазки очень красивы. Легкие, нежные, с кружевными голубовато-зелеными крыльями, они похожи на маленьких стрекоз. А глаза, словно золотые бусинки, сверкают на солнце...

Правда, днем златоглазки малоподвижны: сидят, притаившись, где-нибудь в зелени. Зато вечером... Медленно и бесшумно, как тени, плавают они в воздухе среди ветвей. На заснувших лугах и полях отыскивают раскрытые цветки и подолгу пьют сладкий нектар, отыскивают питательную пыльцу.

Но вечером на охоту вылетают и летучие мыши. Хватают златоглазок прямо в воздухе. Как спастись? Оказывается, златоглазки слышат ультразвуки, которые летучие мыши издают при полете. Так они узнают о приближении врага. Услышат летучую мышь — и скорее в траву, к земле, подальше от опасного места.

А еще златоглазки умеют разговаривать. Стучат брюшком, например, по листу, и звук через лист передается другой златоглазке. Ученые установили это совсем недавно.

Златоглазок в нашей стране 40 видов, но чаще других встречается златоглазка обыкновенная. Ее многие видели, но мало кто присматривался к златоглазке, мало кто знает, что в мире насекомых она одно из самых необыкновенных созданий.

Вот, скажем, куколки. У большинства насекомых они неподвижны — потому и названы «куколками». Но не у златоглазки! Ее куколка, пролежав без движения неделю или две, начинает вдруг работать челюстями и вырезает в толстой стенке кокона круглую дверь. Вылезает через нее наружу и зачем-то бегает вокруг кокона. Побегает, побегает, а потом крепко-накрепко прицепится к кокону ногами и замрет. Минут через пять шкурка на ее спине лопается, и появляется мягкое, со сморщенными крыльями существо, которое еще через полчаса становится красавицей златоглазкой...

Стоит ли говорить, что златоглазок надо беречь? Ведь это живая частичка нашей природы. Ну и, конечно, за их красивые глаза.

Фото Ю. АРАКЧЕЕВА.

Сколько у ежа иголок?

А действительно сколько? Мало кто об этом задумывается, но зоологи подсчитали: на каждом квадратном сантиметре ежиного тельца в среднем пятнадцать штук. А всего у ежа шесть-семь тысяч иголок!

Имея такую «шубу», зверек мало кого боится: свернется в клубок, и попробуй-ка тронь его, сразу получишь тысячу уколов. У кого еще из наших животных есть такая защита? Ни у кого!

А как новорожденные ежики? Уже с иголками? Нет, на розовом тельце у них только множество бугорков. Иголки на их месте появятся через несколько часов. Сначала они мягкие и светлые, но постепенно твердеют и темнеют. А растут довольно быстро — в сутки на миллиметр. Двухнедельный ежик уже совсем колючий. А глаза пока не открыл, они у него обычно на шестнадцатый день открываются. Слепой еще, а уже в клубок умеет свертываться — не подходи!

Рассказ-загадка

Весной и летом — не одним цветом

Весной и в начале лета они живут в воде. В ручьях, прудах, старицах, просто в канавах. Наклонись над водой, если она прозрачная, и, может быть, увидишь, как плавают среди водорослей существа величиной с палец — гибкие, длиннохвостые.

Но это не рыбы. У них есть ножки, и похожи они больше на ящериц. Время от времени поднимаются к поверхности и высовываются — дышат.

А летом выбираются из воды и живут на суше, в сырых и тенистых местах. Вот здесь их заметить совсем не легко. Прячутся в опавшей листве, в трухлявых пнях. Днем вообще не появляются, только ночью осторожно вылезают и кормятся насекомыми, червями, многоножками.

Когда живут в воде, поедают множество личинок комаров — оказывают нам тем самым большую услугу.

Весной у них яркий, даже пестрый наряд, особенно у самцов — желто-оранжевый с голубизной, с темными пятнами. А летом окраска более скромная — зеленовато-бурая, снизу чуть желтоватая.

Живут они несколько лет, и каждый год меняют вот так квартиры. То на суше они, то в воде... Недаром относятся к классу земноводных.

А называются... Скажите сами — как? Мы только добавим, что есть в этом названии слово «Обыкновенный». Хотя, сами видите, не такое уж это существо обыкновенное. Может быть, кто-то из вас его встречал и сможет нарисовать?

Шестиногие богатыри

Все знают: муравей может без труда тащить веточку, которая гораздо тяжелее его самого. Но что значит тяжелее? В три, в четыре, в пять раз? Подсчитано: муравей одолевает ношу, которая в 52 раза превышает его собственный вес. Но что муравей, вот жуки — это настоящие рекордсмены!

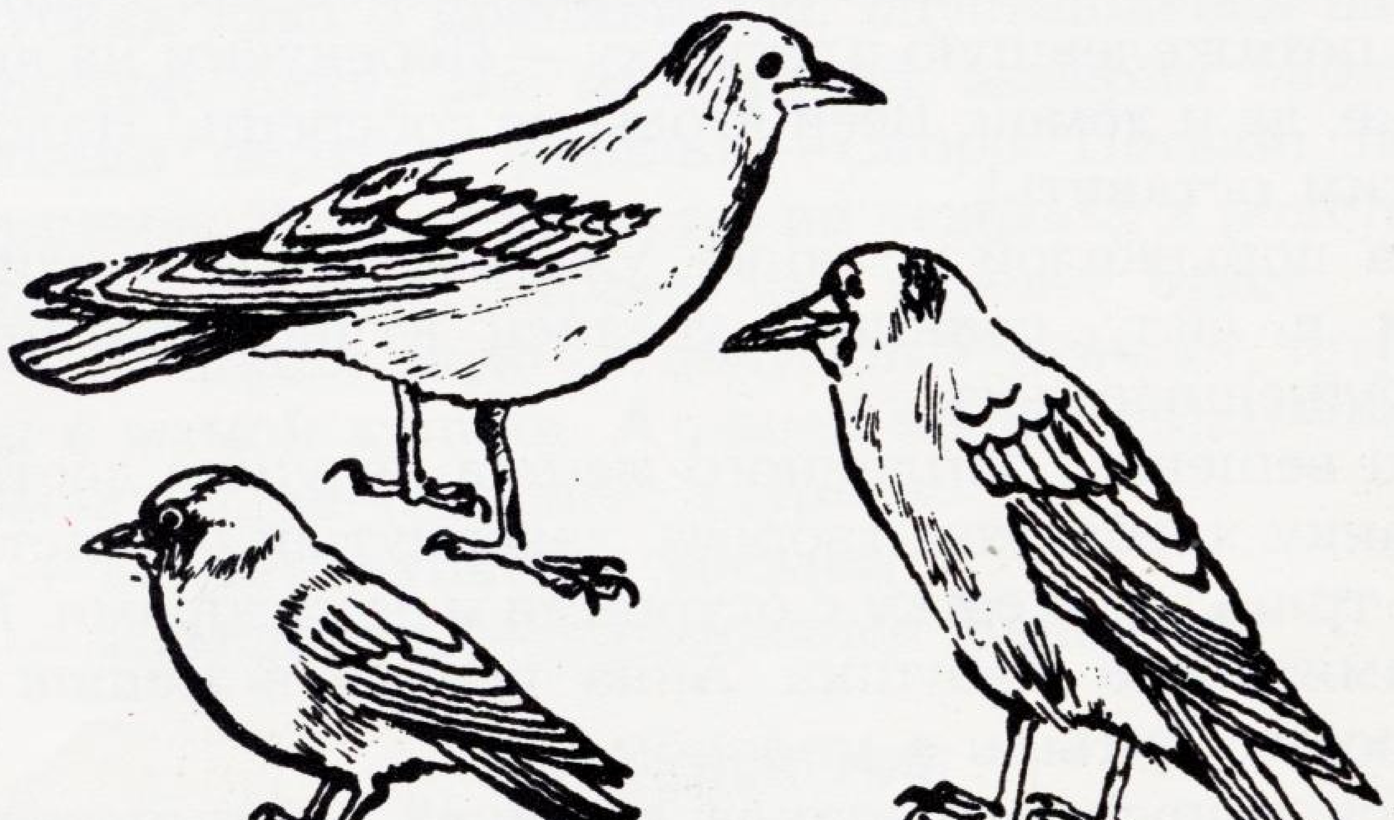
Энтомолог В. С. Гребенников соорудил специальные крохотные тележки, платформы и блоки, чтобы точно измерить силу шестиногих. Результаты его опытов превзошли все ожидания.

Бронзовка везла груз, превышающий ее собственный вес почти в 500 раз (точнее — в 495 раз)! А маленький жук-навозник афодий осилил фантастический вес — в 1459 раз тяжелее самого рекордсмена! И все же победителем стал другой жук — онтофагус. Он был легче своего груза в 4210 раз!

Вот какие тяжелоатлеты есть в мире насекомых. А если бы мы обладали такой силой? В. С. Гребенников подсчитал, что тогда человек весом в 70 килограммов, мог бы свободно подтянуть на блоке 8 тонн груза или покатить по рельсам несколько груженых железнодорожных платформ (общим весом почти в 300 тонн)!

Как раскрасить?

Обыкновенная ворона, обыкновенная галка, обыкновенный грач. Кто их не знает, кто их не видел множество раз! А сможешь ли ты их правильно раскрасить, не заглядывая в книжку? Попробуй проверить свою наблюдательность.



Отдел ведет А. ПЛЕШАКОВ.
Научный консультант — доктор биологических наук профессор А. В. ЯБЛОКОВ.

Виктор БАНЫКИН

ВАЛЕРКИН КАЛЕНДАРЬ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 1—7.

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Глава девятая

Сластена

Они блаженствовали, растянувшись под голенастой рябиной с побуревшими ягодами.

Перед Валеркой и Генкой — ухоженный огород с ровными грядками садовой клубники, сочных пупырчатых огурчиков, кустами помидоров. Под хрупкие плети помидоров, увешанные зреющими плодами, поставлены подпорки. В самом же конце огорода завивались, пухли, тяжелея, кочаны капусты. Это про капусту сложена загадка: «Кудревата, шаровита, на макушке плешь, на здоровье ешь!»

Мальчишки отдыхали после вчерашнего похода в даль несусветную — к самому Кабаньему завалу за спелой малиной.

Накануне и отец Валерки, и дедушка Терентий уговаривали мальцов не увязываться за ними: в лес собирались отправляться на рани. Но те и слушать ничего не хотели.

Оба — и Генка, и Валерка — остались довольны ранним походом в лес, хотя и сильно вымокли. От крупной зернистой росы вся трава казалась перламутрово-сизой, будто ее осыпали с безумной щедростью жемчужными горошинами.

А когда взошло ленивое августовское солнышко, белесые космы тумана, цеплявшиеся за кустарники, поползли дальше и дальше в низинки и овражки.

Малины, спелой, душистой, наелись ребята до отвала! С верхом наполнили и плетушки крупной пупырчатой ягодой. Правда, корзиночки у них были меньше, чем у взрослых.

— Шабаш! — скомандовал дед Терентий, поднимая потяжелевшую плетушку.— Перекусим на вырубке, да и домой. Всей ягоды не соберешь! Надо и другим оставить!

На порыжелой полянке, уже обогретой входившим в силу солнцем, уселись кучно, вытянув натруженные ноги.

Из вещевого заплечного мешка дедушка достал буханку хлеба, ком творога, завернутый в холстяную тряпицу, и сетку с огурцами и помидорами. Не запамятовала бабушка Анна сунуть в мешок и литровую бутыль с молоком.

Вся вырубка пропахла душицей, неприметной, скромной травкой. Этот дивно тонкий аромат душицы «приписывают» обычно только что скошенной на сено траве. Как несправедливо обижают невзрачное с виду растение.

Возвращались в село не спеша, радуясь высокому солнцу, щедро обласкавшему лес.

— Какая это птица? — шепнул Генка брату, показывая глазами на прочерневший осиновый сук.— Крылья голубоватенькие, а шея белая.

— Сойка,— сказал Валерка.— Лесная ворона. Злющая, что тебе ведьма! Правда, дедушка?

Дед Терентий шагал по узкой малохоженой тропе последним. К двум сшитым полотенцам, перекинутым через плечо, была привязана за дно тяжелая корзина с малиной.

— О чем вы там балабоните? — не сразу спросил он внука, занятый своими думами.

— На сук глянь, деда,— громче сказал Валерка.— Это ведь сойка нахохлилась?

— Она! Голова... ну, что тебе овин!

Обиделась сойка. Сварливо протрещав, замахала крыльями. Подалась злюка к ослепительно янтарной просеке. Недалеко уж то время, когда и весь лес оденется в золотые ризы.

А час спустя вышли на приветливую луговину с поникшими, перестоявшими лютиками и хороводом порхающих бабочек.

Дедушка снял с плеча лямку. В тень, под куст бузины, поставил корзину.

— В самом деле, пора передохнуть,— проговорил отец Валерки, вытирая лоб тыльной стороной прокоптевшей от загара руки.

Целый месяц в горячую уборочную пору он чуть ли не круглыми сутками сидел за баранкой. Спал в кабине машины, если подвертывалась пара часиков свободного времени.

— Разувайтесь,— посоветовал дедушка Терентий, сбрасывая с ног резиновые сапоги.

А ребята рады-радехоньки были побегать босиком.

Углубившись в заросли непролазного чапыжника, мальчишки неожиданно наткнулись на старый пень-богатырь.

Генка весь похолодел, первым увидев обросшего лишайниками, одряхлевшего великана. В смятении попятился назад. И чуть не сшиб с ног поспешавшего за ним Валерку.

— Тут змеиное гнездо!

Из-за плеча брата Валерка глянул на пень.

— Ужиков испугался! — усмехнулся он.

На пепельно-сером пеньке грелись, свернувшись колечками, молодые ужи. Один из них поднял узкую головку с двумя желтоватыми пятнышками, покачал ею туда-сюда и успокоился.

Возвращались к луговине не спеша. Перепрыгнули неширокий овражек, пропахший прелью от гниющей прошлогодней листвы, и замерли. Дорогу преграждала искусно сотканная паутина. Кое-где ближе к земле, в ее тончайших серебристых нитях горели яхонтами горошины все еще не испарившейся утренней росы. Да трепетно, словно бабочка, бился блекло-оранжевый листик осины.

Тут и вспомнились Валерке дедушкины слова: «В августе лето навстречу осени вприпрыжку скачет!»

Полюбовался Валерка тонкой работой трудолюбивого паука и обошел тенетник стороной.

Из-за плеча брата Валерка глянул на пень.
—Ужиков испугался,—усмехнулся он.

— Пошагали, мужики.—Дедушка бодро поднялся с колен.—Чаевничать дома будем.

Налетел вихревой ветер. Прошумел в вышине, шерстя жесткую листву. И хотя луговина изнывала от томительной духоты и солнце не застило даже легкое облачко, но шумели листья глухо и тревожно, как бы в предчувствии близкого ненастья.

Прежде чем перекинуть через плечо лямку от вместительной корзины, дед Терентий поднял голову, прислушался. Сказал раздумчиво, ни к кому не обращаясь:

— До обеда лето, после обеда осень... В августе всегда так!

...Валерка не сразу очнулся от воспоминания о вчерашней прогулке в лес, хотя Генка и тормошил его все настойчивее.

— Спишь?—шепнул брат в самое ухо.—Ну, очнись, кому говорю! Погляди, кто по огороду скачет.

По грядкам и в самом деле легко, словно летела по воздуху, прыгала огненно-рыжая белка с пушистым дымчато-черным хвостом. Вот она замерла перед разросшейся грядкой поздней клубники с тяжелыми листьями, урожайной в это лето на ягоду. Приподнялась на задние лапки, огляделась. А приметив на одном кусте несколько алых бусин, скакнула к нему. Вытянулась вся, осторожно сорвала передними лапками крупную ягоду. Так же осторожно положила ее в рот и огненной молнией метнулась к плетню, отделявшему участок от соседей. И, считая колышки, белка понеслась в сторону березовой рощи.

Засмеялся Генка, прищелкнул восхищенно языком:

— Экая прыткая, сластена!

Чуть погодя добавил с грустью в голосе:

— А мне уж и домой пора.

— Поживи еще,—попросил брата Валерка, не спуская глаз с крапивницы, опустившейся на его горячую руку. На миг-другой замерла бабочка, сложив парусом крылья.—Скоро Петька, поди, вернется. Уехал с матерью на недельку к родственникам на Волгу. Втроем нам веселее будет.

— К школе надо готовиться. Учебники, тетради мы с мамой купили. А ранец новый надо.—Генка помолчал, мечтательно щурясь.

— Может, купаться сбегаем?

— Помчались!—обрадовался Валерка.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Владимир ДАНЬКО

Фотограф

Мне сегодня старший брат
Дал свой фотоаппарат.

Я скорей на улицу,
Навожу на курицу —
Щелк!

К петушку я подходил,
Аппарат я наводил —
Щелк!

Пес по улице бежал —
Снова кнопку я нажал.
Щелк!

В аппарате — пленка,
Улыбнись, Аленка!
Щелк!

С аппаратом я хожу,
Куда хочешь, навожу.
Захотел — и дом с трубою,
Сверху — небо голубое,
На окне цветы в горшке —
Щелк!
И все в моей руке.

Елена ГУЛЫГА

Веселый канатоходец

Под куполом цирка натянут канат,
А я на канате сажусь на шпагат.
И замерли скрипки, и трубы молчат.
И, кажется, только неверно качнись —
Сорвешься с каната и свалишься вниз.

Трико мое в блестках, в руках моих шест,
Отточен и точен каждый мой жест,
Лампы сияют, бушует оркестр,
И я шаг за шагом иду не спеша,
А публика смотрит за мной не дыша.

Я выйду из цирка солнечным днем
И пройдусь по веревке с бельем,
И по забору, и по перилам,
По самым высоким и тонким стропилам.

Пройдусь по шлагбауму, по проводам,
Сниму воробья и мальчишкам отдам.
Мне пятки щекочут искры трамвая,
Они разлетятся, а я их поймаю.

Потом, если только я захочу,
По солнечному пробегу я лучу
И даже до неба достану рукой.
Канатоходец! Вот кто я такой!

Т. ЛАРИОНОВА

Стой!

Не тронь лесную
Кашку!
Не губи, прошу,
Ромашку
На поляне у ручья.
Говоришь, она
Ничья?
Нет,
Все наше...
И в ответе
Ты за каждого
Шмеля,
Потому что
ЧЕЛОВЕКОМ
Назвала тебя
Земля.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Что нам читать?

Как попасть на Гдетотам

Давай поговорим о великой сказке, которая будет жить вечно. О сказке про Питера Пэна, мальчика, Который Не Хотел Расти. Мальчик этот очень знаменит, настолько, что ему поставили памятник на его родине, в самом центре Лондона, в Кенсингтонском саду. Придумал его шотландский писатель Джеймс Мэтью Барри в 1904 году; стало быть, в будущем году Питеру исполнится восемьдесят. Дж. М. Барри, «взрослый» драматург и прозаик, создал этого мальчика с дудочкой в руках, отвлекшись от разных серьезных «сочинительских» дел ради веселой и беззаботной игры с собственными детьми. Именно так и создавались многие чудесные детские книжки.

Так, Юрий Олеша, создавший в 1924 году «Трех толстяков» из желания порадовать одну милую девочку, нисколько не подозревал, что именно эта книга принесет ему славу. Английский математик и педагог Льюис Кэррол ради другой девочки, тоже, наверное, милой, написал — на досуге! — свою бессмертную Алису. Антуан де Сент-Экзюпери, писатель и летчик, самую знаменитую свою книгу посвятил, правда, взрослому человеку (и извинился за это перед тобой, помнишь?). Но ведь книга эта — сказка! Знаменитая сказка о Маленьком принце.

Гениальная сказка родится порой случайно, как случайно родится гений в роду человеческом.

Только прошу тебя: ни слова о том, что ты уже большой, что сказки тебе надоели или, предположим самое худшее, что ты в них не веришь. Ты не можешь себе представить, как обиделись бы писатели и их герои, если бы услышали это.

А впрочем, можешь. Ты ведь и сам частенько оказываешься в подобной ситуации, когда, стоя у доски, объясняешь увлеченно, что в доме твоем вчера было наводнение и поэтому все учебники единодушно сгорели... Не говоря уже о том, что их — до единого! — порвала в мелкие клочья соседская собачонка... Маленькая такая, и как только управилась!.. Тебе не верят? Значит, плохо сочиняешь.

Питер Пэн, чем же он удивителен? Тем, что умеет летать? Вовсе нет: он от природы такой, летающий, и никто этому не удивляется, прежде всего он сам.

И если ты, мой друг, когда-нибудь летал, ты, конечно, помнишь, что нет тут никакой сложности, взял да и полетел, подумаешь... Правда, когда Питер предлагает полететь Венди, Джону и Майклу, у них далеко не все и не сразу получается. Тут Питер вспоминает: поначалу надобно, оказывается, обсыпать желающего волшебным порошком. Волшебный порошок — что-то очень неубедительное, вроде микстуры от кашля. Если ты в это средство хоть чуточку поверил, ставь на себе крест: никогда летать не научишься. К слову скажу: волшебного порошка в сказке поначалу не было. Автор вставил упоминание о нем лишь под сильным давлением общественности: его об этом очень просили некоторые мамы и папы. Дело в том, что их собственные дети, неумехи и растеряйки, с этим несложным делом никак не могли управиться. То коленку себе разобьют, то, наоборот, голову.

Еще один вопрос: почему это Питер летает просто так, без ничего, а его младшему братцу Карлсону, родившемуся полвека спустя, зачем-то прицепили на спину пропеллер с моторчиком? Думается мне, что пропеллер на Карлсоне для красоты, потому что каждому ясно, что летать без моторчика куда проще.

Итак, в полетах Питера Пэна нет ничего удивительного. Важно другое: где он живет? Как добраться до его резиденции на славном острове Гдетотаме? «Второй поворот направо, а там все прямо до утра» — так отвечает на этот вопрос он сам. Достаточно туманный адрес, чтобы мы не смогли им воспользоваться, не правда

Рисунок А. ДУГИНА.

ли? А «пропащие» мальчишки дразнятся:

Жаль, что даже по секрету
Мы открыть не можем вам,
Как найти вам гдето-гдето-
Гдето-гдето-Гдетотам!

Короче, Джеймс Барри в замечательном переводе Бориса Заходера (или Н. Демуровой, или И. Токмаковой) предлагает нам самим разбираться в этой истории. И, подумав немного, ты поймешь, что обижаться нечего: ведь Гдетотам — это твоя собственная фантазия. И если у тебя с нею все в порядке, то ты туда сам, без посторонней помощи, доберешься.

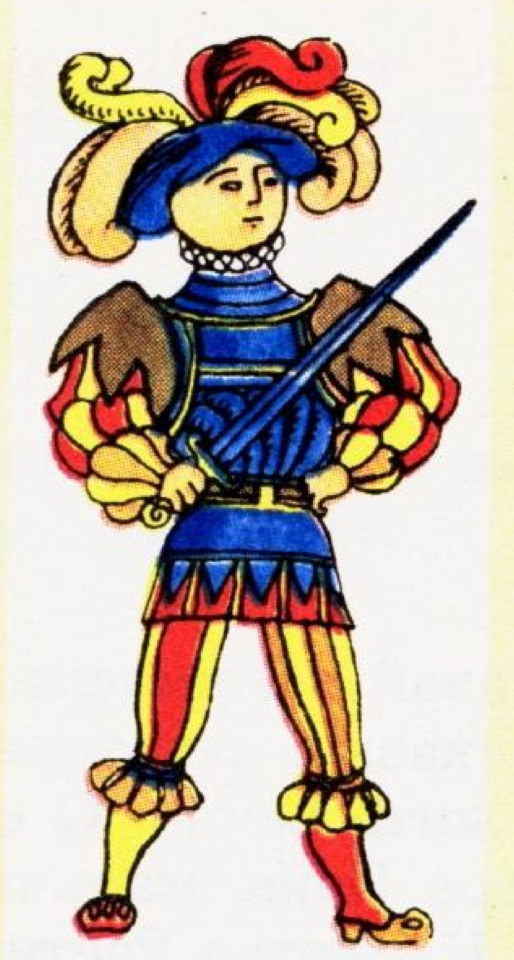
А теперь напоследок давай подумаем: счастлив ли Питер Пэн? Веселая ли это сказка? Будем смотреть правде в глаза: сказка, конечно же, грустная. И Питеру Пэну там, на его острове, вовсе не так уж замечательно живется. Маленький мальчик, совсем одинокий, никого у него нет на всем белом свете. От такой жизни и взрослый заплачет, а Питер почти никогда не плачет, хотя, поверь, порою ему очень этого хочется. Думаешь, весело ему было остаться на Гдетотаме — пусть даже с феями, пиратами, индейцами, поющими русалками и тикающими крокодилами, когда его приятели, «пропащие» мальчишки, поселились в доме Дарлингов и все до единого нашли себе папу и маму? Когда Венди его покинула? Почему же он остался — ведь его звали, уговаривали? Дело в том, что Питер,— он ведь очень гордый. И очень упрямый. Как все мальчишки. Ведь он сам решил, что Не Хочет Расти, что навсегда останется маленьким, будет только играть и веселиться. А может быть, он не просто Не Хочет — он не может возвратиться? Потому что возвратиться ему некуда.

Кто же он такой, Питер Пэн? Он — это детство: твое, и мое, и еще многих, многих и многих. Почему же так получается, что он несчастлив, а сказка печальная, ведь детство — это же прекрасно? Но представь, если мне, тебе, любому другому жаль расставаться с детством, то как же детству тяжело расставаться с нами?

Давай-ка будем читать хорошие сказки. Будем любить их. Не будем с ними прощаться.

Е. ВЕЛИКАНОВА

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ.



Почетный приз у ленинградцев

Начало традиционным соревнованиям команд Дворцов и Домов пионеров было положено в 1972 году. Трижды в них побеждала команда Московского Дворца пионеров, дважды — юные ленинградцы и один раз команда города Харькова. В этом году право выступать в финальном турнире на приз газеты «Комсомольская правда» оспаривали более восьмисот команд. Путевки получили только шесть лучших.

Седьмой финал, который на этот раз проводился в столице Литовской ССР — городе Вильнюсе, уверенно провела команда Ленинградского Дворца пионеров. Юные шахматисты набрали сорок семь очков и на семь очков опередили вторых призеров — московскую команду. Отлично вел борьбу капитан команды гроссмейстер Александр Кочиев, проводивший сеансы одновременной игры для участников пяти других команд. Кочиев и стал лучшим.

Интересно, что несколько лет назад Кочиев вместе с другими юными ленинградцами защищал шахматную честь дружины Ленинградского Дворца пионеров. В турнире раньше принимали участие и гроссмейстеры Гарри Каспаров и Артур Юсупов — наши замечательные шахматисты.

Команда Харьковского Дворца пионеров заняла третье место. Ребятам удалось набрать 35 очков. На четвертом — команда Новосибирского Дома пионеров. Несмотря на то, что юные шахматисты — дебютанты турнира, они смогли набрать 31 очко. На очко меньше у тбилисских шахматистов, которые заняли пятое место. На шестом — команда Вильнюсского Дворца пионеров, которая в ходе соревнований завоевала 29 очков.

Результаты соревнований свидетельствуют о напряженной спортивной борьбе, которая разгорелась на шахматных полях. Это неудивительно, потому что среди участников были двенадцать кандидатов в мастера, двадцать девять перворазрядников и даже один мастер. Это капитан команды литовских шахматистов пятнадцатилетняя Камиле Багинскайте, ученица вильнюсской средней школы № 9.

В трудных поединках с гроссмейстерами и мастерами лучших личных результатов добились ленинградские школьники Владимир Епишин и Виталий Штеренгас. В пяти встречах они набрали по $3^1/_2$ очка. Среди девочек отличилась ученица 222-й ленинградской школы Ира Кузмицкая. У нее $2^1/_2$ очка.

На турнире было немало творческих находок. Познакомьтесь с некоторыми из них.

(Диаграмма № 1)

К такому положению пришла сложная партия, которую играли капитан тбилисской команды (белые) международный мастер Зураб Стуруа и перворазрядник ученик 95-й новосибирской школы Игорь Гордеев.

Сейчас ход черных, но дела их, кажется, плачевны: у белых лишняя пешка, под ударом обе черные ладьи. Но Игорь заготовил неожиданный и сильный контрудар. События развивались так.

27... Ла8—а1! 28. Фd1:а1 (если 28. Фе2, то 28... Л:е1, и вновь оказывается губительным взятие пешки f3) 28... Ке5:f3+ 29. Kph2—g2 Cg7:a1 30. Kpg2:f3 (враг № 1 — конь черных уничтожен, но дорогой ценой) 30... Ле6—е5 31. Kb5:d6 (к разгрому вело и 31. С:d7 Ф:d7 32. Л:а1 Фg4+ 33. Kpg2 К:е4 и т. д.) 31... Cd7—g4+ 32. Kpf3—f2 Фс8:с7 33. Ле1:а1 Кс5:b3 (все укрепления белых рушатся) 34. Cg5—f6 Kb3:d2 35. Ch3:g4 (безнадежно и 35. С:е5 Фс5+) 35... Фс7:d6. Белые сдались.

Хорошая победа новосибирского школьника!

Какие пешки сильнее: связанные проходные или проходные на разных флангах? Как и обычно, все решают конкретные условия; расположение фигур на доске.

(Диаграмма № 2)

А в этой позиции из партии между ленинградским школьником Женей Соложенкиным и капитаном московской команды, гроссмейстером Сергеем Макарычевым отдаленные проходные пешки решили исход поединка.

Далее было: 35. Cd2:e3! f4:e3 36. g2—g4 h5—h4 37. Kpe1—f1 Kpf6—g5 (черным никак не удержать обе пешки. Если 37... Kpf7, то 38. g5 Kpe7 39. g6 Kpf6 40. d6 и т. д.) 38. d5—d6 d3—d2 39. Kpf1—e2. Черные сдались.

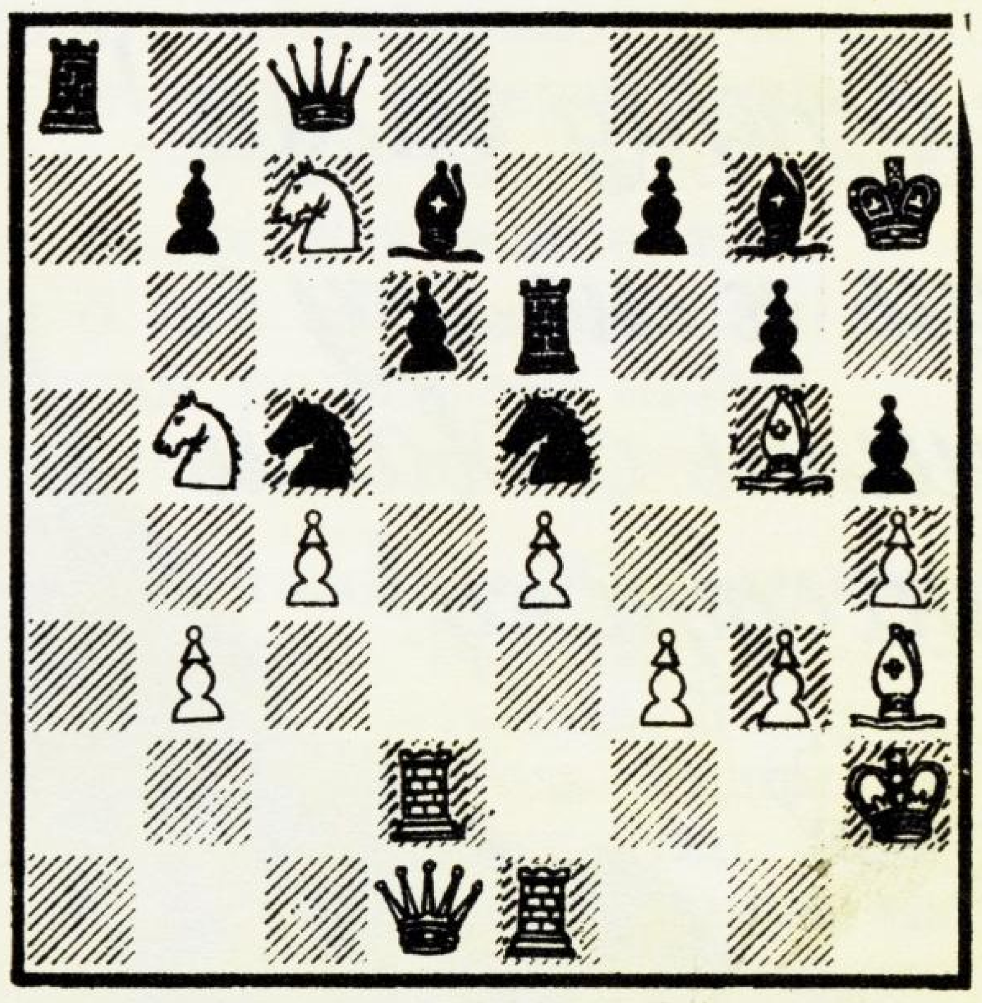


Диаграмма № 1

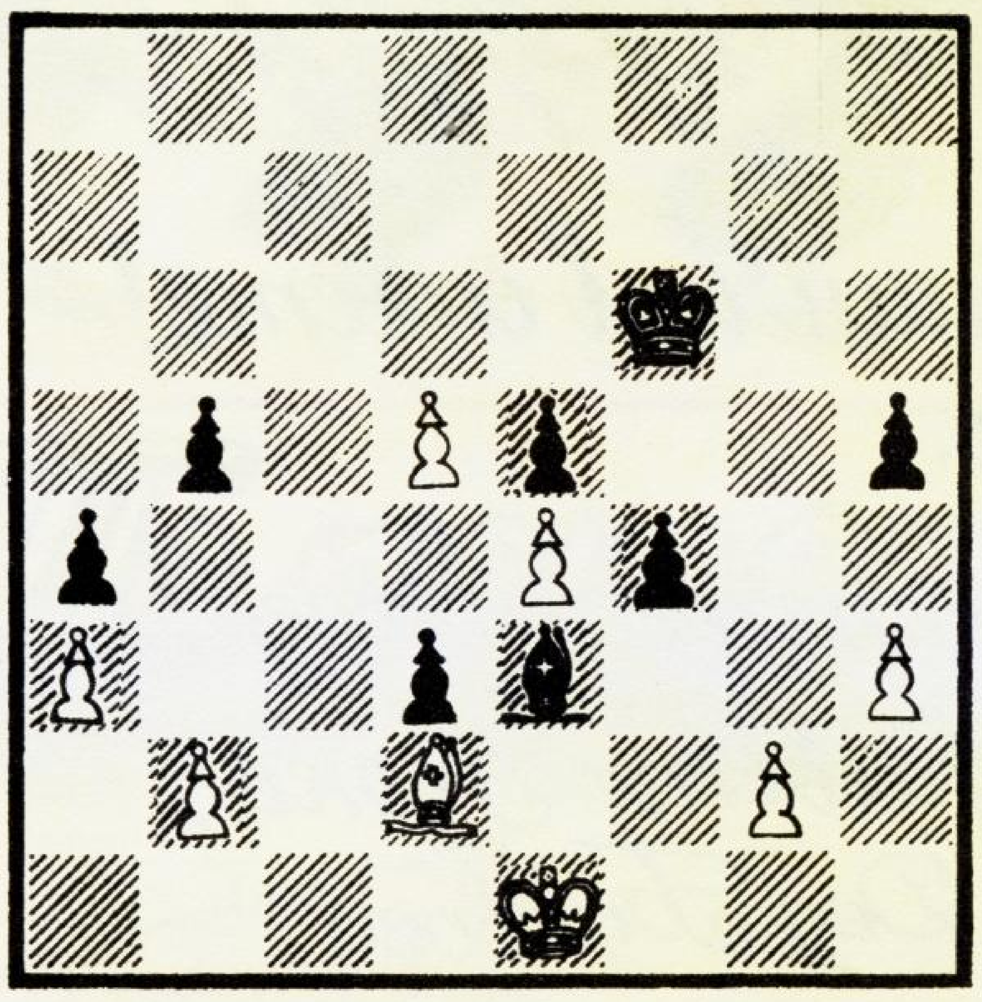


Диаграмма № 2

(Диаграмма № 3)

Здесь у черных материальное преимущество, но белые ведут наступление. Ребята из команды Харьковского Дворца пионеров очень волновались: удастся ли Виталию Бронзину, а он играл белыми, создать опасные угрозы королю черных, которыми предводительствовал международный мастер Зураб Стуруа.

32. f5—f6 Ce7—c5 (конечно, не 32... gf 33. ef с угрозой 34. Фg4+) 33. f6:g7 (теперь на 33. Фg4 черные ответили бы 33... g6, создавая оборонительные заслоны) 33... Kpg8:g7 34. Фd1—g4+ Kpg7—h7 35. Лf1—f6 Cc5:d4.

Критический момент борьбы. После очевидного хода 36. ed белые терпят поражение — 36... Лc1, затем 37... Ф:b2+ и т. д. Но Виталий находит хорошую возможность.

36. Лf6:h6+! Согласились на ничью.

После 36... Kp:h6 37. Фh4+ белые дают вечный шах.

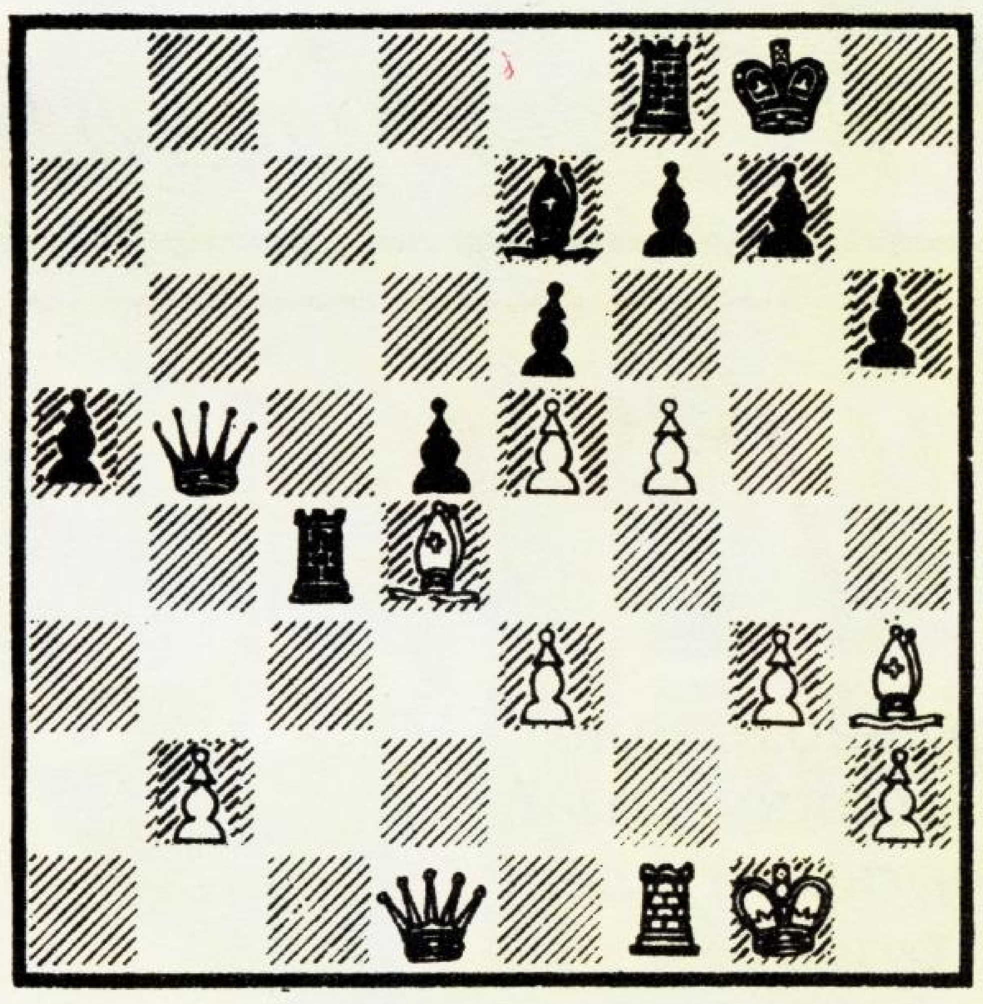


Диаграмма № 3

Расчеты и просчеты

Умеете ли вы, ребята, действовать по плану в шахматных партиях? И, конечно, по такому плану, который соответствует характеру возникшей позиции, построен с учетом ее особенностей.

О планировании шахматных операций рассказывает небольшая книга «План в шахматной партии», выпущенная недавно издательством «Физкультура и спорт».

Пять победителей конкурса, который мы проводим в этом номере, получат эту книгу, если правильно решат два конкурсных задания и расскажут о плане действий в каждом из них.

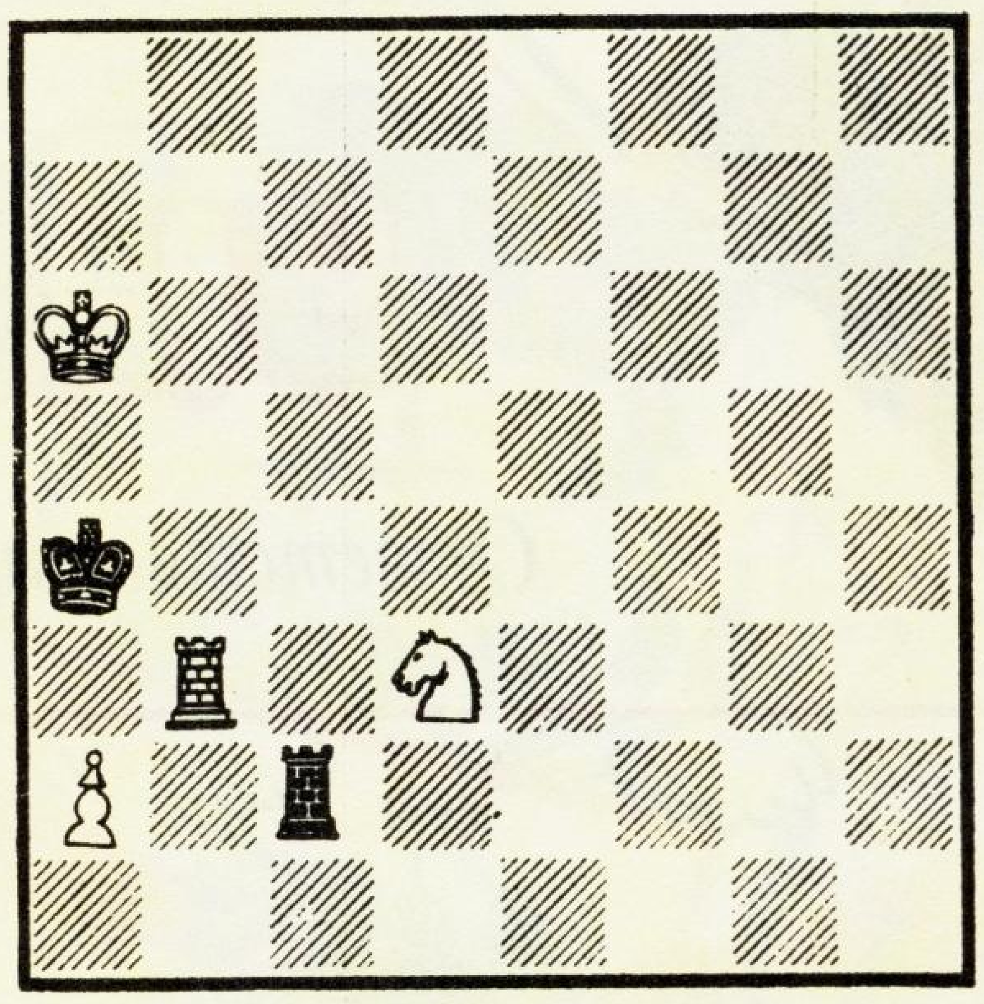


Диаграмма № 4

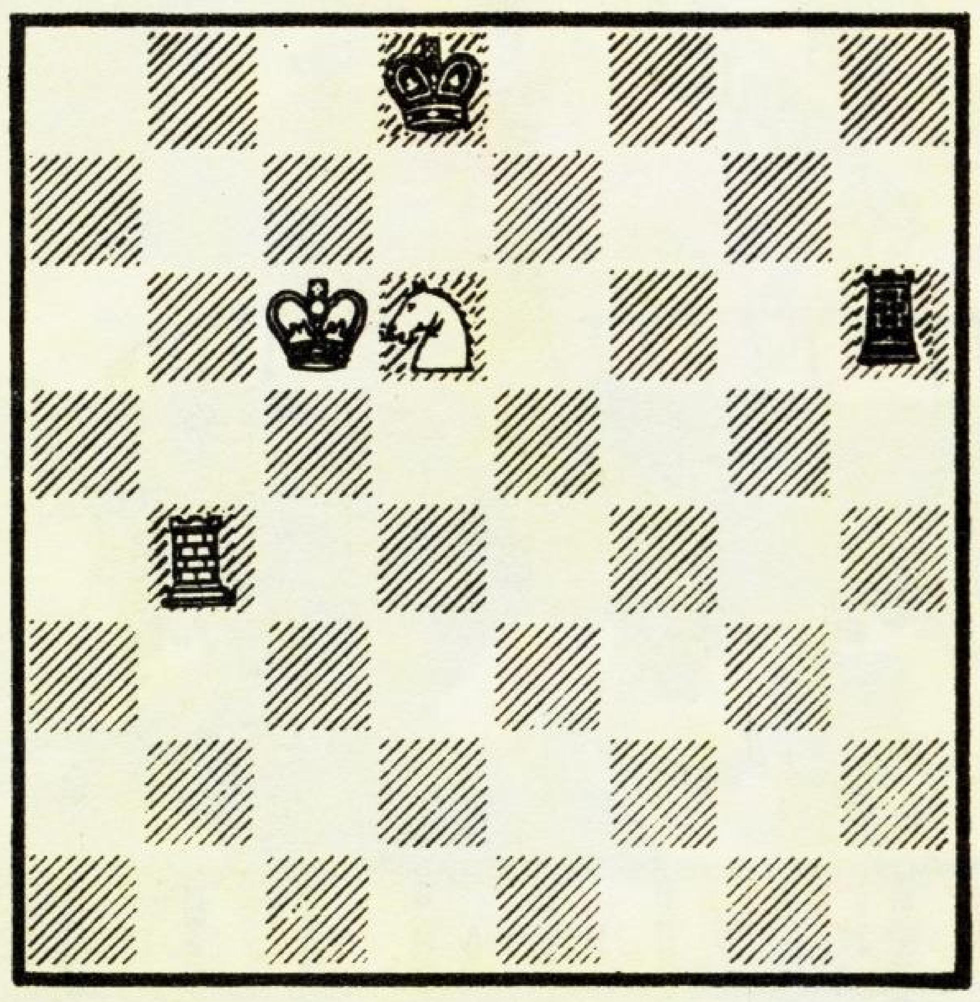


Диаграмма № 5

(Диаграмма № 4)

Найдите, как белые, начиная игру, дают мат в три хода.

(Диаграмма № 5)

А в этом положении белые, используя то, что король противника отрезан на восьмой горизонтали, могут при своем ходе добиться победы. Каким образом?

Если ты увлекаешься шахматными композициями, прими участие в конкурсе «Я — композитор», который объявил журнал «Костер». Составлять задачи-двухходовки очень интересно! Заявки на участие и вопросы об условиях шлите в редакцию по адресу: 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер».

Не забудьте указать на конверте: «Я — композитор».

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Пролив отважных

Пролив отважных перед вами!
Пройти ты хочешь к маяку?
Морскими прочными словами
Дополни каждую строку!

Пять длинных слов пришли в ответе!
Задача очень нелегка.
Спеши! Крепчает встречный ветер!
Жду писем. Всем привет. Пока.

Дед Буквоед

Подсказку шепчет знак вопроса:
Все буквы слов бери с утёса!

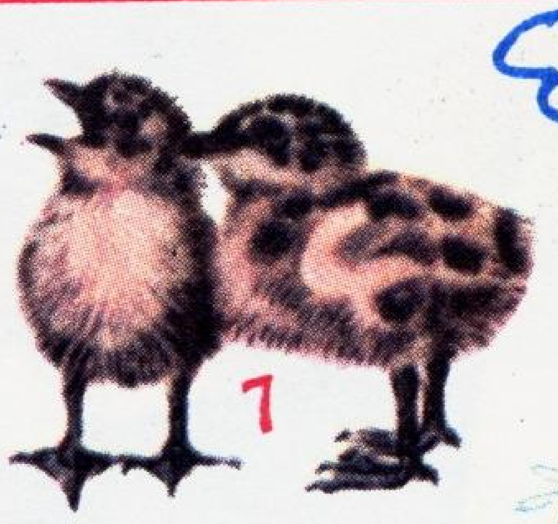
Строгий порядок

Я утром был в читальном зале.
Мне там смешную книжку дали.
Сидел... и вдруг простыл и след!
А почему? Пришли ответ.

Живживка

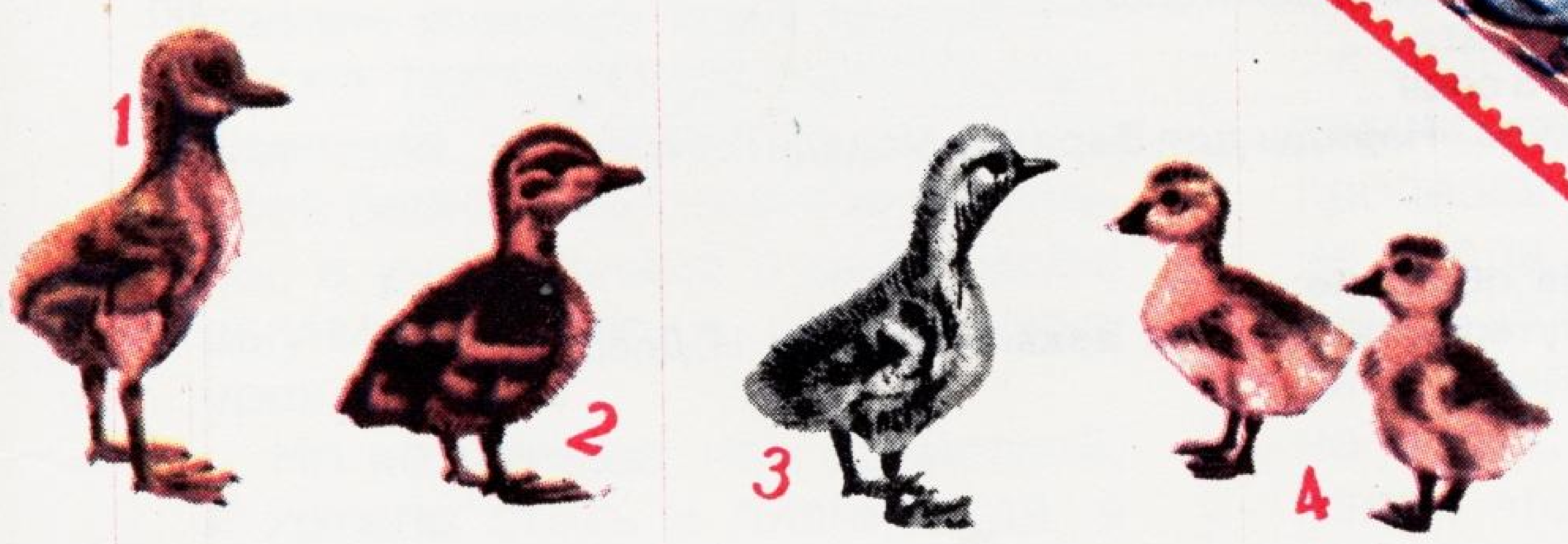
Игры Лупы и Пинцета

Помогите птенцам!



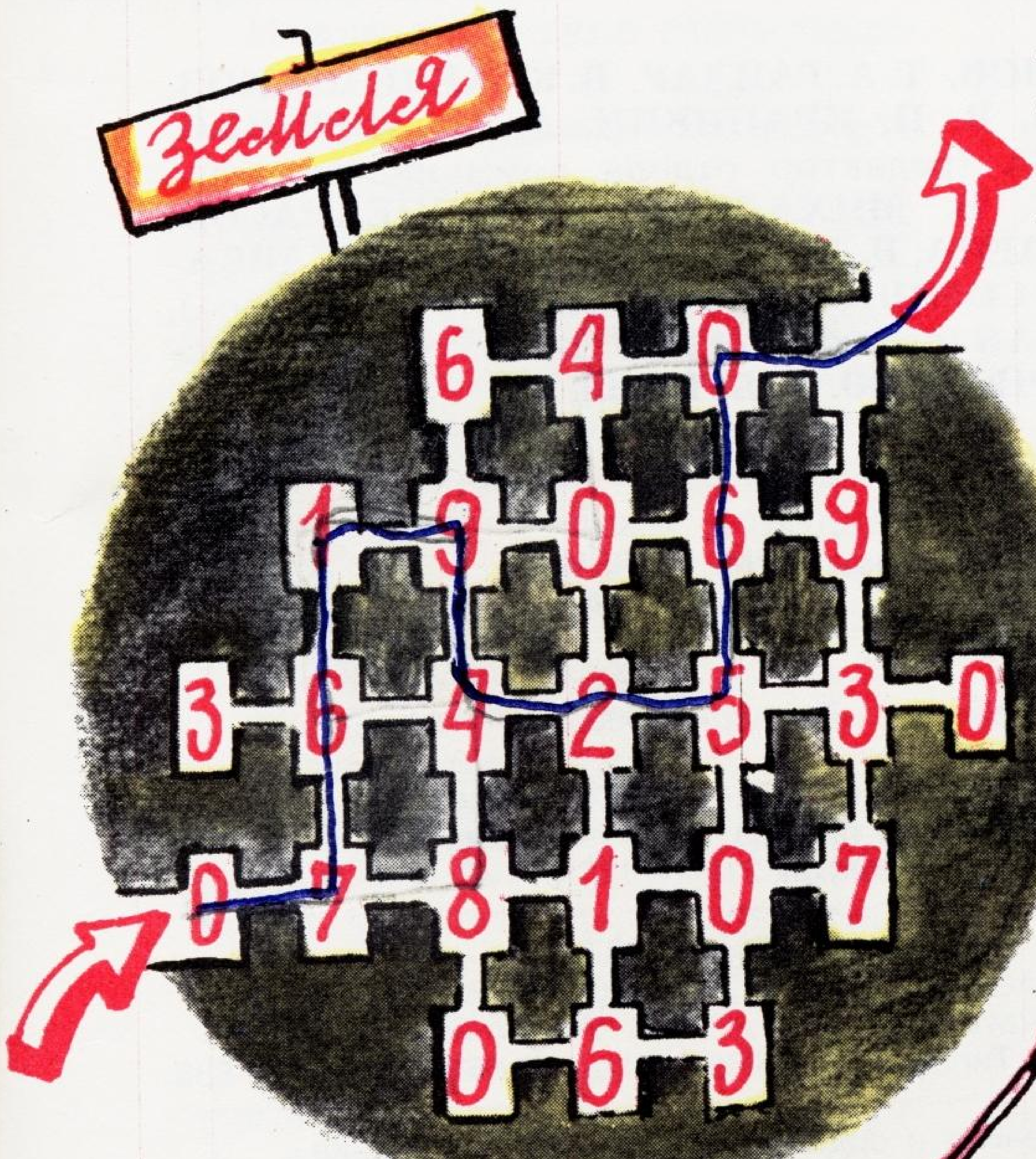
В палате бегают птенцы,
Пищат, заглядывают в марки:
— Где наши матери? Отцы?
Пусть кормят нас! Несут подарки!
Они сидят как взаперти!
Они о нас совсем забыли!
Птенцам родителей найти
Поможем, не щадя усилий!

Примечание. На марках: А — вальдшнеп, Б — утка, В — буревестник, Г — журавль, Д — гусь, Е — бекас, Ж — лебедь. Рядом вы видите птенцов этих птиц. Присмотритесь и найдите птенцам их родителей. В ответе соедините цифры и буквы.



По пещерам и гротам

Капитан Перо ищет помощника



Вот задача! Все за мной!
Заострите ум, как гвоздь!
Потому что шар земной
Мы должны пройти насквозь!
Очень сложная работа —
От зари и до зари —
По пещерам и по гротам
Ровно сорок набери!

И запомнить должен каждый,
Что в один и тот же грот
Заходить не надо дважды.
Все за мной, друзья, вперед!

Тренируй свой ум и взгляд,
Дашь в ответе чисел ряд!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 7

Игры Лупы и Пинцета

Почтовые голуби: а — Франция, б — Венгрия, в — Португалия, г — Швеция.
Ни пуха ни пера. Тринадцать рыб, среди них — акула, рыба-меч, скат, морской окунь и другие.

Капитан Перо ищет помощника

Победите цифрозавра! 1 8 2 7 4 5 6 3.

Страшно быть жадиной

У меня дома есть хорошие пластинки и книги. Одноклассники часто просят их у меня. Я даю. Но не все книги, не все пластинки ребята возвращают.

Мама видит это и не разрешает ничего давать. Но я все равно даю, потому что боюсь услышать за спиной слово «жадина».

Вы скажете: «Надо напоминать, чтобы возвращали». Правильно. Я сначала говорю, чтобы отдали. Потом проходит месяц, и мне стыдно. Стыдно напоминать, и стыдно за ребят. Ведь мне не жалко, пусть берут, но пусть и возвращают.

У нас была хорошая библиотека, а теперь многих интересных книг нет. Я сейчас очень расстроена. Наверное, все-таки придется послушать маму и никому ничего не давать.

Ученица 7-го класса,
Херсонская область.

На сенокосе

Прошлым летом я вместе с папой ходила на сенокос. В нашем селе это редкое явление: девочка косит. И все мне с недоверием говорили: «Где тебе косить, ты же не умеешь». Я только смеялась. На сенокос я ходила потому, что у папы нет другого помощника.

Ходили мы на сенокос по вечерам, а возвращались домой после захода солнца.

Я никогда не задумывалась над тем, какое время года самое красивое. А теперь стала думать, что самое красивое время — лето. Кругом цветы, зеленое царство. Особенно красоту лета можно ощутить перед утренней и вечерней зарей. Слышно пение птиц, стрекот кузнечиков, шорохи стрекозиных крыльев и редкий звук косы.

Рагимат АРСЛАНХАНОВА,
с. Боташюрт, Дагестанская АССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Всесоюзный штаб Тимура
Вперед, тимуровцы! .... II обл.
Приказ Всесоюзного штаба Тимура 1
Боевой листок 2
Семейный экипаж. — Повесть С. Романовского. Окончание. Рисунки В. Дудкина 5
«Артек» — это радость и счастье 14
Просим ответить всех! 15
Подарок соловью. Папоротник. Великан и Гном. — Стихи А. Матутиса. Рисунок А. Дугина 16
Мой конек
Путешествие через века. — М. Матвеева. Рисунок Н. Доброхотовой 18
Отряд говорит с отрядом. — Рисунки А. Вовиковой 21
Зеленая ракета — все спокойно. — И. Голубева. Рисунки Л. Хачатряна 24
Семь царств ужаса, которых не заметил князь Багратион. — Н. Самвелян. Рисунки Д. Барабаша 27
«Кораблик» 32
Одна лошадиная сила. — Повесть И. Стрелковой. Продолжение. Рисунки Е. Медведева 34
Запевают провода. — Стихотворение И. Василевского 46
В лесу. — Стихотворение Ю. Шигаева 46
Что нам читать? 47, 59
Путешествие в Спортландию. 48
Международный пресс-центр «Пионера» 51
«Переменка» .... 52, III обл.
Иван-чай — трава полезная. — Л. Прунцова. Рисунок П. Пророкова 53
Про птиц и зверей. — Ведет А. Плешаков. Рисунки Г. Человечкова 54
Валеркин календарь. — Повесть В. Баныкина. Продолжение. Рисунок М. Петрова 56
Стой! — Стихотворение Т. Ларионовой 58
Фотограф. — Стихотворение В. Данько 58
Веселый канатоходец. — Стихотворение Е. Гулыги 58
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Рисунки Н. Доброхотовой 60
Ума палата 62
Сами о себе 64
Конкурс «Наряды для Вари». — Модели Г. Глущенко .... IV обл.

На обложке:
Путешествие через века. — Рисунок Н. Доброхотовой.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Т. А. ГАЙДАР, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

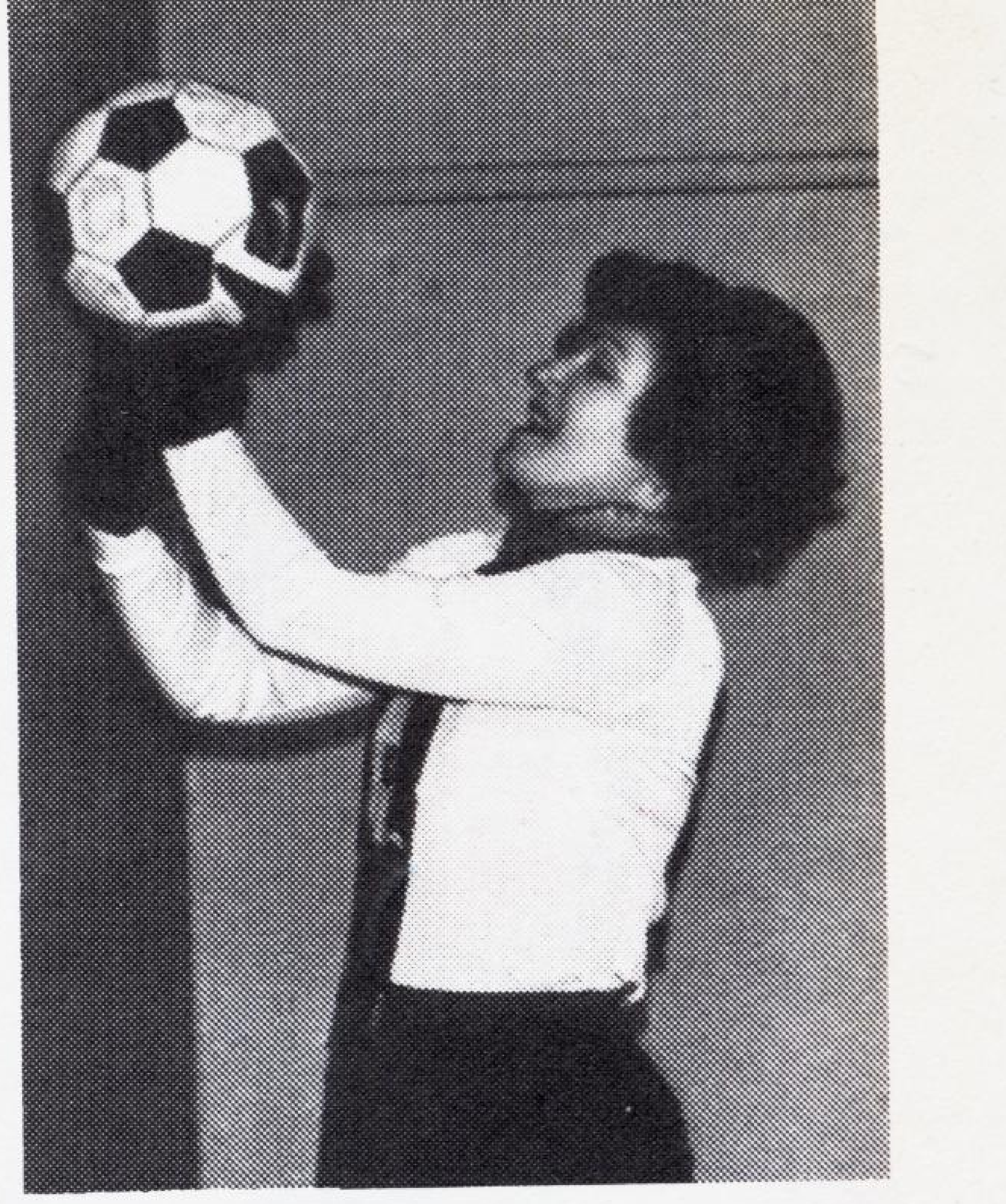
© Издательство «Правда». «Пионер». 1983.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 01.06.83.
Подписано к печати 17.06.83. А 06125. Формат $84\times60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 1641. Заказ № 838.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА



В «Переменку» пришло немало писем, адресованных артистке эстрады ***Марине РОЗОВСКОЙ*** *и ее воспитаннику — футбольному мячу. Пишут отряды пионерского лагеря «Маяк» и пионерского лагеря «Луч», участники драмкружка «Улыбка». Все ваши вопросы, ребята, мы вручили нашему корреспонденту* ***Людмиле Яковлевой.***

Корреспондент. Боюсь, всем артистам всегда задают этот вопрос: кем вы мечтали стать в детстве?

Розовская. Конечно, артисткой! Кто же в детстве, хотя бы на одну неделю, не собирается быть артистом? Я была участницей всех наших школьных спектаклей, участвовала в лагерной самодеятельности, а однажды... пришлось сыграть несколько ролей даже на уроке. Я плохо выучила басню «Стрекоза и муравей» и когда меня вызвали к доске, постаралась выйти из положения, изобразив в лицах героев басни. Ребята были довольны, а учительнице я дала слово выучить басню к следующему уроку.

Но не меньше, чем артисткой, я хотела стать и пианисткой, а пока училась играть на гармошке, на дудочке, на рожках... И еще я очень любила животных. У нас в доме всегда жили кошки, собаки, птицы. Я не только ухаживала за ними, но и пыталась дрессировать.

И еще я мечтала стать педагогом!..

Корреспондент. Как все это можно соединять?

Розовская. Представьте себе, можно. Все мои увлечения объединила одна профессия: артистка кукольного театра. Я играла роли кошек, лисичек, зайчиков, ну, а коль каждая сказка — «намек, добрым молодцам урок», то я считала себя немножко и педагогом. И все-таки я искала что-то еще.

Корреспондент. Что же?

Розовская. Мне хотелось иметь куклу, которая могла бы говорить и двигаться как бы без моего участия. Ну, вроде той, с которой выступают артисты Мария и Евгения Донские.

Корреспондент. Знаю, да и ребята, наверное, знают их куклу Андрюшу...

Розовская. Мне найти такого партнера помог случай. Мы жили на первом этаже, и окна моей квартиры выходили во двор, где мальчишки все время играли в футбол. Видимо, это были начинающие игроки, потому что они все время путали ворота противника с нашим окном. И вот когда в очередной раз мяч, разбив окно, влетел в мою комнату, я вышла с ним во двор и строго спросила игроков: «Кто разбил окно?» Естественно, виноватых не было. И тогда вдруг мяч, который я держала в руках, мальчишеским голосом сказал: «А я знаю кто!» Ребята опешили, только самый маленький из них пропищал: «Ябеда!» «Ничего я не ябеда,— продолжал говорить мяч.— Но если вы еще раз забросите меня в окно, я с вами играть не буду». Мальчишки с опаской взяли «говорящий» мяч и с тех пор в нашем дворе не показывались. А мысль — сделать мяч своим другом — осталась, и вот уже несколько лет мы работаем вместе.

Корреспондент. А теперь вы, может быть, познакомите меня со своим партнером?

Розовская. С удовольствием. Да он от радости будет просто до потолка прыгать. Ой, куда-то он закатился — он иногда бывает очень стеснительным... А, вот он!

Мяч. Здравствуйте! Видите, какой я вежливый!

Розовская. Зато не очень скромный: сами себя люди не хвалят.

Мяч (шепотом). Об этом поговорим, когда уйдет корреспондент.

Корреспондент. Но пока я здесь, скажи-ка мне, отчего это у тебя синяк над глазом?

Мяч. А вы видели когда-нибудь мальчишку без синяка? Вы что, в футбол никогда не играли, что ли?

Корреспондент. Давай договоримся: вопросы буду задавать я. В конце концов кто корреспондент: ты или я?

Мяч. Вы, вы! Давайте задавайте вопросы, я на любой отвечу!

Корреспондент. Так уж и на любой?

Мяч. А что? В каких только мы с Мариной классах не побывали! И на уроках: от историки — до тригонографии. Да я мог бы быть круглым отличником!

Корреспондент. Ну уж, круглым отличником!

Мяч. Ну, можно просто сказать: круглым.

Корреспондент. Тогда скажи, к примеру, какие деревья растут в Италии?

Мяч. В Италии... в Италии...

Розовская. Вспоминай! Там растут апельсиновые деревья...

Мяч. ...и макароновые. Ага! 1:0 в мою пользу!

Розовская. А по-моему, пора уже удалить тебя с поля. Большой мячик, а ведешь себя как маленький. Иди попрыгай в коридоре.

Корреспондент. И все-таки как же ваш мяч говорит — об этом спрашивают ребята в письмах...

Розовская. ...и мои зрители! Однажды я им ответила, что я его выдрессировала, дрессируют же зверей... Но тогда какой-то малыш протянул мне свой мячик и попросил: «Подрессируйте мне его, пожалуйста...» А если серьезно: это сложное и очень древнее искусство. У него есть и название — вентрология, искусство говорить, не раскрывая рта. В древности «чревовещатели» почитались как божества. Да и позже их долгое время считали волшебниками или колдунами, когда-то за это преследовали. Ну, а теперь известно, что это особое устройство речевого аппарата и, конечно, тренировка. Моей профессии, как и любой другой, надо учиться. И учиться много. Да, в нашей профессии есть чуточку чуда, но если кто-то из ребят подрастет и захочет стать артистом-вентрологом, пусть приходит, я его обязательно научу!

ISSN 0130—8009

ВНИМАНИЕ! КОНКУРС «НАРЯДЫ ДЛЯ ВАРИ»!

Эту девочку зовут Варя. Ей тринадцать лет. Предлагаем вам, юные модельеры, пополнить Варин гардероб. Нарисуйте и пришлите те вещи, которых, на ваш взгляд, Варе не хватает.

Дайте описание, из каких тканей, из какого материала вы предлагаете одежду сшить.

Глядя на ваши модели, редакция узнает, как хотят сейчас одеваться подростки. Ваши мнения обязательно учтут художники-модельеры.

Присланные работы будут рассмотрены и оценены. Авторы лучших моделей получат в подарок наборы для рукоделия.

ВНИМАНИЕ! КОНКУРС «НАРЯДЫ ДЛЯ ВАРИ»!

Цена 30 коп. Индекс 70694.